

Если этот текст вас не тронет, то у вас просто больше не осталось души.

Этой главой мы начинаем публикацию удивительного документа. Выбор названия автор объясняет сам. Но надо сказать несколько слов об авторе.

Леван Васадзе не просто выдающийся грузинский поэт, общественный деятель, политик -- создатель невероятно популярного в Грузии движения "Эри", "Народ". Народ Грузии его единодушно боготворит. Прозападная коррумпированная либеральная элита толь же единодушно ненавидит.

Традиционалист, убежденный православный христианин, крестный отец наследника грузинского престола, благотворитель, спортсмен, литератор, восстановитель священных крестьянских практик и секретов виноделия, горячий грузинский патриот, суверенист, монархист и глубокий знаток православной мистики, часто посещающий Святую Гору, совершенно оригинальный философ и филолог, отец восьми изумительных красивых и умных детей... Это лицо Грузии *par excellence*. Душа супры и надежда всего эри, народа. Звезда политики и ангелическая фигура того, чем должен быть настоящий грузин. Небесный грузин. Грузинский архетип.

Леван Васадзе долго уклонялся от того, чтобы напрямую войти в политику. Не только потому, что понимал все риски, но и потому, что находился на недостижимой для политической возни высоте. В этом году он принял решение принести в жертву все. И прежде всего себя самого. Он спустился с высот созерцания и чистой мысли, духовного делания и активного процесса воспитания новых поколений настоящих грузин, чтобы встать грудью на защиту традиционных ценностей.

Это был выбор воина и героя, вступающего в безнадежную битву по низменным правилам без шанса на успех.

Сегодня прекрасная православная Грузия, увы, оккупированная страна. Это колониальная зона либерального Запада, от которой еще и отторгнуты -- нами, русскими, хотя и в ответ на агрессию либеральной марионетки Сороса и Бернар-Анри Леви Саакашвили -- важнейшие территории. И вот ради спасения ее, ради ее освобождения, возвышения и воссоединения Леван Васадзе в 2021 году принял решение встретить судьбу лицом к лицу.

Он провозгласил создание движения "Эри". И... почти сразу же получил тяжелейшую рану. Его здоровье была идеальным. И вот стоило войти в политику, как все рухнуло. Сильнейший воин в расцвете сил тут же становится жертвой тяжелейшего заболевания -- не генетического, приобретенного. И удар по какой-то случайности (случайности ли?) совпадает как раз с моментом входа в политику -- на волне колоссальной поддержки грузин, прежде всего

традиционалистского патриотического ядра и Православной Церкви, но с огромной базой в простом народе.

Мы будем публиковать главы "Дневника Немошного", который Леван Васадзе стал вести с момента вхождения в тяжелейшую фазу борьбы за жизнь против недуга, который выглядит фатальным. Но такова судьба героя -- битва с роком, с великой силой, превосходящей любое мужество и любую стойкость. Это дневник настоящего героя, вступившего в битву со злом и смертью.

В приложении мы публикуем пояснение Левана Васадзе о его внезапном заболевании "Странные Обстоятельства Моей Болезни".

Если он вас не тронет, то у вас просто больше не осталось души...

А. Г. Дугин

Предисловие
Мощь (сила) Немошного.

В любом тексте есть как свое собственное, так и «другое», «чужое время». Один поэт сказал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Именно поэтому «Дневник Немошного» Левана Васадзе сегодня можно читать двояко: в обычном порядке, когда читаешь тот или иной текст от начала до конца. Однако, я бы посоветовал современному грузинскому читателю сначала прочитать статью о Леване Васадзе, написанную в июне 2019 года Кристиной Пушоу, американской политической журналисткой и действующей чиновницей, работающей в США, и только потом приступить к чтению основного текста.

Бывают времена, когда «человек уже на властен над собой» и когда человек может «свернуть горы», но бывают и другие времена, когда «один сильнее тысячи»... Когда читаешь дневник Левана Васадзе, возникает ощущение, что, как в капле воды отражается море, так и в этом тексте отражается борьба «неишущего логоса» грузинского народа за сохранение самобытности и суверенитета – не того формального суверенитета, на котором настаивают отечественные либералы, истерично голосащие, что только в Североатлантическом альянсе есть гарантия нашего спасения и независимости, а того реального суверенитета, когда культура сохраняет свою самобытность, а государственность представляет собой лишь внешнее выражение этого.

Леван Васадзе назвал сущность грузинской идентичности «неишущим логосом». Эту концепцию, действительно, надо принять во внимание, но главное все –таки в том, что и будущий читатель, и автор понимают, что есть что-то, что не изнашивается и не теряется в историческом процессе – культурное ядро, которое интуитивно чувствует каждый грузин и которое увековечил в своих словах Руствели:

«Я из тех, кто жизнь не выше ценит гнили огуречной.
Смерть за друга я считаю лишь утехой сердечной».
(Перевод Н.А. Заболоцкого)

Тот, кто умирает за ближнего — христианин, а тот, кто считает это «утехой сердечной» — христианин-грузин, и мировое христианство лишилось бы многого не будь этого грузинского экзистенциального восприятия. Сегодня Грузия борется не столько за грузинский язык, сколько, по словам Мераба Мамардашвили, за то, что можно выразить на этом языке. Наряду со всем остальным, это осознание наших усилий в недрах языка собственной культуры и артикуляция этого.

Внимательный читатель заметит, что многомерный и полифонический текст Левана Васадзе содержит в себе философские медитации, культурологические размышления, литературные суждения, собственные стихи и стихи других поэтов, политологические рассуждения и политические прогнозы – одним словом, его собственное видение грузинского и общественного будущего. В нашем частном контексте это видение имеет одну основную концептуальную основу – это деревня и земля. С точки зрения автора дневника, будущее у нас будет только в том случае, если грузин вновь почувствует вкус земли и вернется в деревню.

По мнению великого французского философа Гастона Башляра, земля, огонь, вода и воздух — это четыре основные стихии воображения и фантазии, творческого вдохновения: например, Э.Т.А. Гофман — поэт огня (поэт в самом широком смысле), а Эдгар По — поэт воды. Очевидно, что мы – грузины – люди земли. Поэтому, когда мы говорим о нашей аутентичности, мы должны помнить, что главный аргумент не исторический, а метафизический: сначала была поэзия, а только потом история. Именно поэтому земля имеет для нас особое значение и смысл. Земля – это не просто территория, поверхность, отмеченная на карте, земля – это наша собственная культурная глубина. Земля – это стихия-элемент, из которого была создана наша культура. Очевидно, с этой точки зрения совсем не случайно в греческом языке нас называют «земледельцами». Чтобы не оставить все это пустыми словами, напомним читателю, с одной стороны, известную занимательную легенду, согласно которой сам Господь Бог даровал нам нашу наследную землю, и, с другой стороны, о трагически серьезном «Зове земли» Михаила Джавахишвили.

Леван Васадзе считает, что сельский хронотоп, работа на земле и сельская жизнь имеют экзистенциальное значение для нас – современных грузин, которые уже давно отвернулись от земли и села и построили непропорционально грубую городскую культуру – точнее, мы создали уродливую чудовищеобразную «реальность».

Здесь же следует отметить, что сельская жизнь и труд на земле имеют и другое измерение – своим внутренним ритмом они отчасти схожи с монастырской жизнью, которая является истинной сущностью грузинской традиционной духовности.

Как я уже отметил вначале, сегодня грузинская культура борется за сохранение и спасение собственной идентичности. Какова же наша главная задача? Очевидно, ответ лежит на самой поверхности – всеобщая цивилизационная стандартизация, которую еще называют глобальным хроностазисом.

Но в то же время у этого вызова есть свои частные действующие лица и субъекты, видимые протагонисты и исполнители. Даже перечитывания статьи Кэтрин Пушо вполне достаточно, чтобы понять, с вызовом какого типа мы имеем дело – это новая,

жесткая и безжалостная волна неокOLONиализма, замаскированная поверхностной толерантностью и псевдогуманистической лживой риторикой.

«Дневник Немощного» — это ответ на те испытания, которые можно назвать радикальным экзистенциальным испытанием, предельным состоянием человека, стоящим перед лицом смерти. Очевидно, что это общечеловеческое состояние, но иногда, как говорил Булгаков, человек бывает «внезапно смертен», и в такое время его письменный труд, письменное изложение его мыслей иногда превращается в форму аскетизма и духовной тренировки, а дневник становится настоящей духовной практикой. «Внутренний» опыт, который дается человеку в такое время, с одной стороны, уникален, но с другой стороны, у человека возникает вполне естественное желание поделиться этим опытом, что Леван Васадзе осознает уже в прологе своего дневника и четко определяет свое состояние как состояние, когда желаешь «облегчить трудный путь своему собрату». Именно на этом «трудном пути» одновременно стоят сегодня как вся наша культура, так и каждый отдельный человек.

Иногда случается, что «путь нации» отражается в судьбе одного человека, идущего по жизненной дороге, как небо в кроне цветка. «Дневник Немощного» Левана Васадзе является наглядным выражением этого, и именно в этом его сила.

Образцом силы (мощи) Немощного по праву можно считать царицу Кетеван, которая политической власти предпочла преданность распятой на кресте истине. Такой пример озаряет путь не только всем грузинам, но и всем христианам.

Леван Васадзе
Странные Обстоятельства Моей Болезни
(Неавторский перевод)

В моем последнем телеобращении, которое называется «Начало моего лечения», я пообещал общественности, что частично перейду на письменный формат общения, что обусловлено нынешним состоянием моего здоровья.

Это не значит, что я больше не смогу делать видеообращения, но в ближайшем будущем, в зависимости от состояния моего здоровья, буду излагать свои мысли в письменном виде.

Прежде чем перейти к основной части обращения, хочу подчеркнуть, что не собираюсь завоевывать в чьих-то глазах ложный авторитет или симпатии, спекулируя своей внезапной и более чем редкой болезнью, странным образом совпавшей с моим приходом в политику.

В нашей стране так много людей, которые тяжело больны, много детей проходят курс химиотерапии, столько страданий и проблем вокруг, что мою болезнь на этом фоне, возможно, и не стоит упоминать.

Но, так как дело касается не столько лично меня и состояния моего здоровья, сколько, возможно общественных и политических процессов в нашей стране, считаю себя обязанным сообщить общественности о том, что со мной происходит, чтобы уменьшить количество ложных слухов и сплетен и дать возможность общественности сделать свои собственные выводы на основе объективной информации, полученной из первых уст.

Сразу скажу, я не могу однозначно сказать, является ли это мое редчайшее заболевание, столь странным образом совпавшее с моим вхождением в политику случайностью, или же искусственно вызванным.

Я не могу исключить здесь какой-либо вариант и, как я уже сказал, не очень надеюсь, что когда-нибудь выясню всю правду до конца. Но это не означает, что у меня нет обязательства перед семьей и обществом подробно описать, все, что происходило со мной в эти трудные месяцы и о чем обществу почти ничего не известно.

В предыдущем телеобращении я назвал свой подтвержденный диагноз (приобретенный амилоидоз сердца типа AL с поражением миокарда сердца) и предварительный второй диагноз (множественная миелома). Для окончательного подтверждения этого второго диагноза (множественная миелома) требуется сканирование скелета, так называемая процедура контрастного пэт/скана, проведение которой на данном этапе не позволяют показатели моих почек.

В принципе, вне зависимости от того, подтвердится миелома или нет, тяжесть диагноза особо не изменится: амилоидоз, особенно типа AL, гораздо более агрессивное заболевание, чем

миелома. Причем, уже обнаруженное в моем анализе количество плазматических клеток, характерное для миеломы, (сознательно не указываю конкретный %), по мнению экспертов, вполне подтверждает вероятность миеломы, которая, как известно, может быть вызвана в том числе облучением и радиационным отравлением.

Я рассказываю такие подробности, потому что сегодня я собираюсь изложить ряд симптоматических и клинических обстоятельств моего заболевания, которые, наряду с вышеуказанными фактами, помогут составить общую картину специалистам следственных органов или медицинской сферы, которым, в будущем, быть может, будет поручено изучение моего случая.

Я не врач, но постараюсь описать события как можно более конкретно и сделать это на понятном всем языке.

В марте-апреле, примерно в то время, когда я начал в узком кругу обсуждение вопроса моего вступления в политику (в том числе и по телефону), у меня появился странный кашель, который никак не проходил и становился все сильнее.

Сначала я не обращал на него внимания, но потом я начал кашлять с небывалой частотой, начал задыхаться, кашель мешал речи и сну, и никакие лекарства не помогали.

В апреле, находясь в Москве на заседании совета директоров нашей компании, я, по просьбе супруги, прошел комплексное медицинское обследование в «Реабилитационном центре академика Лядова». Осмотр длился два дня. Было проведено полное обследование всего организма с использованием современного оборудования и тестов. Результаты обследования задокументированы.

По результатам обследования у меня было все в порядке, кроме сниженных показателей одышки при движении, и мне порекомендовали обратиться к пульмонологу.

Прилетев в Тбилиси, я посетил очень хорошего профессора-пульмонолога, прописавшего мне противокашлевый курс лечения, который мне не помог. После моего второго, несколько запоздалого визита к нему, доктор заменил некоторые лекарства, но кашель только усиливался.

Это уже происходило в мае, после того, как я объявил о своем входе в политику (путем создания общественного движения ЭРИ.)

Между тем, мое общее состояние значительно ухудшилось. Сильная одышка ночью, одышка и ограничение движений при ходьбе и подъеме по лестнице, и, наконец, отечность нижних конечностей, с голени до стопы, и все это неуклонно прогрессировало в течение месяцев с Мая по Июнь.

Несмотря на привычные для меня тренировки на свежем воздухе в Кикети, здоровое питание и образ жизни, состояние моего здоровья не улучшалось.

Из-за нехватки воздуха и тяжелого дыхания во время сна мне приходилось принимать сидячее положение. Для меня это стало обычным явлением.

Во время моего второго визита к пульмонологу жена попросила меня в той же клинике сделать рентген брюшной полости. Там одному из наших врачей-родственников что-то не понравилось в печени, но впоследствии это опасение оказалось ложным.

Тем временем мы ехали в Кобулету для очередных встреч со сторонниками в Гурии и в Аджарии, и я решил вылететь из Батуми в Стамбул для еще одного медицинского обследования в клинике Аджибадем, с которой я хорошо знаком.

К этому периоду мое самочувствие, можно сказать, было уже тяжелым. Это подтверждает тот факт, что, когда утром я решил поплавать в любимом мной море, я чуть не утонул и с трудом сумел выплыть на берег, так как не мог двигаться и было чувство, будто у меня останавливается сердце. Все вышеперечисленные симптомы усилились. Мой старший сын, Шио-Иракий, который в последнюю ночь оставался вместе со мной в номере, позвонил супруге и сказал: «У отца такое учащенное дыхание, что я даже не знаю, как он может спать».

Примечательно, что трое моих друзей и соратников в политических действиях, с которыми я был в Гурии-Аджарии, последние три дня во время нашего совместного пребывания, почему-то тоже начали страдать от удушающего кашля, задыхаясь при разговоре. Они недоумевали, что за напасть их постигла. Слава Богу, как только мы расстались, когда я улетел в Стамбул, они вернулись в Тбилиси, и их кашель, насколько я знаю, бесследно исчез.

То, что я уехал в Стамбул, знали только моя жена и небольшой круг близких, я только забронировал билет на самолет, и все. Я собирался обследоваться и быстро вернуться в Тбилиси к 5 июля, чтобы сделать все возможное для предотвращения катастрофы, которая произошла.

И было очень странно, что на следующее утро все наши «телеканалы-либерасты» объявили на всю страну, что я был отравлен и уехал в Турцию. На мой взгляд, этот факт является отдельным предметом для расследования: откуда узнали эти обитатели одного «месидж-бокса» о моем перелете и почему они подняли такой шум.

Я очень хорошо понимаю, что в нашей бесправной стране Служба государственной безопасности Грузии (СГБ) и ее зарубежные вышестоящие инстанции делают все, что захотят с телефонами частных лиц, но такая синхронизация действий определенных СМИ по освещению факта моего заболевания таким образом, должна быть расследована.

Я прилетел в Стамбул 23 июня и на следующее утро прибыл в больницу. У меня был график обследования у разных врачей и в списке первым случайно оказался кардиолог. Ведь по результатам обследования в апреле мое сердце было абсолютно здоровым.

Там меня и ожидал «сюрприз». Врач положил меня на стол и начал обследование с помощью

движущегося сенсора медицинского аппарата. Внезапно я заметил, что он будто бы опешил, вышел из кабинета и вернулся с двумя коллегами. Они долго смотрели на мой снимок, соглашались друг с другом и, казалось, сочувственно смотрели на меня, как на обреченного пациента.

Доктор попросил меня одеться и «порадовал», сказав, что есть подозрение на одно из самых тяжелых, неизлечимых и редких заболеваний - амилоидоз. При этом он добавил, что не является специалистом этой болезни, но считает, что мне нужны дальнейшие медицинские обследования, хотя и без них прямо сейчас может с уверенностью поставить диагноз - Severe heart failure (острая сердечная недостаточность, вызванная деформацией / утолщением внутренней стенки сердца).

Он объяснил, что на внутренней стенке сердца видно свечение, характерное для кристаллов токсичного белка. При этом доктор предупредил меня, что фракция выброса (выделения кислорода) сердца уменьшена до критического % (я сознательно не пишу конкретную цифру), и сердце может остановиться в любой момент, а для более точной картины необходимо срочно сделать контрастную магнитно-резонансную томографию, которую мне срочно назначил.

Он также «порадовал» меня тем, что может понадобиться срочная пересадка сердца и печени и что продолжительность жизни больных с таким диагнозом очень коротка. Изменив график всех консультаций у других специалистов, он направил меня, в первую очередь, к нефрологу и гастроэнтерологу, чтобы они проверили, есть ли отложения ядовитых белков, которые он увидел в моем сердце, уже и в других органах: почках, печени и в других местах. Никаких лекарств, кроме банального мочегонного средства, к которому я еще вернусь позже, он не назначал.

Отсюда и начинается полуторамесячный этап моей жизни, полный страданий, тяжелых анализов и процедур, сомнений и тщетных надежд. Еще одна больница в Стамбуле, еще три в Москве. Не буду излишне перегружать вас подробностями.

Из-за изначального опасения остановки сердца я немедленно обратился к уважаемому Лео Бокерия, так как «Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева», которым он руководит, проводит самое большое количество операций в мире на остановленном сердце – 6,000 в год - и я подумал, что хоть в таком случае буду застрахован, пока продолжаются обследования.

Господин Лео Бокерия мне сразу перезвонил, сказал, что из-за редкости такого диагноза, его вероятность очень низкая, сказал, что вот уже полвека занимается этим делом и за всю жизнь видел только два случая такой специфики, предложил приехать, все выяснить и, как это ему свойственно, уделил мне огромное внимание, пригласил и привлек всех необходимых специалистов.

Приобретенный, первичный амилоидоз AL типа (то есть негенетический) возникает в основном у пожилых людей, которые много лет находятся на диализе или страдают множественной миеломой, и он, обычно, изначально проявляется в почках. А у меня почки были чистые. В основном он обнаруживается у мертвых при вскрытии, и поэтому развитие такого заболевания у

здорового человека за два месяца и его течение противоположно логике болезни делало диагноз очень сомнительным, тем более на основе одного только снимка сердца.

Поэтому возникла необходимость биопсии через сонную артерию, углубленные анализы крови и мочи. Но это было потом.

Не могу не упомянуть великолепного нашего гурджа, кардиолога, г-на Исмета Микеладе, статного и мудрого человека, который вместе со своими друзьями сделал для нас с Нино все возможное в Стамбуле и протянул нам руку дружеской помощи.

О моих лечащих врачах, во главе с врачом из Израиля и о моем хорошем друге-кахетинце, живущим в Америке, расскажу вам как-нибудь в другой раз.

Тем временем со мной происходили странные вещи.

Несмотря на тяжелейший психологический удар (представляете что я чувствовал, что значит для отца восьмерых детей, для совершенно здорового человека, услышать такой диагноз), со дня моего прибытия в Стамбул мое состояние значительно улучшилось, и так продолжалось и в Москве.

Все началось с того, что в первую же ночь я хорошо выспался. Полностью исчез вышеупомянутый кашель, который душил меня в течение трех месяцев. Совершенно избавился от отеков ног, ведь в последнее время я не мог носить обувь. И я не думаю, что это заслуга одного только мочегонного средства.

И, несмотря на то, что, к сожалению, тяжелый диагноз подтвердился, и за эти два месяца, на фоне довольно тяжелого психо-невралгического фона, я не слышал ничего кроме плохого, о своих перспективах и состоянии здоровья, ощущения и симптомы, которые я описал выше, улучшились.

Самое удивительное, что наблюдались не только полное исчезновение кашля, нормализация дыхания во время сна и полное исчезновение отеков конечностей, но и фракция сердечного выброса (то есть выделение кислорода) значительно улучшилась в Москве по сравнению со Стамбулом (я сознательно не пишу, как изменились показатели). А это, по общему мнению абсолютно всех специалистов, совершенно невозможно объяснить действием одного единственного мочегонного средства, которое я принимал все это время, находясь весь этот период в шоковом состоянии.

Этот факт вселил надежду в консилиум врачей, что, возможно, я уже прошел пик какой-то другой болезни. Первое подозрение пало на миокардит (воспаление сердечной мышцы), которое, вероятно, я перенес на ногах. В этой версии было сказано, что, возможно, мое сердце выдержало это благодаря сильным физическим показателям, а деформацию внутренней стенки тогда можно было объяснить т.н. феноменом «сердца спортсмена», то есть сердца, которое привыкло к большим физическим нагрузкам и иногда при таком ударе принимает такую форму.

Меня проверили на антитела к миокардиту, но, к сожалению, анализы этого не подтвердили. Подтвердился мой худший диагноз и саморегулирование фракции сердечного выброса (т.е. выделение кислорода), наряду с исчезновением кашля, избавлением от отеков конечностей и нарушения сна, оставалось необъяснимым феноменом моей тяжелой болезни.

Понимая с самого начала, что, возможно, то, что со мной произошло, не случайность, находясь еще в Стамбуле, я попросил провести углубленное токсикологическое обследование. Я понимал, что, если я имею дело с высокотехнологичной атакой, это должно быть что-то гораздо более сложное, чем банальные функции печени, нарушение уровня билирубина и многое другое. В Турции мне сказали, что экспертиза такого рода требует решения суда, и я отказался от дальнейших попыток.

В целом, у моего турецкого врача я заметил какое-то нежелание связываться в эту тему, несмотря на его высокую квалификацию. Может, услышав версию отравления от меня, они «погуглили» меня, увидели мои выступления против строительства ГЭС "Намахвани" (согласно текущим условиям контракта), которые наши либералистические СМИ окрестили антитурецкими, прошли консультации там, где нужно и начали избегать разговора на эту тему. Откуда мне знать? Кому выгодна остановка сердца пациента, который выступает против строительства ГЭС "Намахвани" в Турции? В любом случае, я должен быть лишь благодарен моему турецкому врачу, который после первого же осмотра предположил тяжелейший для меня, но точный диагноз, и тем самым дал верное направление остальным исследованиям. Однако, я отчетливо помню, он сказал мне, что у них нет центров лечения этого редкого заболевания и порекомендовал несколько стран.

Вернемся к токсикологии. Приехав в центр Бакулева в Москве, я поговорил с одним из наших соотечественников, который является в Москве руководителем ведущей токсикологической службы и большим авторитетом в мире. Он образно объяснил мне, что обнаружить «такие вещи» очень трудно. Он сказал: «Представь, что тебя сбила машина, и водитель убежал, а ты смотришь на переломы и пытаешься понять, как случился тот или иной перелом». Он пояснил, что в случае такой атаки, следы агента в организме быстро исчезают, теоретически что-то могло пару месяцев остаться в волосах, и то, только в том случае, если были использованы соли тяжелых металлов, но и это не гарантировано. И я понял, что не могу ничего узнать на этом фронте самостоятельно. Во-первых, мне было уже очень тяжело физически, а во-вторых, вы можете себе представить, кто бы поверил в Грузии токсикологическим исследованиям, проведенным в Москве. Поэтому я оставил все эту затею, так как вскоре мне предстояло принять гораздо более трудные решения.

Каким методом и у кого лечиться, дожидаться или нет рекомендованных ковид-вакцин перед началом лечения и потерять еще 3 недели, дожидаясь вакцинации, и рисковать, что болезнь еще больше распространится на другие органы, или все-таки рискнуть против ковид-вируса, про который мне сказали, что в таком состоянии, в условиях ослабленного иммунитета и с таким сердцем я его попросту не перенесу и так далее. Весь этот «чудесный» букет решений оказался моей «наградой» за эти самые тяжелые полтора месяца моей жизни.

Когда я понял, что не могу справиться с этой логической паутиной, я помолился и попросил Господа, чтобы он решил, что и как делать. Так и случилось. По милости Божией и с помощью друзей я принял все решения и уже вторая неделя как начал лечиться. Я доверился Господу и собрал все свои силы для борьбы с этой болезнью, я, конечно, не сдамся и не уступлю ей ничего, насколько это в моих силах.

Химиотерапия конечно не подарок, но гораздо труднее научиться быть больным, принимать во внимание все детали и вероятности, не беспокоить других настолько, насколько это возможно, и продолжать жить и служить своей семье и стране. Ваши молитвы помогают обрести мне душевные силы, думаю благодаря им я и держусь. С улыбкой читаю комментарии в стиле «Все будет хорошо, я точно знаю!» Это так трогательно и характерно для нашей любимой культуры.

Одно могу сказать точно: если бы я остался в Тбилиси или, как собирался, вернулся бы из Стамбула до 5 июля в Тбилиси, есть вероятность, что описанных выше необъяснимых улучшений в моем самочувствии не произошло бы.

Не могу также исключить и то, что в результате событий, произошедших 5 июля, что бы я ни делал, все равно дело было бы во мне, а не в справедливом гневе народа. Меня обвинили бы во всем и был бы произведен мой арест. Там моя сердечная недостаточность только осложнилась бы, и неизвестно, каков был бы исход. Естественно, ядовитый свет микрофлоры амилоидоза на внутренней стенке моего сердца никто бы не увидел в тюремной больнице. Я думаю это неоспоримо. А потом Нино могла бы кричать сколько угодно, что ее муж был здоров.

Я много думал, стоит ли делиться этими подробностями публично или нет.

Если меня пытались убить, то это инструкция для них на будущее, чего не удалось сделать на этот раз.

Если я заболел случайно, неудобно беспокоить людей рассказывая о своих испытаниях.

Но я все-таки решил рассказать: во-первых в целях безопасности, а во-вторых, чтобы сократить количество всяких сплетен и разговоров на эту тему.

Возможно ли, чтобы в нашей несчастной стране кто-то сознательно реализовал такой сценарий? Кому выгодно, чтобы не удалось объединить и без того несуществующий патриотический политический фронт и оставить его в руках управляемых радикалов? Кому выгодно оставить нетронутой либеральную дихотомию «нацев» и «коцев» (имеется ввиду Единое Национальное Движение и «Грузинская Мечта»), колебаться из стороны в сторону, пока остатки страны гибнут? Возможно ли, что я и мне подобные люди, которые, для того, чтобы безопасно ходить по улицам своей страны, не подписывают манифесты лояльности ЛГБТ, как кость в горле мешаем кое- кому, и этот кое- кто на своей больной политехнологической кухне спланировал такое, не боясь Бога? Вполне.

В таком случае, означает ли это, что заказ моей ликвидации остается невыполненным. Кому такое было выгодно? Какое развитие событий предполагал их сценарий. Никто не знает.

В то же время, возможно ли, что я просто заболел этой редкой болезнью именно тогда, когда вступил в политику? Конечно, это тоже возможно.

Примечательно, что все эти месяцы, консультируясь с врачами, я, по возможности, хотя мне было не до этого, неоднократно задавал один и тот же вопрос: возможно ли вызвать такое заболевание внезапно искусственным путем?! Мои врачи, с которыми я консультируюсь в США, России, Европе, Израиле и Турции, не могут ни подтвердить, ни опровергнуть это, потому что ответ на этот вопрос относится к другой области компетенции.

Но, вот плазматические клетки, характерные для миеломы и обнаруженные при перфорации тазовой кости и при дополнительных анализах костного мозга, костных частиц и крови, говорят, как минимум, о том, что у меня есть симптомы заболевания, в причинах которого четко указаны воздействие облучения и радиационное отравление.

Судя по тому очень немногому, что я выяснил – как будто, у меня нет других забот - такое отравление часто происходит подмешиванием изотопных веществ в питьевую воду. После принятия такой воды организм человека больше не может противостоять радиации при облучении. Облучение можно осуществить с помощью направленной аппаратуры, для чего подходят и камуфляж видеокамеры, стоящей на треноге, или спрятанный в кустах офицер, который думает, что он просто выполняет приказ и защищает Родину, убивая ни в чем не повинного человека. В таком случае облучение влияет и на других людей, которые находятся рядом, но временно. Таким образом, можно объяснить и кашель моих друзей в Кобулету. Но это все, из шпионского жанра, и, возможно, это все мои фантазии.

Подведем итоги:

- Откуда появилась эта редчайшая болезнь, которая развивается годами, именно в течение 2 месяцев, когда я вступил в политику, ведь, в Апреле я был абсолютно здоров?
- Что за кашель появился у моих друзей в Кобулету, который потом исчез, и,
- Когда я покинул родину, куда исчезли мой кашель, отеки конечностей и неспособность заснуть, хотя с тех пор я не слышал и не испытывал ничего кроме плохого?
- Почему и благодаря чему улучшились функции сердца без каких-либо лекарств?
- И, что главное, почему либерастские СМИ в один голос окрестили меня отравленным и потом замолчали могилой, когда я остался жив, и молчат до сих пор, и откуда они знали в то самое утро о том, что я улетел в Турцию?

Если после описания этих обстоятельств наше государство и Служба государственной безопасности Грузии будут продолжать хранить молчание по этому делу, для меня это тоже будет определенным знаком.

Теперь мне предстоит тяжелое лечение очень опасного заболевания, и все это на фоне поврежденного сердца. Я уже похудел на 11 килограммов и пока не могу много ходить, и это только начало химии.

Впереди еще долгий путь, и, я знаю, как говорил один из наших отцов, «что на этом пути сказочна смелость поэтов». (Галактион Табидзе - "Луна Мтацминды").

Я чувствую удивительную силу и утешение. В эти дни я испытал неопишуемое счастье. Его Святейшество позвонил мне и благословил. Кто хоть раз испытал такое, поймет о чем я говорю.

В этом мире случайностей нет: я пишу это письмо в день памяти главного целителя, святого Пантелеймона. Пусть Святой великомученик Пантелеймон поможет всем больным и носящим бремя, уставшим и скорбящим на нашей родине и во всем мире.

Простите меня если я вас утомил.

В эти дни мы продолжим нашу общественную работу с нашими замечательными друзьями и сообщим вам много интересного и обнадеживающего. Я буду в этой битве до конца, как позволит мое здоровье. Я не могу остановиться в таком состоянии, смириться с болезнью или отступить. Это не правило война с лозой на спине.

Независимо от причины моего состояния, я благодарю Господа от всего сердца за все и надеюсь на лучшее. Врачи меня обнадеживают, а семья и друзья поддерживают с любовью. Наши враги одного не понимают, в пуху у них здесь рыльце или нет, главное для нас Вечность. Чего убоюсь?!

Леван Васадзе
09.08.2021

Не стоит недооценивать угрозу со стороны грузинского «рыцаря в сияющих доспехах»

Автор статьи - Кристина Пушоу

Кристина Пушоу - основатель и руководитель New Leaders Initiative. New Leaders Initiative – это неправительственная организация, которая занимается обучением и оказывает поддержку молодежи Грузии. Кристина также являлась советником политической оппозиции Грузии.

Статья опубликована в газете New Europe 18 июня 2019 (в 9:00)

Статья отредактирована 20 июня 2019 года (в 12:05)

<https://www.neweurope.eu/article/dont-underestimate-the-threat-of-georgias-knight-in-shining-armor/>

Когда в прошлом году на митинге в Тбилиси я впервые встретила ультраконсервативного грузинского миллионера Левана Васадзе, то не восприняла его всерьез. Да и как к нему можно было серьезно относиться? Одетый как средневековый рыцарь на коне в сопровождении православных священников, он вел за собой несколько тысяч человек по проспекту Руставели. Поводом стал протест против небольшой демонстрации, организованной в честь Международного дня борьбы с гомофобией.

Как и многие международные наблюдатели, я воспринимала Васадзе как провокатора в тени общественной жизни. Его поведение казалось мне забавным, слишком нелепым, чтобы относиться к нему с осторожностью. Пока в стране идет захват государства пророссийским олигархом Бидзиной Иванишвили, сенсационная риторика Васадзе, которая гласит, что либерализм является «аморальным дьявольским культом», а кредитные карты готовят общество к «приходу антихриста», бессмысленно дает передохнуть от привычной политики.

Однако 16 июня, когда я наблюдала за выступлением Васадзе перед толпой, которая собралась протестовать против предстоящего в Тбилиси гей-парада, я поняла, что ошиблась. Я недооценила Васадзе.

Его тезисы перекликались с тезисами Александра Дугина, российского ультранационалиста, которого многие считают главным идеологом Кремля. Не случайно Васадзе является близким соратником Дугина. Васадзе посещает семинары Дугина по философии «евразийства», которая прославляет Россию как духовного лидера всего православного христианского мира. Если бы дугинская «Евразия» стала реальностью, Грузия была бы вассальным государством, подчиненным Москве. Как и Украина, Молдова и другие бывшие советские республики с многочисленным православным населением. В то время как Россия, по словам Дугина, стала бы «единственным национальным сообществом в рамках наднационального имперского комплекса».

Выступая 13 июня в Тбилиси, Васадзе не стал открыто поддерживать российский империализм, он излагал более популярные общественные идеи. Он начал свое выступление на грузинском языке со своего обычного послания, которое гласит, что выживание грузинской нации зависит

от сохранения традиционных семейных ценностей, в то время как Запад разрушает эти ценности, поддерживая однополые браки.

Но потом он добавил к своей речи кое-что новое: он пообещал «организовать гражданские бригады». По его словам, в эти военизированные формирования войдут ветераны войны и спортсмены, которые способны «прорвать любой полицейский кордон», чтобы противостоять участникам Tbilisi Pride - которых Васадзе назвал, «пропагандистами извращений».

В конце своего выступления Васадзе перешел на свободный английский язык, (доведенный до совершенства за время обучения в университете Эмори), чтобы обратиться к президенту США Дональду Трампу. Он призвал Трампа "осушить болото в посольстве США в Тбилиси", которое, по его словам, контролируется «хилларистами» (сторонниками Хиллари Клинтон) и «глобалистскими псами», которые стремятся уничтожить грузинскую культуру.

Но помимо произнесенных грубых эпитетов, английская часть речи Васадзе показала, что он удивительно тонко понимает свою аудиторию. Произнося речь на английском языке, он не угрожал военизированными нападениями на гей-парады. Он фактически заверил западных слушателей, что "никто" в Грузии не будет "преследовать, ущемлять права или избивать людей" из-за их сексуальной ориентации. И в заключение, Васадзе призвал американских консерваторов поддержать его в защите "свободы религии" и "свободы слова" в Грузии - ценностей, которые, как он подчеркнул, американские консерваторы разделяют.

Разница в его высказываниях на английском и грузинском языках о многом говорит. Подобная разница возникает и при сравнении его грузинской риторики с русской. Он знает русский язык в совершенстве еще с тех времен, когда заработал свое состояние будучи предпринимателем в постсоветской Москве. Для российской публики Васадзе всю поддерживает "евразийское" видение российского империализма Дугина. Но для своих грузинских сторонников Васадзе, одетый в национальную грузинскую одежду, является квинтэссенцией грузинского национализма.

Несмотря на то, что его высказывания на всех трех языках кажутся злобно настроенными, Васадзе, безусловно, харизматичен и хорошо изъясняется. Кроме всего прочего, он разбирается в нюансах американской политической культуры лучше, чем большинство грузинских политиков. Многие его тезисы находят отклик у американских консерваторов, которые, как правило, выступают против иностранного вмешательства, поддерживают свободу религии и традиционные семейные ценности. Являясь организатором Всемирного Конгресса семей в 2016 году в Тбилиси, Васадзе пытается найти понимание у этой политически влиятельной партии. Американские консерваторы - от бывшего президента Джорджа Буша-младшего, покойного сенатора Джона Маккейна до вице-президента Майка Пенса - являются одними из самых известных в мире защитников суверенитета и территориальной целостности Грузии. Поэтому способность Васадзе обратиться к этому электорату особенно тревожит.

13 июня в своем обращении к Трампу Васадзе озвучил известное требование Кремля – чтобы Соединенные Штаты Америки покинули Грузию. В привычной ситуации это требование сразу

бы отклонили. Администрация Трампа, также как и американские политики из обеих партий, рассматривают Грузию как стратегического американского союзника и осуждают российскую агрессию и оккупацию. Но Васадзе приподнес требование Кремля искусно и тщательно продуманно, чтобы понравиться влиятельной части консервативных американцев. Во то время как Грузия занимает низкое место в списке политических приоритетов для США, и когда немногие американцы имеют тонкое понимание регионального контекста, послание Васадзе может вызвать резонанс за пределами Тбилиси.

Вспомним высказывания Пэта Робертсона, одного из самых известных американских евангельских христиан. После вторжения России в Грузию в 2008 году Робертсон осудил "жестокое расчленение Москвой крошечного государства" и предупредил о "разворачивающейся череде российской агрессии". Но в 2016 году на канале CBN News, который принадлежит Робертсону, появилось подробное интервью Васадзе, в котором он позиционировал себя как хранителя национальной целостности Грузии, не раскрывая свои прокремлевские идеи.

Именно такое поведение - угодить всем - и делает Васадзе таким опасным. Большинство тех, кто не читал его длинных интервью на трех разных языках, ошибаются, полагая, что он на их стороне. К этому большинству относятся консервативные грузины, русские и американцы. Либералы, наоборот, считают его клоуном. И это не менее опасно.

Грузинский народ, который надеется жить в современном европейском государстве, и западные партнеры Грузии, не должны сбрасывать Васадзе со счетов, принимая за сумасшедшего. В действительности, он представляет собой зарождающуюся угрозу стабильности и суверенитету Грузии. И эту угрозу необходимо устранить, пока не стало слишком поздно.

А эта угроза может наступить уже совсем скоро.

Пришедшая к власти в 2012 году, правящая партия "Грузинская мечта" утратила доверие как на Западе, так и потеряла популярность внутри страны. За последний год правительство совершило ряд промахов, от фиксации дел до фальсификации выборов, что вызвало недовольство общественности. Васадзе готовится действовать уже сейчас, поскольку на осень следующего года назначены важнейшие парламентские выборы.

Военизированные формирования, о создании которых Васадзе говорит, могут сыграть важную роль в проведении предвыборной кампании на местах, особенно в сельских районах, на поддержку которых Васадзе и рассчитывает. В день выборов эти формирования могут быть задействованы для запугивания избирателей - подобно тому, как в ноябре прошлого года правящая партия "Грузинская мечта" организовала местных криминальных авторитетов на избирательных участках. В конечном счете, эти группы могут разжечь широкомасштабные гражданские беспорядки и обеспечить Москве удобный предлог для вмешательства в дела Грузии.

Иванишвили, как самый богатый человек в стране и марионетка правящей партии, по-прежнему обладает огромной властью. Тем не менее, есть вероятность, что он позволит Васадзе взять бразды

правления в свои руки. «Неполитик», как он сам называет себя, Иванишвили не занимал выборных должностей в течение шести лет и в основном избегает публичности. Несмотря на давние связи Иванишвили с Москвой, его правительство пытается удержаться между Россией и Западом. Но этот статус-кво не может сохраняться и далее.

Под давлением Вашингтона, который требует поддержать стратегический проект глубоководного порта, в то время как против этого проекта категорически выступает Россия, всемогущий олигарх Грузии больше не сможет притворяться, что играет на два фронта. Поэтому уступить власть Васадзе мирным путем через выборы, позволило бы Иванишвили умиротворить Россию и сохранить при этом видимость респектабельности на Западе. Но в независимой стране, где еще не зажили раны 2008 года, изберут ли люди лидера, который так стремится навязать Грузии волю России?

Всё может быть в современных реалиях страны. Прозападная оппозиция разделена и искалечена изгнанием харизматичного экс-президента Михаила Саакашвили. Правящая партия, которую объединяет только ненависть к Саакашвили, не имеет никаких последовательных концепций развития или видения будущего Грузии.

Васадзе, напротив, обращается к коренным вопросам национального единства, чтобы манипулировать общественностью и заставить думать, что он преследует интересы нации. Акцент на религии - это его политическое преимущество. Из года в год опросы с большим отрывом показывают, что в стране самым надежным институтом гражданского общества является Грузинская православная церковь. И это не изменится в ближайшее время. Грузия - одна из двух стран в мире, где молодежь по статистике более религиозна, чем люди старше 40 лет.

Если для продвижения своей дружественной Кремлю программы Васадзе сможет успешно использовать веру, а также недовольство грузин статусом-кво, он к 2020 году добьется того, что не удалось сделать российским военным в 2008 году - возвращение независимой грузинской нации под контроль Москвы. Если мы хотим остановить Васадзе, мы не должны недооценивать его.

Леван Васадзе – «Дневник Немошного». (Неавторский перевод)

Предлагаем Вашему вниманию дневник Левана Васадзе, который будет, по возможности, ежедневно дополняться автором.

– Глава I –

Это необычное название содержит тройкий смысл.

Пребывая в немощи, я подумал: быть может, моё злоключение будет протекать таким образом, что мой опыт претерпевания поможет кому-нибудь в будущем. Хемингуэй говорил: человек обязан писать хотя бы для того, чтобы последующему поколению не пришлось начинать с чистого листа. Именно это и движет мной в данном случае.

Второе значение слова «немошный» здесь таково: многие из нас чувствуют себя бессильными что-либо изменить перед лицом мира, летящего в пропасть. Наверное, то же чувство владело каждым зрелым человеком в любой век, но не думаю, чтобы человечество когда-нибудь было свидетелем такого падения, как сейчас.

И третье, самое близкое нам значение: лишь через искреннее приятие собственной немощи человек обретает нерукотворную благодать.

Здесь встают две проблемы: поэтическая и философская. Поэтическая такова: что делать человеку – писать и говорить ли о пропасти, в которую он летит вместе с миром – что и делает почти каждый, избравший орудием своего пропитания перо и слово – или поднять глаза ввысь, и писать о небе, несмотря на замирание сердца от головокружительного падения?

Философская же проблема такова: стоически наблюдать за падением, порой доходя до позорного положения, именуемого финцами «ιδιώτης – идиотес», что означает человека, не участвующего в политике – или же, ценою жизни пытаться остановить падение?

Каждый выбирает своё. Моё кредо по отношению к обеим проблемам ясно: в поэтическом смысле я не могу смотреть вниз, в пропасть, и вечно ищу неба, которое всё больше отдаляется от нас. В философском же смысле: сколько я ни пытался остаться в стороне, всё же пришлось принести себя в жертву политике.

Вследствие этого – полное одиночество, несмотря на, казалось бы, полную поддержку. В идеалистической части нации – по словам Аристотеля: ζῆλον λόγος ἔχων (зоон логон эхон) – то есть, в твари, обладающей логосом, словом, есть по отношению ко мне братское чувство, но в другой ее части, которая – лишь «зоон», потребляющий и перерабатывающий только лишь материальное, моя деятельность вызывает омерзение или, в лучшем случае, насмешку.

Но, если «И теперь ещё свободна для великих душ земля. Много ещё пустых мест для одиноких и тех, кто одиночеству вдвоём, — где веет запахом тихих морей.» (1) , кто знает, тогда может быть и стоит из такого места (а ведь именно в такое место определил меня нынче Создатель)

обратиться к той оставшейся части человечества, что всё еще слышит дрожащий голос жаждущего истинной свободы.

Тех молодых, кто почему-либо решит следить за «Дневником Немощного», прошу об одном: пусть вас не страшит непонятное, вы поймете его лучше меня, когда это вам действительно понадобится в жизни.

Постараюсь писать ежедневно, в промежутках между лечением, в те дни, когда плоть моя будет деятельна и когда бушующие в ее глубинах неизъяснимые бури молекулярного противоборства двух разных ядов не слишком сильно меня ослабят. В дни химиотерапии, то есть один или два дня в неделю, может быть, писать не смогу, но это и к лучшему. Буду писать обо всём понемногу, примерно по одной странице, но так, чтобы это в чем-то всем нам помогало. Писать буду по утрам, днем написанное будет выкладываться на сайте. Итак, до завтра. Всех поздравляю с началом Успенского поста.

(1) Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра».

Леван Васадзе

14.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. Глава II (Неавторский перевод)

На страницах этого дневника нам предстоит то грустить, то радоваться. Воскресной Благодати грусть не пристала, поэтому вспомню одну историю.

В пребывание моё на Афоне, в Иверском монастыре, мне довелось присутствовать при богословской беседе грузинского архиерея с игуменом Иверского монастыря. Оба святых отца беседовали неспешно, время от времени умолкали и даже, прикрыв глаза, погружались в думы, иначе говоря, общались в душе, через молитву. Я, затаив дыхание, слушал.

Грузинской архиерей спросил греческого монаха, в чем смысл человеческой жизни. Игумен, ни на секунду не задумываясь, ответил: «В участии в Евхаристии».

Это поразило мой мирской ум, я никогда так не думал, хотя, казалось, кое-что знаю и понимаю. Это было лет двадцать назад. Со временем я всё больше убеждаюсь во всеобъемлющей мудрости слов игумена.

Что такое Евхаристия? В буквальном смысле, это участие в добровольном самопожертвовании Непорочного Агнца, которое Сам Он и установил для апостолов на Тайной Вечере. Причащаясь, мы непосредственно становимся участниками той Вечери, не символически, а на самом деле, хоть разум и не в силах этого постичь. Мы вкушаем Саму Плоть и Кровь Господню, всеисцеляющую и восполняющую всех обделенных.

С чем мы предстаем перед этим Таинством? В первую очередь, нам должно скорбеть о собственной ничтожности и быть искренне благодарными Творцу мира сего, Который творил шесть дней, а на седьмой день почил, то же поставив правилом и нам. Это правило отдохновения, успокоения, благодарения, радости.

Если исполнять это с истинной верой, то здесь всё великолепно, в этом Таинстве соединено всё самое прекрасное: Слово (Святое Писание), поэзия (Псалтырь), музыка (церковное песнопение), изобразительное искусство (икона и фреска), архитектура (восходящая линейность трех измерений) – всё, на чем стоит человеческая цивилизация, откуда берут исток наука и искусство, ныне осиротевшие и оторванные от своего первоисточника. Их ведь нельзя постичь по отдельности, лишь в единстве, благословенном Святым Духом радуется душа, всё равно, где бы ты ни стоял – в храме Светицховели или в малой сельской базилике. Надо просто встать, притихнуть, умирить себя и, как бы сильно ни металась плоть, исполнить четвертую заповедь.

Только не сочтите мои слова богохульством – ведь, в конце концов, не рукой священнослужителя пишется этот дневник, и я, увы, не являюсь образцом святости – а потому скажу вот что: даже не будучи участником истинной Евхаристии, человек всё же призван к ней – кем бы он ни был, к какой бы вере и народности ни принадлежал. Стоять смиренно, умиротворенно, воздавать хвалу Всевышнему, принести себя в жертву, радоваться, терпеть, преисполнившись благодарности, ощущать себя частью соборности, частью Единства, Сущности, Надежды – это ведь понятно и радостно каждому человеку, если только он человек.

Именно поэтому слова игумена, услышанные мной двадцать лет назад, неоспоримы: смысл жизни каждого человека в Евхаристии, иначе говоря, в сопричастности Благодати. Но исполняем ли мы это от воскресения до воскресения? Или копошимся в вечном нашем бессмыслии, так как нам недосуг. Какое смешное слово: недосуг.

Это ведь может каждый из нас. Даже я. Сейчас мне запрещено всё. Лишь раз в неделю выхожу в скафандре на химиотерапию. Но и здесь не оставляет меня Создатель. Чаше ко мне, недостойному, приходят отцы из нашего родного храма святого Георгия что на грузинах, чтобы причастить меня на дому. Но иногда, чтобы не слишком их утруждать, я прибегаю к помощи других священников этого православного города. Но и тут – чудо. Так случилось, что русские отцы, оказывающие мне эту милость, служат не где-нибудь, а в храме Иверской иконы Божьей Матери на Полянке, что при детской ожоговой и травматологической клинике. Все спокойные, любящие, один лучше другого, влюбленные в Грузию и всем сердцем преданные Иверской Божьей Матери.

Сегодня меня посетил настоятель этого храма, отец Алексей Емельянов, молодой, светлый, как свеча. Их трое братьев, все священники, все эрудиты, все трое просто замечательные. Когда он вошел, на нем не было лица, у меня дрогнуло сердце. Всё тревожусь, как его сердце после каждого богослужения вмещает увиденное в той детской больнице.

Я встретил его в своих бинтах и скафандре, он взглянул на меня, и я сразу же понял, что ему и в этот день пришлось пережить нечто страшное. Взглядом я спросил его, что случилось. Он сказал

мне, что отец-наркоман выбросил двухлетнего сына из окна пятого этажа на глазах у бабушки. Малыш упал на асфальт, на проезжую часть, но только сломал ногу, ничего больше не повредив. Его лечили три недели, а сегодня батюшка окрестил его и нарек Максимом. Он всё помнит и боится, говорит: я выпал из окна, папа выбросил меня. Очередное чудо у храма иконы Иверской Богоматери. Мальчика скоро выпишут. Вроде бы радость, но я почувствовал, что исполнение этой радости прошло сквозь богомольное сердце отца Алексея, оставив в нем еще одну неизгладимую рану.

После того, как он причастил меня, я пригласил его на чай. Заметив, что он еще о чем-то печалился, я спросил, что еще случилось. Он рассказал, что с Камчатки привезли семнадцатилетнего парня, спасшего девочку из-под колес несущейся на полном ходу машины, он в коме. Водителя, наехавшего на него, не наказали, и он не помогает пострадавшему. Отец мальчика всё время плачет и молится, говорит, что если бы не несчастье, приключившееся с сыном, он бы так и не пришел к Богу, а сегодня пожелал исповедоваться. Сказав это, отец Алексей невольно загляделся в пространство. Видно, тяжело ему было от услышанного на исповеди, но, конечно же, мне он об этом не сказал.

Я спросил, как зовут парня. Он ответил: Степан. Спортсмен, красавец. После двух месяцев комы сегодня он впервые открыл глаза. А тот водитель – чей-то сынок, не только не привлечен к ответственности, но и ничем не помогает семье пострадавшего, что же это такое? – повторил батюшка.

Так мы сидели, уже не думая ни о моём отравленном сердце, ни о болях в костном мозге, причиненных мне химией. В окна тихо струился солнечный свет, и мы тихо радовались тому, что двухлетний Максим спасся, а Степан открыл глаза, к тому же, как раз в день Стефана Первомученика, и всё это – по милости Покрова Иверской Богоматери.

Мне вспомнились строки из моего стихотворения: «Я хотел быть без Родины, ибо не вмещаю ее боли и слёз». Но куда бежать от собственного сердца? Всюду одно и то же. И это одно и то же нестерпимо без смысла человеческой жизни – без участия в Евхаристии.

Каждый раз так писать я не смогу. В следующий раз, наверное, поговорим о более прозаических вещах. Но сегодня – так. Потому, что сегодня воскресенье. До завтра.

Леван Васадзе.

15.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. Глава III. (Неавторский перевод)

На прошлой неделе мы отмечали день Дидгорской битвы. 900-ую годовщину. Этот год должен быть полностью посвящен этому событию. И в течение этого года мы должны, как следует, осознать, как нам жить предстоящие 100 лет, чтобы достойно встретить его 1000-ную годовщину. Не так, как сейчас, а так, как подобает этому событию. Что мы должны изменить в себе за оставшуюся жизнь, чтобы наши дети стали «дидгорцами»?! Ведь без этого мы перестанем существовать как нация.

Мы – счастливый народ, потому, что у нас есть Дидгорская Победа, и несчастный – потому, что мы ничего о ней не знаем. Когда мне тяжело, я всегда иду туда, побеседовать с *ними*, обхожу эти поля, пытаюсь восстановить, что где происходило. От моего дома до места великой битвы ведет безлюдная дорога. На железном коне туда можно добраться за двадцать минут.

Сидя там, я шепотом беседую с *ними*. Однажды, когда я пришел на это место в солнечный день, внезапно поднялся ветер, и во время беседы меня посетили видения. Позже, будучи за границей, эта беседа вылилась у меня в стихи:

Солнце предков

О, Солнце предков,
В Дидгори я встретил тебя,
И, к скошенным склонам
Грудью припал,
Слезами омыл тебя,
Сквозь ветер взывал к тебе,
Сложив щит и меч свой,
Как в детстве, рыдал.

О, Солнце предков,
Если погибну я
От стрел раскаленных,
меня не оставь.
Холстиной укрой меня,
Прохладой омой меня,
В лазурь вознеси,
В неземные края.

В фиалок россыпи
Рожденный росой твоей,
Тебя воспеваю
И здесь, и везде.
Ты, Солнце озябших,
Согрей, обними меня,

Верни меня инеем
Ранней звезде.

Если бы в силах
Был я на большее,
Сил бы я, мать,
Не пожалел.
То, что свершил я,
За подвиг не чту.
Главного в жизни я
Не одолел.

О, сколько душ здесь
Звонче моей поёт
В Цвери, в Алгети,
И здесь, и вокруг.
Мне б называться
Достойным их сыном,
В миг, когда сердце
Умолкнет вдруг.

О, Солнце предков,
В Дидгори я встретил тебя,
В стогов благовонии
Смиренно стоял.
Молил тебя шепотом,
О судьбах Отчизны,
Упал на колени
И сладко рыдал.

2011.

Это было десять лет назад. С тех пор ничего не изменилось, я по-прежнему люблю это место. Наша Родина везде сказочно красива, но в Дидгори – особенно. Как счастлив скульптор Мераб Бердзенишвили, сотворивший там то, что сделал.

Каждый из нас раз в год непременно должен поехать туда с семьей. Без пьянства и обжорства. Со свечой. Посидеть тихо вместе с детьми час, два часа, и, так же безмолвно возвратиться домой.

Однажды главный тренер сборной Грузии по регби «Борджгалоснеби» Ричи Диксон попросил меня заняться психологической подготовкой сборной перед Кубком Мира в Новой Зеландии, пригласив меня для этого на сборы команды во Францию. Я не знал, что делать, чем оправдать такое доверье. Потом поехал в Дидгори и беседовал с *ними*. Вернувшись, написал письмо о

битве и прочел ее нашим парням. Где-то в интернете должна лежать эта запись. Если вы внимательно взгляните в лица наших львов, то поймете, что в тот момент с ними произошло временное трансцендентное явление: наши парни уже находились не во Франции. В тот момент они стояли в Дидгори.

Поскольку я не мог поехать в Новую Зеландию на первый матч, я вместе с парнями из ансамбля «Басиани» вновь поехал в Дидгори. Оттуда прочел нашим спортсменам эти стихи, а запись послал с помощью спутниковой ссылки:

Видение

Нашему патриарху

Быть бы мне воином в давидовой рати,
Стяг охранять бы червленым мечом,
Нету для воина светлей благодати -
Чем зримый противник и брата плечо;

Счастья Победы не ведать заране,
Соколом ринуться к братьям на зов,
Тыл прикрывая, я подступы к брани
Псам перекрою – воитель Христов;

Хищных, несметных, непобедимых
Видеть врагов за отрядом отряд.
Вспомнить жену и очаг свой родимый,
Детские очи, что сказкой горят.

Царь на коне. К золоченым подковам
Вместе с дружиной с восторгом склоняюсь,
Жарко восславлю я имя Христово,
Господу в верности вечной клянюсь.

Недруга смерив бестрепетным взглядом,
Нежно взглянув на родимую рать,
К сердцу прижму я стоящего рядом -
Жизнь за отчизну готов он отдать.

Прыгну в седло и под вражеским взором
Лихо помчусь, подгоняя коня.
Гневом Давида и божьим укором
В бою супостаты воспримут меня.

О, если б в дыхание моём воедино

Смешалось неистовство гордых предтеч.
Он был бы последним – со мной поединок
Для тех, кто дерзнул наши земли отсечь.

В гуле Дидгорской безжалостной сечи
Вслед за Давидовым ринусь плащом.
Правой рукою он молнии мечет -
Взметает и рушит смертельным дождем.

Я ранен, при этом не чувствую боли,
Но для коня он окончился - бой.
Меч выпал и кровью окрасилось поле,
Друзья надо мною сгрудились толпой.

«Друзья, помогите, воды бы напиться,
И с честью опять послужу я царю.
Так будет мне легче с судьбою смириться,
С улыбкой войти в неземную зарю!»

Сквозь веки я вижу, как яростный ливень
Горбатую нечисть смывает, и вдруг
Росой распыляется в зелени нивы,
А капли, как жемчуг, усеяли луг.

Дома друзья мне печальную тризну,
Справят и чаши наполнят вином.
Будет прекрасной в тот полдень и присно
Светлая грусть безутешной Нино.

И воссиявшую, и негасимую
С неба увижу Отчизну мою,
Вечно желанную, недостижимую,
Как для живущих – блаженство в раю.

Может, и ныне я в войске давидовом,
С недругом бьюсь на Дидгорской войне,
Может и ныне для смертных невидима,
Мчится на помощь дружина ко мне.

Может, спасет нас от морока злого
Бог, и минует нас чаша сия,
И Патриарха услышу я Слово:
«Солнечной ночью восход воссиял!»

Мой соплеменник, словам этим внимли,
Сбудется сон - воссияет заря,
Жди, и дождешься – и наши исконные земли
Вернутся к подножию Давида-царя.

2006.

Ансамбль «Басиани» спел нашим из Дидгори «Лилео».

Гия Нижарадзе написал мне, что в Зеландии после просмотра зал в течение 40 минут молчал затаив дыхание, после чего Мамука попросил включить запись снова.

Никто не имеет права прикасаться к Дидгори, кроме тех, кто – Грузия, кто слился с ней душой, всё равно, грузин он по национальности или нет, главное, что брат, главное, что он – Грузия.

Когда приезжал МакКейн, до меня дошли слухи, что дорогу к Дидгори перекрывают. Я послал туда человека узнать, что происходит, но он и близко не смог подойти к тому месту. Сказал, что происходящее было похоже на какой-то ритуал: была ночь, горели факелы. До сих пор не знаю, что за чертовщина там творилась. Быть может, они мнят себя наследниками тех 12 тамплиеров – тамплиеров, впоследствии развращенных масонством. Быть может, они и вправду что-то там совершили. Не знаю.

Дидгори это не звон стаканов. Дидгори это наше утерянное свойство: неустанный, ежедневный, смиренный труд, служение семье и стране, труд, на который никто другой не способен, труд терпеливый, уповающий на Небеса, труд во имя пропитания, а не во имя накопления, во имя помощи другим, а когда помощь твою не ценят и отвечают неблагодарностью, ты не сердись, труд не во имя плодов его, а во имя готовности, в любой миг всем пожертвовать, если призовут *они*.

Леван Васадзе.
16.08.2021

Дидгори: <https://www.youtube.com/watch?v=BxhVIFwKBpU>

© Видео: Мераб Бердзенишвили – Дидгорский мемориал. Разместил Рати Бердзенишвили

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе
Перевод стихотворения "Видение": Паола Урушадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. Глава IV. (Неавторский перевод)

Всё хочу говорить с Вами о насущном, о нынешнем, но сердце не позволяет. Видно, гонит от себя всё отрицательное. Обещаю преодолеть эту слабость. Вчерашнее моё молчание было обусловлено четвертым сеансом химиотерапии – о чем я и предупреждал в первой главе – равно, как и сегодняшнее опоздание с этой главой, за что прошу меня простить.

Хочу коснуться темы святости семьи. Вся мирская нежность, всё тепло исходит для человека из семьи, а все несчастья и вся бездушность – от разрушения семьи.

Урбанистическая современность с момента рождения модерна объявила войну семье, как последнему бастиону счастья человеческого. Падением этого бастиона будет означено явление Антихриста.

Но прежде, чем это произойдет, мы призваны не только беречь ее, но и, даже в такие времена, как сейчас, возвести семью на поразительную для мира высоту. Благодаря этому, с помощью Богородицы и нашей веры, подтвержденной делами нашими, Антихрист всё же не сможет окончательно воздвигнуть свой трон.

Считается, что в этом нам должны помогать правительство и политика. На мой взгляд, это, конечно, хорошо – если только мы когда-нибудь добьемся этого – однако, не стоит удивляться, но это лишь второстепенно. Гораздо важней, чтобы каждый из нас действовал по искреннему велению сердца, а не просто причитал об утерянных святынях.

Прежде всего: что собой представляет традиционная – не скажу, только христианская – но, в первую очередь, христианская семья? Это ковчег, плывущий в бушующих волнах этого мира. В чем цель его плавания? Гавань, в которой время исчезает, и жители ее обретают вечное блаженство. Сколько членов экипажа потеряет корабль в пути, да и доберется ли, в конце концов, до вечного причала – это, в первую очередь, зависит от кормчего, т. е. от отца, чьим главным долгом является верность жене и детям – как плотская, так и духовная – и неустанная забота о них. Он встает раньше всех, а ложится последним, он определяет каждому на корабле его место и занятие, однако во всём этом он бессилён без содействия супруги.

Симфония сердец, звучащая в таком случае на корабле, это уют и счастье, которых не описать словами. Никакое другое упоение или плотская утеха, которой мудрый грузинский язык дал определение «*ღვრამღვრამი*» (блуд, буквально: «зло плотское»), с этим не сравнится.

Естественно, враг рода человеческого смотрит на этот корабль с завистью и противится его продвижению к гавани. Опасностей много, это и подводные рифы в неизвестном фарватере, и бури, и безнадежное, безрадостное настроение обитателей корабля, и колдовство, и погибельный зов плавающих вокруг корабля сирен, от которого, как мы помним, Одиссей со своими спутниками придумал такое спасение: он велел всем залепить уши воском, себя же, с не залепленными ушами, привязать к мачте, предупредив временно оглохших моряков, ни за что не пускать его к сиренам, не слушать его, обезумевшего, как бы сильно он ни рвался, как бы ни молил, ни грозил и ни приказывал отпустить его, а еще крепче привязать его к мачте. Этот эпизод

индоевропейской (исключая индуистскую) мифологии, по крупицам позаимствованный из протогрузинской культуры и не только оттуда, очень интересен и многогранен и, без сомнения, несет в себе черты нашей мудрости.

Эрнст Юнгер говорил, что миф всегда состоит из нескольких слоев, и умение различать эти слои – не что иное, как азбука мифологической науки.

Вернувшись к нашей аллегории, можно сделать следующие выводы:

- Решение Одиссея, не залеплять себе уши воском, это символ той божественной мудрости (то, что в грузинском языке слово «язычник» – «წარმართი» означает «в прошлом праведный» – «წარსულში მართალი», это еще одно чудо нашего языка), которая учит нас: если отец семейства не хочет, чтобы корабль потонул, он ни при каких обстоятельствах не должен быть глухим, слепым, не должен отворачиваться от опасности;
- В то же время, в том, что у младших уши залеплены воском, мы видим мудрость старшего и опыт его, прошедшего их возраст и знающего, что они не выдержат этой действительности, не послушаются отца, кинутся к сиренам в манящую пучину и окажутся жертвами, трепещущими на зубах посеидонова трезубца (поразительный прообраз трезубца, как говорят грузины Неупоминаемого, т.е. лукавого);
- И, наконец, самое удивительное: то, что подобной хитростью иерархия управления кораблем временно, добровольно ставится с ног на голову – когда оглохшие подчиненные, по его же предварительному приказу не повинуются командиру, обезумевшему от окружающей реальности, и исполняют его волю, изъявленную еще до безумия – это одна из наивысших точек приближения падшего человечества к космическому Духу. Когда испытание (это еще одно удивительное грузинское слово «განსაცდელი», подчеркивающее «ცდა» – «ожидание», то есть время, Т, утешая человека временностью, преходящестью невзгоды) – когда испытание окончится, младшие исполнят последнее распоряжение старшего: отвяжут его, после чего он сам вытащит у них из ушей воск, а не наоборот. В этом тоже заключена большая мудрость.

Многие из нас, припомнив эту историю, наверное, сразу подумают о нашей политике, но намного интереснее следующее.

Семья в контексте «Одиссеи». Отец должен обладать бесконечно широкой и бездонно глубокой мудростью. В какой-то решающий момент он по собственной воле отказывается от власти, но, поскольку он отец, и поскольку и он, и его спутники всё сделали правильно, то привязанный к мачте, безумный, с пеной у рта, Одиссей и в своём безвластии остается истинным властителем: ведь всё происходящее происходит с ним не по необдуманности, а именно по предусмотрительности. Для чего нужно, чтобы он не оглох – этого миф не поясняет, но ясно, что в случае испытания у отца семейства все пять чувств должны быть разверсты, действенны, хотя бы ценою временного безумия.

Воспитанный таким командиром, младший, в свою очередь, построив корабль, так же будет достойным отцом и продолжит путь рядом с отцовским кораблем, советуясь с ним в любую непогоду.

Чтобы не следовать только лишь этой аллегории, скажем, что в семье, как и в странствии корабля по волнам, нет ничего устойчивого, окончательно определенного и бесспорного. Даже в самой прекрасной семье, стоит только ослабить внимание в соблюдении господних заповедей, тотчас же почва огорода прорастет сорняками, как корабль пронизывает ржавчина. И если отец, мать и дети, взявшись за руки, с молитвой не выкорчуют сорняки, то их огород сгинет так же, как ржавый корабль вместе с дремлющим кормчим поглотит пучина.

Поэтому мы должны быть очень внимательны по отношению к семье, огород требует постоянной прополки и ухода. Каждое слово, каждый поступок имеет значение, включая юмор и личный пример; пассивный, апатичный отец уже только этим предаёт своё призвание, так как его супруга остается без опоры, без образца, примера детям. Мать пытается заменить собой отца, из-за чего нередко порождает циклопов и гекатонхейров; семейное тепло остывает, надвигается холод – предвестник несчастья.

Я, как городской житель в четвертом поколении, выросши на Мтацминда, во взрослые годы уже понял, что эпоха праведной городской жизни приходит к концу. Еще Иосиф Гришашвили оплакивал ее, а то, что для меня означало «старый, добрый Тбилиси», ему показалось бы просто смешным.

Поэтому будущее нации видится мне в том, чтобы заново заселить опустевшие земли по всей Грузии невысокими домами с земельными участками. Мы не раз обсуждали с друзьями, что необходимо для подобного возврата к истокам. Вернувшись к насущной теме, мы еще раз это сеуммируем. Но кроме материального, это требует тот пятый элемент, или, как говорили латины, квинтэссенцию, без которой невозможно повернуть вспять колесо «урбанизирующего гипноза». Этот пятый элемент заключается в том, чтобы следовать велению сердца.

В лирических стихах, посвященных моей супруге и вдохновленных музыкой горячо почитаемого мною Джано Кахидзе я, среди прочего, обращаюсь к ней с такими словами:

«Пойдем со мною в леса,
Оставим бездушный город,
Рира-во-рэра,

Я постелю тебе солнцами
Вышитый синий полог,
Рира-во рэра.

Там мне легче беречь тебя,
Мирно лелеять, любить,
Рира-во-рэра,

Детей прижать к груди
И Бога за них молить,
Рира-во-рэра».

Я говорю ей это не только о Тбилиси, но и обо всех городах, где нам довелось жить. Циник скажет мне на это: «Тебе хорошо, у тебя есть средства», И, сколько бы я ни убеждал его, что эти средства я почти полностью потратил на безвозмездное благоустройство этой деревни, на поддержку местных семей на пути к школьному, церковному, сельскохозяйственному возрождению – никого этим не убедишь.

Если меня спросят, что бы я пожелал своим детям, отвечу: больших и дружных семей. И буду очень рад, если они не будут жить в Тбилиси. Я буду горд, если мои дети внесут свой вклад в заселение опустевших регионов Грузии. Мы с Нино будем счастливы и горды, если дети наши, невестки, зятья и внуки будут жить в Сванети, Абхазии, Самачабло, Самегрело – везде, где Грузия, и чем ближе они будут к земле, тем лучше. До этого пусть учатся везде, где захотят, пусть копят знания и опыт, но только вовремя обзаведутся семьями, выбрав верных спутников жизни.

Я же, если Бог позволит мне и даст мне силы, вечно буду разрываться между обоими, столь любимыми малыми роинами – материнской и отцовской. Не думаю, что когда-нибудь смогу оставить Чалу, но мечтаю восстановить старый дом в Мзиани, в бывшем Пичхиджвари, и там принимать внуков – плодами наших с Нино рук. А Вы о чем мечтаете, дорогие мои: об участии в возрождении Грузии, чтобы ныне чуть слышный шепот ее превратить опять в многоголосое песнопение, убрать и украсить старые, покинутые кладбища предков – или о чем-то другом?

Леван Васадзе.

18.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. Глава V. (Неавторский перевод)

С Преображением Господним!

Святые отцы учат, что не Христос преобразился на горе Фаворе, а у апостолов на миг открылись глаза, чтобы они узрели Его истинное и непреходящее сияние. Оттого они и пали в страхе наземь.

Быть может, и нам попросить Создателя, хоть немного приоткрыть нам глаза?

Когда явились Илья и Моисей, и Иисус беседовал с ними, восхищенный Петр, словно пьяный, сказал: сделаем три кущи, то есть три шатра, и будем всегда здесь.

Подобное чувство овладевает нами на родине, когда глаза наши открываются, и еще у Его Святейшества – когда ты пьян без вина и никуда не хочешь идти, а хочешь навсегда остаться вблизи его.

Существует учение о нерукотворной Фаворской Энергии святого Григория Паламы, возникшее в XIV веке в христианской культуре, казалось бы, уже и без того полной всей мудрости. Это учение о бывшем от начала мира Фаворском Свете не передается устами таких, как я, но сердцем чувствуется во всей полноте.

Есть некая энергия, присущая Истине, которой живет и дышит всё живое. Тому, кто служит ей, не страшны никакие раны; при отдалении от нее в нас поселяется тьма. Именно это имел в виду святой Серафим Саровский, говоря, что смысл жизни человека в стяжении благодати.

В одном из самых утонченных и поэтичных мест во всей Библии Господь говорит пророку Илье еще при его жизни о том, где Он пребывает. Пройдет большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы, но не в ветре Господь. После ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь. А после землетрясения – огонь, но нет Господа в огне. После огня будет голос тихого веяния, и там Господь.

Все мы уже давно пребываем в ожидании этого тихого веяния, нерукотворной Фаворской энергии, – в этом ветре, в землетрясении, в огне. Мы ждем этого тихого веяния, но его нельзя почувствовать ни в шуме, ни в праздности. Это дается лишь в состоянии настороженной жизни. В такой, что была знакома нашим предкам и которую мы забыли.

В Верхней Имеретии, в Чала – родной деревне моих предков по материнской линии, где я провел детство, даже в самый разгар коммунистической эпохи, люди, жившие по древним правилам, так были погружены в эту настороженность, что даже не вкушали фруктов до праздника Преображения. В Преображение Господне мы рисовали себе на лбу кресты соком ежевики – той самой, в неопалимом огне которой Господь явился второму фаворскому собеседнику, Моисею при его земной жизни.

Нам никогда не измерить глубины грузинской культуры, хоть нам и должно всю жизнь странствовать по ее просторам с этой нашей мерой.

В стихах, посвященных Годердзи Чохели «Может Белизна Зимы Гудамакари», я от лица Годердзи задаю некоторые вопросы этого странствия:

«...Знать бы, где видел жирафа Нико – не во сне ли?
За что даровал нам Вахтанг город теплых ключей?
Как Амиран пригвожденный – к кресту ли, в скале ли? –
Светом надежды будил совесть своих палачей?

Что означает для грека Колхиду ограбить,
И что за смысл заключен в том червонном руне?
Как на Медее убийцы клеймо мне изгладить?

Истолкуй Прометея – ту заповедь, что там на дне?

Кто клеветой растерзал мне на части сознание?

Наглуго ложь мне за правду бесстыдно суют.

Ты лишь – спасение моё, на тебя – упование,

Кто, как не ты мне ответ, и причал, и приют.

Раны постыдные, в горести изнемогая,

Разве посмею я, мальчик, отцу показать?

Мнится мне, дух испущу, от стыда я сгорая,

И не хочу за страдания врага я карать...»

Никак не удастся в этом дневнике перейти к прозаическому, насущному. Мне нужно еще немного времени. А пока скажу вот что:

В том унижении, в тех ветрах, землетрясениях и огне, которые мы сами на себя навлекли, у нас нет иного выхода, кроме умиротворения, упорного труда и неустанной молитвы, чтобы Господь сподобил нас тем тихим веянием, которое всё расставит на свои места. Кажется мне, несведущему, что оно всегда здесь, с нами – это Дух Утешитель, по-гречески – «Параклет», ведь Господь сказал ученикам своим: Он пребудет с вами до тех пор, пока я не приду к вам.

Так, почему же мы не слушаем его?!

Леван Васадзе.

19.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. VI Глава. (Неавторский перевод)

Раз уж ковид так разбушевался, и в последние недели общественность так сильно им озабочена, то, быть может, сегодня мой дневник окажется в этом смысле кому-то полезным. Я расскажу о своей болезни, чтобы всё пояснить в сравнении; так же выражу мое отношение к пандемии и вакцинации, что я уже не раз делал с того момента, как она началась, и за это время несколько не менял своего мнения. Однако сколько бы я этого не повторял, всегда найдется человек, уверенный в том, что я не говорил это во всеуслышание, так как сам он этого не слышал.

Начнем с того, что, как бы трудно нам не было, необходимо спокойствие. Вспомним, что лишь в спокойствии Бог, в том тихом веянии, о котором мы писали в Преображение. Без него с нами не может случиться ничего хорошего, и мы не сможем придти ни к какому правильному решению.

Второе. Очень многое из того, что с нами происходит, или полностью вымышлено, или представляет собой смесь лжи с правдой. Матрица, так же, как и этот вирус-убийца, существуют

на самом деле и действительно пытаются управлять нами с помощью своих наемных миньонов, вопреки тому положению, в котором находится грузинская экономика.

К примеру, сегодня вы, быть может, заметили, что матрица, в лице Фейсбука, заблокировала мою статью на грузинском языке, на нашей странице «Всемирного Семейного Конгресса», где я говорил о странных обстоятельствах своей болезни. Вспомним, что в данной статье я осмелился поставить вопросы о том, почему моя болезнь совпала с моим приходом в политику, почему, когда я тайно вылетел в Стамбул, либеральные телевидения сами подняли скандал о том, что меня отравили, почему этими и другими обстоятельствами не интересуется служба госбезопасности, и так далее. Это оказалось достаточным поводом для этих «любителей свободы слова», чтобы заблокировать статью. Кто-то из миньонов «сообщил», иными словами, донес, как это делали большевики в 20-ые годы прошлого века, второй миньон принял донос и исполнил приказ, то есть совершил экзекуцию. Ничего с тех пор не изменилось.

Считаете, что я «зациклен» на истории моей болезни и преувеличиваю степень манипуляции нами со стороны матрицы? Допустим. Но примеров не счесть: кто объяснит мне, куда исчезла Намохванигэс с ее персонажами, столько месяцев наполнявшая всё наше жизненное пространство и чуть ли не определявшая статус личности в обществе лишь в зависимости от отношения ее, личности, к этому проекту? Кто-нибудь вообще знает, что там происходит? Начато строительство или нет? А Гарежди? А картографы? А Алиев? А колючая проволока? И, если открутить еще дальше назад: убит Жвания или умер своей смертью? А Бадри? А Леван Микеладзе? Кто убил Гурама Шарадзе? А Сулхана Молашвили? Что с легализацией наркотиков и целым обкуренным поколением? Можно бесконечно перечислять примеры, когда общественность взвинчивают, возбуждают, после чего переключают на другую проблему, не разрешив предыдущей.

Помните синдром аквариумной рыбки? У нее семисекундная память. Иначе она запомнила бы весь аквариум и сошла бы с ума в замкнутом пространстве. К тому моменту, когда ее любопытство и терпение достигают пика, она «перезагружается» и начинает всё осматривать заново. В социологическом смысле такова и масса, которая мыслит эпизодически, «клипово», не замечая мигания матрицы и 25-го кадра.

То же происходит и здесь. Этот мощнейший медиа-медицинский вирус – не что иное, как последнее масштабное изобретение, используемое матрицей в качестве пронумерованных волн в промежутках ее остальной работы.

Да, вирус действительно существует и действительно нас убивает. Да, я принадлежу к той части человечества, которая считает, что он создан и выпущен целенаправленно. Однако ровно такое же право на существование имеет и противоположное мнение – что вирус самостоятельно возник в природе – поскольку ни одну из этих версий мы не можем доказать, и у обеих есть сторонники среди ведущих вирусологов мира, лауреатов Нобелевской премии.

Теперь – что касается прививки. Мы видим, что даже чуть ли не в каждой семье мнения на этот счет расходятся. Как же может в подобных условиях та или иная общественная или политическая организация иметь на этот счет единое мнение?

Существует лишь регламент, установленный правилами какой-либо организации, позволяющий утверждать, что эта организация, в соответствии со своим правилами, приняла решение по этому противоречивому вопросу.

К примеру, хоть Церковь и не является организацией, она – тело Христово, а глава ее – сам Христос, но Святая Церковь, соблюдая свои канонические правила, обсудила вопрос о вакцинации и приняла, безусловно, каноническое решение: кто хочет, пусть прививается, кто хочет – нет, никого нельзя к этому принуждать, решение должно быть добровольным. Для верующего человека это Истина, для неверующего, хотя бы и номинально христианина – лишь справка для сведения.

Для таких, как я, это решение очень много значит: в прививке нет греха, так же, как и в том, чтобы не прививаться. Человек принимает решение сам, в пределах своей свободной воли. Для человека, желающего истинной свободы и любящего ее, это облегчение и благословение, для того, кто ее не любит – трудное положение.

Однако, в данных обстоятельствах, мнение о сатанинской природе прививки это зелотство: если бы прививка была сатанизмом, Церковь объявила бы об этом в своем каноническом заключении, а не устами отдельных своих служителей, отступления которых от решения синода всегда имели, имеют и будут иметь место и в будущем.

Итак, если Мать-Церковь дает мне право выбора, значит, для меня исключается главное – опасность сделать неправильный шаг и тем погубить душу, поэтому я, как свободный человек, могу выбирать – прививаться мне или нет.

Есть ли у меня право не прививаться? Безусловно, есть. Совершенно логично, что никто не знает, какой вред может принести вакцина моему организму в долгосрочной перспективе. Ведь, элементарно, еще не прошел срок, необходимый для научного определения возможных воздействий на мой организм всех этих поспешно выработанных вакцин.

Есть ли у меня аргументы в пользу прививки? Без сомнения, есть – как медицинские, так и моральные. С медицинской точки зрения, ясно, что, не смотря на многие исключения, привитый человек переносит вирус в среднем легче, чем непривитый; с моральной точки зрения, ясно, что, не смотря на многие исключения, привитый человек в среднем реже является разносчиком вируса, чем непривитый.

Поэтому я, спокойно взвесив все эти факторы, решаю: прививаться, чтобы сократить риск собственной смерти от вируса и возможность заразить близких, или не прививаться из-за страха, на который я так же имею полное право, не зная, какое воздействие это может в будущем иметь на мой организм и организм моего несовершеннолетнего ребенка.

Имеет ли право тот, чье мнение противоположно моему, забить меня камнями из-за моего мнения? Нет и еще раз нет. Если он боится непривитых, пусть прививается сам, свыкнувшись с мыслью, что он принадлежит к обществу, состоящему из свободных личностей, а не к стаду овец. Это равно касается обеих сторон – как привитых, так и непривитых.

Любые обстоятельства уникальны, не существует двух одинаковых семей и людей. И да, жизнь сложна и принимаемые решения не могут быть шаблонными и тоталитарными. К примеру, я до болезни сознательно не вакцинировался, так как считал, что, по всей вероятности, перенесу вирус без летального исхода и не хотел подвергать свой организм риску вредоносных последствий вакцины, поскольку никто не знает, какими они могут быть.

Но зато я был вынужден соблюдать дистанцию с любимой бабушкой, которой 100 лет, и с родителями, чтобы не заразить их; то же самое я советовал и своим детям.

Начав встречи с единомышленниками, я задумался о том, как в моральном смысле правильнее поступить. К сожалению, мне целых три раза пришлось изучать довольно скучную теорию вероятности – в высшей физике, высшей математике и высших финансах, поэтому мне с самого начала было ясно, что опасность, которую представляют собой группы людей по отношению ко мне – стоящему в центре и соприкасающемуся чуть ли ни с каждым из них – намного больше той, которую я представляю для них. Но руководствоваться подобными рассуждениями нельзя. Поэтому, чувствуя ответственность за других, я решил, вопреки своему желанию, привиться и, ради служения, которое я принял, взять на себя и этот крест. Однако сделать это я не успел. Вам известно, что со мной случилось, или что со мной сделали.

Потом, когда я заболел, мне посоветовали привиться до начала химиотерапии, так как при наличии и без того ослабшего иммунитета и поврежденного миокарда, Ковида мне, по всей вероятности, не перенести. Я получил первую дозу вакцины. Но вскоре оказался перед большой проблемой. Дополнительные анализы показали, что необходимо немедленно приступить к лечению. Передо мной встала еще одна дилемма: рискнуть позволить этой редчайшей напасти медленно убивать меня в ожидании второй дозы вакцины или начать лечение и, приходя в клинику в моем скафандре, каждый раз подвергаться опасности от любой медсестры, могущей убить меня заразой, коснувшись краем рукава халата. Не представляете, какого мучения мне, и без того измученному, стоило это решение. В конце концов, я выбрал второе. Нино и моя теща, ухаживающие за мною здесь, вынуждены были привиться, хотя, не смотря на это, они не выходят из квартиры, дезинфицируют продукты, принесенные курьером, и вносят их в дом в перчатках. Так и живем.

Я веду к тому, что каждый человек, это особый случай, и как же трагикомично, что именно наши поборники индивидуализма и разнообразия, наши либерал-атеисты этого не понимают, а хотят тоталитаризма, против которого якобы всю жизнь выступают.

Теперь о близости смерти и о том, что человеку полезно помнить о ней. Я живу с этим вот уже два месяца, не зная, Господь ли это попустил или мне подстроили и, наверное, так никогда и не узнаю.

Я хотел для контраста описать здесь всё, что испытывает моё тело и моя психика. Но, сделав это, я не решился это опубликовать и стер, так как пожалел своих близких. Они, конечно же, всё знают, но я понял, что перечисление всего этого лишней раз расстроило бы моих родителей и детей, и воздержался от этого здесь. Возможно, если понадобится, я сделаю это впоследствии в иной форме.

Просто скажу, что мы все умрем. И я, пишущий эти строки, и Вы, читающие. Кто-то на второй день после прочтения – храни всех Бог! – а кто-то, самое большее, через 31,025 дней, если Вам сейчас 15 и Господь сподобит Вас жить до ста лет – желаю всем достичь этого возраста.

Так стоит ли ради этого сиюминутного, брэнного существования так ненавидеть и терзать друг друга, как мы это делаем?! Не лучше ли помочь друг другу достойно подготовиться к вечности, помочь друг другу нести наш крест и тем исполнить закон Божий? Как Вы думаете?

Леван Васадзе

20-21.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. VII Глава. (Неавторский перевод)

Сегодня мы попытаемся коснуться политики – не современности, управляемой матрицей, а более фундаментального, обсудив его поэтапно.

Начнем с самого маргинального и, отчасти, малозначимого, а в последующие дни коснемся более значительного. Это не значит, что мы откладываем в сторону поэтическое или философское, но так наш дневник будет менее однообразен.

Пока нашему администратору, по причинам, упомянутым в предыдущей главе, заблокирован доступ на страницу Всемирного Семейного Конгресса, а так же на страницу «Поэзия и проза», то и главы этого дневника администратор может выкладывать только на странице «Единство, Сущность, Надежда – ЭРИ». Таким образом, в эти дни дневник прочтет намного меньшее количество людей и может создаться впечатление, будто я, по той или иной причине, прекратил его писать. Прошу простить меня за это. Прискорбно так же и то, что, когда поборники «свободы слова» разблокируют нашего администратора, главы будут размещены на указанных сайтах с опозданием, что так же сократит их читаемость.

В этом нет ничего случайного. В либеральном концентрационном лагере мы не должны существовать – ни физически, ни политически, ни медийно, а национальный дискурс должны представлять лишь радикалы, финансируемые и управляемые Левиафаном либеральной республики, перед которым стоят две задачи: быть «патриотичными» вне Церкви и последовательно радикализировать и маргинализировать всё патриотическое, чтобы у человека

пропало всякое желание связываться с национальным дискурсом, и он окончательно уверился в том, что всё светлое и прогрессивное – в либерализме.

Не случайно наибольшая доля вражды, клеветы и оскорблений за эти годы досталась лично мне именно от этих управляемых псевдо-патриотических сил. Они ни перед чем не останавливаются: то лают издали, то подлизываются вблизи, устраивают прямые санкционированные нападения всегда, когда наши действия в том или ином смысле угрожают либеральному правительству (но не либеральной оппозиции).

Всё это – азы диктаторской структуры либеральной республики, известные мне на уровне конкретных имен и примеров от моих друзей – консерваторов и традиционалистов из Италии, Испании, Германии, Австрии, Франции, России, Молдавии, Нигерии, Румынии, Венгрии, Польши.

Если вы видите фашиста-националиста, бьющего себя в грудь, который кляня либералов, в то же время, выступает против церкви своей страны и преданных ей патриотических сил, – как правило, во всех случаях из ста будьте уверены, что это человек, перебивший фамилию, инородный типаж, финансируемый службой госбезопасности страны, которого та шантажирует компроматом о его разврате, стукачестве, наркотикам, у которого нет ни малейшего шанса набрать хотя бы один процент народной поддержки, но это и не входит в его планы. Он существует не для этого.

А существует он для того, чтобы наносить удары по Церкви и верным ей патриотическим силам, дискредитируя всё национальное в глазах безграмотных «светских» обывателей: то прибегается к подлинным патриотам (когда у него это получается), то ведет себя истерически, чем вызывает антипатию в любом здравомыслящем человеке.

У него, как правило, несколько десятков приверженцев, среди которых есть совершенно искрение и бескорыстные, по своей бесхитрости и необразованности плохо разбирающиеся в людях. Правда, порой у них открываются глаза, они раскаиваются и, ругая своего лживого лидера, бросают его. На их место приходят или люди, превратившиеся в циников, или тот же, еще неиспользованный политический планктон, участь которого через какие-нибудь 12 месяцев будет всё той же. Грузия в этом смысле ничем не отличается от других стран, так как и она, к сожалению, попала в западную классическую модель либеральной республики.

По мнению нашего мощного и масштабного интернационального консервативного сообщества, членом и другом которого я, как всемирный посол Всемирного Семейного Конгресса, являюсь, единственное средство борьбы с этой низшей формой политической жизни, копошащейся на политическом дне, – полностью игнорировать это дно, не поддаваться ни на какие его провокации, не реагировать на оскорбления, хоть это подчас и не легко в эмоциональном смысле.

Иногда всё же приходится реагировать. В таких случаях служба безопасности либеральной республики достигают цели в единичном, одноразовом режиме. Её офицеры, к сожалению,

обладают шизофренически раздвоенной психикой, поскольку, с одной стороны, шепчутся с патриотическими силами, уверяя их в том, что они на их стороне – они ведь мужчины! – а с другой стороны, выступают против них, оправдываясь полученным приказом. Таким образом, истинный патриот, дающий отпор управляемому службой безопасности радикалу, оказывается, в известной степени замаранным этой «перебранкой»; но, в то же время, резко падает эффективность их агента, который в подобном противостоянии, в силу своей трусости, низкой репутации и поврежденной психики, страдает намного больше, так как правда не на его стороне. Таким образом, подобные стычки между подлинными национальными силами и управляемыми мартышками, в принципе, никого не устраивают.

Поэтому, нескончаемые нападки управляемых радикалов по отношению к подлинным патриотам и Церкви, на которые правоохранители закрывают глаза, это просто часть драматургии жанра – они обязаны отрабатывать получаемую зарплату.

В случаях консервативного переворота всё это оканчивается очень плачевно для фашистов. Несмотря на их баснословную изворотливость, в подобных случаях именно они оказываются начисто лишены какой-либо репутации и иммунитета от наказания со стороны национальных сил; и их, как правило, наказывают даже строже, чем изменников-либералов.

В лучшем случае, им дается возможность проживания в стране, чьи идеалы они исказили и дискредитировали в период либеральной оккупации, без права какой-либо политической или предпринимательской деятельности. Но это происходит крайне редко. После падения либерального режима, по законам военного времени такие радикалы-provokatory, как правило, подвергаются строгому наказанию за измену родине, надолго отправляются за решетку, и то – если повезет.

Все, кто узнал себя в этом портрете, должны серьезно задуматься о своей дальнейшей судьбе, потому что диктатура либерализма в Грузии подходит к концу, близится национально-консервативная гроза, и это – вне зависимости от того, какая судьба уготована лично тому или иному деятелю национального фронта.

Эта гроза молнией сожжет остатки либерализма, разрушающие экономику и демографию, обильным дождем смоеет их пепел, после чего Грузию осветит долгожданное солнце, по всему небу раскинется радуга, которой мы никому не уступим, и начнется непрерывное национально-консервативное строительство, в котором каждый трудящийся будет востребован и ценим, а каждый мошенник – наказан.

К сожалению, и в такой Грузии, в виде исключения, всегда будут существовать и несправедливость, и несчастье, так как невозможно и богохульно желать рая на земле и пытаться его построить – мыслящий человек знает, чем это всегда кончается. Поэтому земного рая на нашей райской земле, к сожалению, никогда не будет, но не будет и того ада, каким была Грузия в последние годы.

Леван Васадзе

22.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. VIII Глава. Неавторский перевод

Вот и снова мне приходится вернуться к личному, после того, как в предыдущей главе мы от этого немного отдохнули.

Мы всё еще заблокированы на странице Всемирного Конгресса Семей. Причиной к этому послужила моя статья «Странные обстоятельства моей болезни», формулировка следующая: «использование языка ненависти». Теперь же мне сообщили, что администрация Фейсбука пометила красным эту страницу, которую мы ведем уже много лет, популяризируя разнообразную патриотическую и семейную тематику, что, как мне объяснили, по всей вероятности означает, что в скором времени ее сотрут, уничтожив, таким образом, огромное количество материалов, в том числе и видео, которые она содержит.

Поразительно. Я не ждал такой реакции. Ведь в своей статье я поставил общеизвестные вопросы, но, видимо затронул какую-то струну в органе, заменяющем «либерастам» сердце.

Поразительно и то, что находясь в положении непрерывного поединка со смертью (а люди так трогательно наивны: кто-то выложит мое видео двухлетней давности, где я говорю об исцелении наркоманов, и комментирует: «Как вы хорошо выглядите, батона Леван, значит, скоро поправитесь!»), даже не зная, что и как со мной произошло – был ли это чей-то замысел, или всё случилось само собой – в этом положении, когда любое волнение наносит страшный вред моему поврежденному сердцу, я нисколько не переживаю по поводу этой атаки на нас.

Я только с интересом и любопытством слежу за этим и спрашиваю себя, неужели эти политические силы действительно способны на такую злобу, и неужели я был настолько наивен, что допускал как вероятность то, что оказалось реальностью, лежащей у меня перед носом. Чем же иначе объяснить то, что альянс «националов» и «мечты» вроде бы стер нас с лица земли, будто мы и не существовали, и притих, не смотря на то, что многих из них я знаю лично – а это, по тбилиским и грузинским меркам, просто стыдно – и невозмутимо продолжает своё танго с партиями Гахари и 15-ти подписавшим манифест ЛГБТ? Даже если болезнь моя – искусственного происхождения, сомневаюсь, что мне хватит цинизма поверить в такую жестокость с их стороны (я не имею в виду националов). Скорее всего, это запланировано и выполнено их иностранным руководством, но отчего же они все замолчали, чего испугались? Нет, дело не в том, что они чем-то помогли бы мне, возвысив голос, но, согласитесь, перед нами картина поразительной трусости и безразличия, низости и временщичества.

Теперь они и этим не ограничиваются, а блокируют и уничтожают наши веб страницы, чтобы стереть даже самое упоминание нас.

Исходя из этого опыта, мне хочется спросить всех наших противников и критиков, в первую очередь, часть обманутой молодежи: вы уверены, что то, что вы за столько лет узнали обо мне и о нас из своих кривых зеркал, управляемых матрицей, действительно объективно и правдиво?

Ведь молодость и человеческая сущность, как таковая, призвана искать Истину, поэтому я обращаюсь ко всем, но, в первую очередь, к той части молодежи, которой внушают, будто заботятся о ее свободе – на самом деле, эта «свобода» заключается в порабощении молодых людей перед их самыми низменными физиологическими потребностями – и будто притеснителями этой «свободы» являются их родители, Церковь и такие люди, как я: дети, не дайте обмануть себя этим озлобленным бесам, не опускайтесь до помойного уровня их поверхностной псевдонауки, не допускайте в ваших чистых сердцах компромисса, приглядитесь к моему случаю или, если угодно, к любому другому, и пусть каждый из вас спросит себя, что он предпочитает – быть обдуренным и обольщенным, или быть искателем Истины, то есть, по настоящему свободным человеком?

Вместо идиота Карла Поппера читайте Рене Генона, вместо бреда Бернара-Анри Леви – Юлиуса Эволу, вместо провокаторов франкфуртской школы – Мирча Элиаде, вместо Жака Лакана – Питирима Сорокина, вместо Зигмунда Фрейда – Дмитрия Узнадзе, а вместо Редьярда Киплинга – Льва Гумилева или Клода Леви-Стросса. Вернее, читайте и тех и других: сначала хотя бы ознакомившись с Платоном, читайте и этих, чтобы иметь разностороннее представление, и, поверьте, сколько бы вы ни читали, вам не добраться до Истины без Христа.

Завтра писать не смогу, у меня снова химиотерапия. Послезавтра вернусь к вам с новым листком, который, надеюсь, в условиях этой «свободолюбивой» блокады, прочтет хотя бы несколько человек.

© Леван Васадзе.

23.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. IX Глава. Неавторский перевод

Сегодня у меня неожиданно появилась возможность писать, чего я не ожидал, и вот я снова пишу. Думается, на этот раз лучше – не о личном, а о философском и, немного, о поэтическом. И здесь, по возможности, мы будем говорить о большем, чем об общегосударственном, о человеке, хотя первое меня и волнует нынче больше.

Мы всегда недовольны: это происходит в силу нашей падшей природы и врачует это, только постом и молитвой.

Раньше, в Пре-модерне, в пору традиционного общественного строя, это вечное недовольство считалось грехом во всем цивилизованном мире – как в восточном и западном христианстве, так и в исламе, да и везде.

И, чем бы ни пытался человек в таком обществе восполнить эту свою неудовлетворенность, он в любом случае преступал общественные нормы и мораль, призывающую его довольствоваться тем, что ему даровано и осуждающую эгоизм и стяжательство.

Поэтому землевладельцем был лишь аристократ, иными словами, тот, кто заслужил государеву милость собственной кровью и самопожертвованием, а купцу приходилось вечно оправдываться за то, что он торгует. Но и владение землей было не так уж вольготно: князь нес ответственность за большое количество людей, а в случае войны всегда первым ставил себя и своих сыновей перед лицом смерти.

С тех пор три вышеупомянутых мира прошли по совершенно разным путям.

Восточное христианство на уровне своей аристократии не выдержало роскоши, дарованной ему за праведную жизнь, и развратилось. В первую очередь, конечно же, в городах. Взятие крестоносцами Константинополя и его окончательное падение в 1453 году было лишь следствием внутреннего разложения.

Менее урбанизированный ислам, в свою очередь, разделенный на два части – хотя, наверное, на больше, если иметь в виду влияние маздеизма на персидский шиизм – не смотря на триумф над Иерусалимом и Константинополем, не выдержал имперского искушения; в результате халифат был заменен султанатом, приведшим впоследствии Турцию на грань гибели. То, что было восстановлено Кемал-пашой, было уже другим. То, что англосаксы создали в Аравии, было нечто совсем иное. И, опять же, иранская культура отличалась и от первого, и от второго.

Самой же пагубной для всего человечества оказалась судьба западного христианства. На мой взгляд, в этом виновны философы, чье учение проистекало из богословия. Вначале разногласия с их схоластикой переводов Аристотеля, дошедших до них через арабскую культуру, вызвали страшный, т. н. аверроистский кризис. В конце концов, это погубило схоластику, превратив ее в мучительное мудрствование. Правда, поднявшиеся в ответ все три волны Ренессанса просияли надеждой человечеству, однако, как могло что-либо праведное выйти из-под руки отступника истины Плифона, прижившегося при дворе Медичи?! Если не ошибаюсь, именно на стыке схоластики и Ренессанса – а, быть может, и раньше – свой гигантский вклад в уничтожение западной цивилизации внес Уильям Оккам со своей знаменитой бритвой и своим номинализмом, о чем еще в 40-ые годы прошлого века поразительным чутьем догадался американский философ Ричард Уивер.

Так или иначе, в мир корявой поступью явился Модерн. Многие спорят, с кого он начался – с Рене Декарта или с Джона Локка, с Френсиса Бэкона или еще с самого Мартина Лютера. Но, так или иначе, настала эпоха, когда всё тот же Бэкон в корне искажил достоинство Адама, как хозяина и имянарекателя вселенной, и призвал человека подчинить себе природу в этом падшем мире.

С этой точки истории наше недовольство перестало считаться грехом. Остальное – всего лишь дело времени. И индивидуализм, и Французская Революция, и падение и кровопускание монархий, и две безбожные формы коллективизма – марксизм и фашизм, и прошлый век, задохнувшийся в потоках крови войн между этими тремя бастардами.

Наша любимая Родина, по малочисленности населения, оказалась в числе стран, сильней других пострадавших в этой мясорубке. Более трехсот пятидесяти тысяч героев принесла она в жертву борьбе с фашизмом. А сколько у нас жертв коммунизма – включая моих прадедов с обеих сторон – хотя всё же намного меньше, чем фашизма. И что с нами творится по сей день, когда победивший либерализм запрещает нам даже вспоминать этих героев, а чудом оставшаяся в живых горстка ветеранов каждый год в Парке Победы терпит нападки безумной, неграмотной и зомбированной, несчастной молодежи. А сколько детей в материнской утробе стало жертвой либеральной идеологии, поощряющей аборт?! Это явление, допущенное в Советском Союзе еще Лениным, после распада советской империи истребило в материнском чреве полтора миллиона детей, так как, вот уже 30 лет у нас делают в среднем пятьдесят тысяч абортов в год. Никто не сосчитает, сколько жизней истребила наркомания, которая в массовом ее виде так же является частью либеральной повестки.

Как же нам быть теперь, как жить дальше? Ни образования, ни индустрии, ни безопасности, только долги и сгущающиеся черные тучи. А начнешь что-то делать и...

Мне кажется, всё начинается с человека. В моём положении у меня много времени для молитвы и осознания своих грехов, чтобы не дать моей болезни и этому скромному дневнику вновь увлечь меня в сторону высокомерия, не прислушиваться к похвале и не злиться на хулу. Быть может, нам лучше задуматься о том, что мы убиваем больше всего детей в мире в процентном отношении? Может, осмелимся наконец заговорить о тех ошибках, которые мы совершили в момент распада Советского Союза? Может, нам, грешным, допустить мысль о том, что любое правительство, которое мы имеем, всё же лучше того, что мы заслуживаем? Если не вы, то хотя бы я. Признаемся, наконец, что мы или, хотя бы, часть нас, обленились и погрязли в высокомерии, и виноват в этом не только Советский Союз – в этом и наша вина! Может, прекратим по любому поводу побивать друг друга камнями? И, возможно, тогда в нас начнется то, чего мы так ждем откуда-то извне.

Леван Васадзе.

24.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Один из столпов социологии, итальянец Вильфредо Парето делит общество на:

1. Элиту, правящую страной;
2. Контр-элиту, которая хочет править и готова зубами разорвать элиту;
3. Анти-элиту, представляющую собой вечно ноющую, всем недовольную и ни на что не годную интеллигенцию, – которой, пользуясь жаргоном, всё «в падлу», – а так же, похожих на нее людей из других слоев общества;

и

4. Массу, особо не заботящуюся ни о чем, кроме удовлетворения физиологических потребностей и желаний. Любопытно, что, в нашем случае, по этому определению, массой можно считать и большую часть нашего «светского, элитного» общества, поскольку принадлежность к массе определяется не тем, сколько денег заработал твой отец, а тем, кто ты – «идиотес» или нет.

Рискну допустить, что, если человек по той или иной причине читает этот дневник, значит, он не принадлежит к четвертой категории.

Теория Парето оказала огромное, глубочайшее влияние на современную социологию, а социология это, пожалуй, самая важная в мире дисциплина после поэзии и философии, не считая, конечно, богословия.

Так уж выходит, что своей теорией Парето ставит нас перед болезненным выбором: кто мы из оставшихся трех категорий? Выбирайте.

Если вы принадлежите к элите, правящей страной на сегодняшний день, спросите себя, соответствует ли то, что вы делаете целям приумножения нации и воссоединения Грузии. И, если вы считаете, что этому всё равно ничем не поможешь, а главное для вас – успеть благоустроить семью, пока вы принадлежите к элите – то задумайтесь: имеете ли вы право, называться человеком?

Если вы принадлежите к контр-элите, то, в каком вы оппозиционном лагере, какие манифесты подписало руководство вашего лагеря и, если вы станете элитой, в какой мере это послужит приумножению нации и воссоединению страны?

А если вы принадлежите к анти-элите, и вам выпало жить в период, когда ваш народ по численности сократился вдвое, ваша страна потеряла четверть своих территорий, а вы и ваш народ обнищали, погрязли в долгах, превратились в наркоманов, проституток, лудоманов, мужеложцев, или вынуждены были эмигрировать, – ведь тогда грош цена вашему изысканному вкусу и жизненному понятию: «Лишь бы меня никто не обматерил».

Выбор крайне горький, неприятный. Я свой выбор сделал примерно двадцать лет назад, когда получил возможность в эмиграции немного перевести дух. Я мог бы жить в любой стране земного шара. Но я, как мог, с Божьей помощью устроил семью и наладил своё дело и вышел на общественное поприще из любви к своей Родине.

Взамен я не только не ждал должности, денег или чего-нибудь еще, но, к сожалению, более, чем многие другие, испытал насмешки, ругань, клевету, оскорбления, а теперь, быть может, и физический урон.

Просто мне до последнего момента казалось, что я смогу что-то изменить в нашей стране, не вступая в практическую политику лично, а лишь занимаясь идеологической, публицистической, ораторской и благотворительной деятельностью, но увидев, что этого не достаточно, я, наконец, решился на последний, может быть, роковой для меня шаг, о котором, не смотря ни на что, не жалею.

Может быть, в том, что я так долго не шел на это, заключался мой эгоизм. Не хотелось ставить под удар себя и семью, зная, что в основных принципах я не склонен к компромиссам. Я прекрасно знал, что и матрица это знает и ни за что не впустит меня, и никакие комментарии в интернете с пожеланиями Божьего благословения и здоровья здесь, увы, не помогут.

Ни мои родители, ни моя супруга, ни мои старшие дети этого не хотели. И они были правы.

Чтобы пояснить свои побуждения, вспомню Сократа: на суде, где его присудили к смертной казни и где он, отказавшись от адвоката, сам, и безуспешно, защищал себя, он заявил, что ранней юности слышал голос – голос невидимого создания, которое он назвал «Даэмоном» (Daemon).

По словам Сократа, Даэмон никогда не говорил ему, что делать, но всегда говорил, чего делать нельзя.

Эти пророческие слова учителя Платона (в уже существующем тогда моисеевом законе, о котором Сократ мог и не знать, все десять заповедей носят запретный характер) оправдались и после того, как над Сократом привели в исполнение смертный приговор.

Дело в том, что афиняне приговорили Сократа к смерти, но, по афинским законам, они не имели права привести приговор в исполнение до тех пор, пока в Афины не вернется корабль, посланный в Дельфы с сакральными дарами, пожертвованными храму Деметры. Таким образом, Сократ получил облегчение. Если не ошибаюсь, чуть больше месяца он ожидал возвращения корабля, а с ним и смерти.

Благодаря этой «случайности» главный ученик Сократа, отец всей философии Платон, который так переживал арест и смертный приговор своего учителя, что даже не смог присутствовать на суде, получил возможность написать два величайших произведения, диалоги – «Критон» и «Федон», две жемчужины мировой литературы, которые читаются легко, как детские книги.

В «Критоне» сам Критон советует Сократу, подкупив стражников, бежать из Афин, и Сократ подробно обосновывает свой отказ.

В «Федоне», описывающем последний день в жизни Сократа, исполнение смертной казни через принятие яда цикуты и последние слова Сократа, философ высказывает довод против атеизма, один из ярчайших из известных нам до вочеловечения Спасителя. Сократ говорит, что, как философ, он всегда искал смерти, и, если загробной жизни нет, он просто отдохнет от этого несправедливого и полного страданий существования, если же за гробом его ждет иная жизнь, он встретит там величайших философов и испытает их мудрость в беседах с ними.

Далее в «Федоне» Сократ, уже опустившись на ложе (до этого стражник учтиво пояснил Сократу, что, осушив чашу с ядом он должен походить по камере, на глазах у оплакивающих его друзей, чтобы яд лучше впитался в его тело, что Сократ послушно и исполнил), уже чувствуя приближение смерти, Сократ приподнимается на ложе и говорит другу: «Не забудь, что мы должны Асклепию петуха», что толкуется как в прямом, так и иногда в иносказательном смысле, исходя из того что Асклепий не кто иной как главный мифологический врачеватель и духа и тела в античной Греции.

И тот поразительный ответ, данный Критону, и напоминание о последнем долге Сократу нашептал Даэмон его совести. Он – эхо того тихого веяния, о котором мы говорили в Праздник Преображения. В осозанном мире ничего не стоит заставить его замолчать, но большего зла, чем это, человек не может причинить себе ни оружием, ни другой напастью.

Если кто еще не понял, что я имел в виду, касательно моего вхождения в политику, мне больше нечего сказать на эту тему.

Возвращаясь к Парето, вспомню так же, что в своей блистательной биографии Муссолини Пьер Мильза упоминает влияние Парето на Дуче, хотя мне совершенно ясно, что маленький Бенито со школьных лет восседал на своем контр-элитном коне, заглушавшем в нем голос Даэмона, в конце концов, прости Господи, приведшем его к страшной гибели, которую он, в отличие от Сократа, заслужил.

Как же нам сохранить совесть, не превратиться в импотентную анти-элику и пытаться спасти нашу страну? А, взяв на себя крест правления, как не разделить судьбы, которая постигает почти любое правительство – в данный момент я не имею в виду спорадическое ворчание масс и пляски им в угоду.

Я имею в виду вот что: как нам делать то, что необходимо, т. е. то, без чего нам не обойтись, вне зависимости от того, понимает ли это жвачная масса в редкие моменты своего пробуждения или нет. Возможно ли вообще что-либо исправить?

Мне почему-то кажется, что в Грузии это возможно, потому что, не смотря на тот ад, который либерализм устроил в стране за последние 30 лет, в чем он успешно обскакал даже коммунизм, представьте себе, большинство нашего замечательного народа всё же не превратилось в массу. Чем больше трудностей терпит грузин, тем менее он похож на массу. На мой взгляд, ближе всего

к массе – в том определении, которое дает Парето – у нас наши либералы и «свецкая» элита, именно поэтому стереотип Парето, как и многие другие западные модели, в Грузии не работает.

Спонсорам глобалистам этого не понять и, именно поэтому, никогда не добиться успеха в Грузии. Среди их последователей – лишь те, кто получает от них зарплату: такой неэффективности они, думаю, не наблюдали даже в Афганистане.

Сегодня я заметил, что этот дневник тоже заблокирован. Не прямо, но другие пользователи не могут им делиться. Если у первой главы было более восьмисот комментариев, глава, предшествующая этой насчитывает всего сорок – именно по этой причине. Страницу Egi.ge пока еще не заблокировали. Это просто поразительно. Чем больше подобных действий со стороны «националов», «мечтателей» и их факт-чекеров, – тем больше я убеждаюсь в том, что случившееся со мной вовсе не случайно. Хотя какое это имеет значение, если мы всё равно никогда не дознаемся до истины? Спокойной ночи.

Леван Васадзе.

26.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XI Глава. Неавторский перевод

Поздравляю всех с наступившим Праздником Успения Богородицы! Вселенная притихла, апостолы, кто жив – восхищен Святым Духом, кто уже принял мученическую кончину – воскресает, об этом нам известно от них самих: нельзя им не присутствовать при Успении Приснодевы. И всё же, почему мы особо отмечаем этот праздник? Потому, что наша страна – Ее наипервейший удел, мы радуемся восхождению Богородицы к Сыну на Небеса, и это для нас несказанный день.

Грузия – Первый Удел Богородицы. Когда мы приписываем это нашим особым заслугам и начинаем гордиться этим, с нами происходит то, что мы постоянно наблюдаем вокруг себя, когда же мы понимаем, что быть уделом Богородицы – это огромная ответственность, ибо нам предназначено быть Ее посланцами в этом мире, а это значит, что все наши женщины должны походить на нее целомудрием и любовью, а все наши мужчины – на Ее Сына и нашего Господа бесстрашием и любовью, – вот тогда мы становимся частью войска Давидова, частью Дидгори, и побеждаем всех врагов, стоя на нашем родном Триалетском хребте.

Сегодня я не смогу писать ни о чем другом. Буду краток, поскольку я не богослов и не священнослужитель и не имею права рассуждать об этом. Постоянно боюсь нарушить третью заповедь, да и не смею поверять подобное пространству интернета. Настоящий дневник для меня – тетрадь с пожелтевшими страницами и чернильными пятнами, каких у меня много, но кто и когда их прочтет?

Поэтому, раз уж я попал в это пространство вместе с вами, и раз уж слуги Непоминаемого и здесь всячески притесняют меня, полуживого, не прекращая бороться со мной, то я приму и этот бой

с ними, и пусть судьба моя решиться так, как угодно Господу и Богородице. Но сегодня я не смогу много писать.

Завтра писать совсем не удастся, прошу меня простить. Не знаю, как сказать, но из двенадцатых Господних Праздников этот – один из самых мной любимых. Обычно я отмечаю его в Чала, в церкви Спасителя в Спети, выстроенной в XI веке, потом мы с детьми купаемся в реке Квирила, а после мы устраиваем праздничное застолье в родовом поместье князей Абашидзе, в округе абашидзевской ветви Заликашвили. Ничего нет для меня лучше этого застолья. В этом году многие из нашей округи перешли в мир иной: Гивико и Мака Камушадзе, еще раньше – Тато Абашидзе, до этого – дядя Датуна, да что рассказывать. Моё самое любимое место в Чала – это родовое кладбище семейства Абашидзе, где упокоены все наши, с гробницей моего прадеда, протоиерея Эрекле Абашидзе, которого сам святейший Патриарх почтил визитом и чьи грамоты о рукоположении во дьякона и в священника с подписью святого епископа Гавриила (Жикодзе, Архиепископа Кутаисского и Имеретинского) висят в нашей «зале». В этой самой «зале» у нас на руках почил почтенный Гизо Нишнианидзе, в тот момент, когда, будучи тамадой на нашем застолье, читал стихи.

В этом доме бывали в гостях и святой епископ Антон, и святой епископ Гавриил. Так же, как и Оливер и Марджори Уордропы и многие другие. Моя прабабушка Лизико (Лекишвили), супруга моего прадеда Ивлиане (Юлиана) приходилась невесткой протоиерею Эрекле. Когда Важа-Пшавела гостил в нашем тбилисском доме, и наутро после застолья шестнадцатилетняя Лизико принесла поэту к супре букет роз, тот посвятил ей стихи:

«С цветами ты вошла к мне,
Сама – цветок, росой омытый.
Чем отплачу я за добро,
Сын Грузии, тоской убитый?»

Листок с автографом этого стихотворения впоследствии каким-то образом исчез из нашего дома. Даже говорить об этом не хочу. Что касается речи, произнесенной дедушкой Эрекле на торжестве по случаю юбилея Акакия Церетели, ее полный текст содержится в книге Гурама Шарадзе.

Когда Патриарх собирался посетить наш дом в Чала, часть его прежнего окружения и правительство всячески пытались воспротивиться этому (меня тогда не было в Грузии, а моя бабушка и мои родители, счастливые, ожидали его с замиранием сердца). Когда он, не смотря ни на что, всё же тронулся в путь, начальник полицейского патруля поехал впереди и сопровождал его всю дорогу. В пути ему позвонили из руководства и спросили: «Интересно, куда это ты собрался?» Он ответил: «Я сопровождаю моего Патриарха, а куда идете вы?» Куда теперь исчезли такие люди?

Моей бабушке, княжне Мариам Абашидзе, моей «Бубе» 100 лет, в этом году ей исполняется 101 год, и она до сих пор всем нам помогает, учит, каким должен быть человек. Её супруг, мой Дед, Леван Чантуришвили, один из ведущих геофизиков мира, университетский чемпион по боксу, скрипач, блестящий поэт, которому никто из нас долго не мог перетянуть руку, был третьим

сыном предводителя Гурийского землячества Сио Чантуришвили, расстрелянного в 1937-ом – моего прадеда Сио, который в 1921 году не пошел с людьми Мазниашвили за Ноем Жордания в эмиграцию, сказав: «У меня трое сыновей, они мне ничего не сделали дурного, как я могу их офранцузить? Пусть лучше меня расстреляют». Вот чьим сыном был мой дед Леван, верный зять семьи Абашидзе, в чью честь я ношу это имя. Их одноклассницей была дочь Тициана Табидзе, Нита – муза Тициана и Пастернака, бабушка Нитико, первый после Бубы ценитель моих стихов, когда я еще не умел писать, но в трехлетнем возрасте уже говорил стихами, которые записывала Буба и которым так радовалась бабушка Нитико; смеясь, она всегда будто бы плакала – Буба сказала мне, что это случилось с ней после того, как расстреляли Тициана. Так же их одноклассником был основатель «Белого Георгия» Мустафа (Леван) Шелия, убитый чекистом в 1943-ем. Их одноклассник Лука Ткемаладзе 17 лет промыкался в Сибири лишь за то, что пустил к себе Мустафу переночевать на одну единственную ночь, он был ближайшим приятелем моего Деда и его шахматным партнером (Дед, бывало, обыгрывал гроссмейстеров). Еще один их одноклассник, рослый, благородный Бичико Тушмалишвили, читавший лекции о виноделии в Сорбонне, был не только руководителем, но и совестью всего «Самтреста», и это – не смотря на коррупцию тех лет; это он сказал мне у нас в Чале, когда мы праздновали пятидесятиую годовщину свадьбы Деда и Бубы: Леванико, сынок, помни, во всём мире только нам и французам есть, что сказать о вине, и, прошу тебя, никогда не путай этой последовательности. По его заветам я до сих пор и прилагаю усилия к развитию виноградарства и виноделия в Грузии, хотя на те же деньги мог бы приобрести два шато во Франции, не сталкиваясь при этом с той степенью измены и цинизма, которую мне пришлось испытать. Их одноклассницей была и Тамара Долидзе. Всех не перечислишь... Сохранилось поразительное фото этих людей, сделанное в десятом классе классической гимназии, ныне – первой средней школы: у каждого из них уже расстреляли кого-то из близких, у Бубы – дядю, Антона (Куцу) Абашидзе, у Деда – отца, у Нитико Табидзе – отца, и так далее, все объявлены родственниками врагов народа, все осиротевшие, оставшиеся в живых родители у всех или посажены, или выгнаны с работы. Вот, сидят эти шестнадцатилетние дети и смотрят на нас глазами сорокалетних, а внизу приписаны кем-то из них сочиненные стихи:

«Друг мой, поднимем с тобою еще раз бокал,
Помнишь, когда-то мы были, как дети, игривы.
Если бы тысячу жизней Господь мне послал,
Все без остатка отдал бы я Грузии милой».

О многострадальной семье Васадзе и Гагуа расскажу когда-нибудь в следующий раз. Я рассказал о родине моих предков по матери, об отцовской – после. Отдельный рассказ – о семейной ветви матери моего отца, семействе Кипиани, во главе с моей легендарной бабушкой Тамарой Кипиани, прошедшей Ленинградскую Блокаду и написавшей известное произведение «Блокадная Тетрадь».

И в это Успение сердце моё там, с моим семейством, пока я сижу в своей московской квартире и раз в неделю хожу в скафандре на химиотерапию, пока моя семья в беспокойстве молится и за всё благодарит Господа в Кикети. В этот Праздник Успения наш дом в Чала грустит.

Мы – дети этих людей. И что же? Нас вы зовете изменниками родины, а потомков временщиков, большевиков, детей и внуков стукачей и расстрельщиков, и еще выроdkов, чьих родителей, как они не упрашивали, даже коммунисты не принимали в свои ряды, потому, что ни на что они были не годны – этих вы называете носителями прогресса?!

Наши предки не устрашили самого ужасного в мире террора, потом воевали в самой страшной в истории человечества войне и победили, – что́ нам, их детям, ваши хозяева, пытающиеся запугать нас смешной блокадой наших сайтов только за то, что мы задаем вопросы: почему с нами случилось то, что случилось и что с нами вообще происходит? Не вам победить нас, не вам заставить нас замолчать!

У меня это уже не вызывает даже смеха. Не потому, что мы хоть чем-то похожи на наших великих дедов, бабушек, родителей. Мы всего лишь их тени. Но на вас и ваших трусливых, бескультурных иностранных хозяев нас уж точно хватит.

Ведь не своей силой побеждаем.

С нами заступничество Пресвятой Приснодевы Марии, ибо Творец, Сущий вне времени знал наперед, что никто из Апостолов не в силах замолить тех бесчисленных грехов, что содеяли мы, грузины, потому и отдал нас Ей в удел, так как желал и нашего спасения.

Так вот, господа и их заморские хозяева. Вы, к сожалению, принадлежите к числу тех, кто никогда не просит Ее о прощении своих грехов, поэтому я даже не знаю, чем вам помочь. Мы же завтра встанем как свечи на молитву, мои – в храме, я – в моей квартире, и будем молить о вашем прощении, чтобы и вам, быть может, спастись вместе с нами, ибо не ведаете, что творите.

Леван Васаdзе.

27.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васаdзе – “Дневник Немощного”. XII Глава. Неавторский перевод

Да пребудет с вами благодать этого воскресного дня!

Известно, что красные, воюя против Бога, воздвигли на Соловецких островах памятник Непоминаемому и, по приказу Троцкого, вместо семидневной недели ввели «пятидневки».

В принципе, Красный Террор до такой степени подавил и запугал человеческую волю, что противиться этому она уже не могла. Это был апофеоз богоборчества во всей истории человечества, сильнейший по своему значению удар с самого Берешита, т. е. сотворения мира, превосходящий по дерзости человеческой даже Вавилонскую башню.

Подобно пентаграмме – антропоцентристскому символу, в центре которого подразумевается наглец с раскинутыми по сторонам руками и ногами, – неделю так же надлежало заменить пятидневным циклом. «Всё для человека!».

Несмотря на полную покорность терроризированного населения и железную дисциплину исполнения директив, большевикам всё же вскоре пришлось отменить это новшество и вернуть семидневную неделю.

Антропоцентристская пентаграмма оказалась недействительна ни в земледелье, ни в садоводстве или животноводстве, ни просто в организации общественных мероприятий.

Всё перемешалось: планы, дисциплина, природные циклы, методики кормления животных и поливки растений, одна шестая земного шара склонилась в сторону хаоса.

В точности неизвестно, что послужило поводом отмены этого безбожного решения: большевики не любили подчинять свою волю чему бы то ни было. Если не ошибаюсь, оправдано это было экспортом всемирной революции, т. е. тем соображением, что распространение марксизма в мире будет проще осуществить в русле общепринятых стандартов, привычных для остального мира.

Так или иначе, безбожникам пришлось отступить.

То же самое происходит на земле и спустя сто лет. Прямая преемница и «симпатизатор» культурного марксизма и троцкизма – либерально-глобалистская идеология, в своем намерении переделать на этот раз уже всё человечество под некие «демократические ценности», на наших глазах рушится, превращается в прах, скатывается в хаос. Попытка смешать даже самые понятия мужского и женского и навязать это безумие детям, оканчивается именно тем, чем и следовало ожидать.

В центре своей метрополии западная империя от замешательства корчится в конвульсиях, лижет стопы людям с цветной кожей и лишним весом, равняет с землей памятники собственных основателей и считает последние месяцы или недели своей потребительской кредитной пирамиды. В ожидании очередной кислородной подушки, очередной «коррекции», она фактически лежит в реанимации с 2008 года – после кризисов «Fannie Mae» и «Freddie Mac» и последующего за ними «бэйл-аута» в триллион долларов.

Что касается внешней политики, ее слишком поспешное бегство из Афганистана – только начало процесса.

Афганистан – это название означает «Страна (вечного) безмолвия». Эту страну называют кладбищем империй. Здесь оступились и Дарий, и Рим, и Парфия, и Иран, и Османская империя, и британцы, и Советский Союз, и американцы.

Сами афганцы считают, что лишь три завоевателя сумели поработить их: в их честь в Афганистане воздвигнута огромная каменная стела, и рядом – три символические могилы этих завоевателей.

Их имена: Александр Македонский, Чингисхан и царь Грузии Георгий XI. Тем, кто не читал воспоминаний советского генерала Тенгиза Эпиташили о том, как он поклонился могиле нашего великого царя во время советского вторжения в Афганистан, очень советую, не пожалее. Воспоминания эти выложены на нашей странице Всемирного Семейного Конгресса, пока еще не заблокированной либерал-троцкистами, поборниками «свободы слова».

Очередная деокупация Афганистана означает еще одно поражение всей англосаксонской геополитической школы, начиная с Хэлфорда Маккиндера и кончая Збигневом Бжезинским; это прорыв в «Огненном кольце анаконды», обвивающем Евразию, и это только начало, а вернее – продолжение после их поражения в Сирии.

Это объективная данность, последствия которой могут иметь для нас даже большее значение, чем коронавирус.

На поверхностном уровне это означает уже необратимое ослабление нажима доминантной идеологии на основные мишени афганской оккупации – Иран и Пакистан. Это так же означает колоссальный передел нарко-потоков, так как в период американской оккупации в Афганистане почти в 200 раз выросла площадь плантаций коки для опиума, а Талибан собирается их уничтожить.

Вследствие этого так же возрастет влияние Ирана, России, Турции и Пакистана на этот регион, а это – прямой симптом того, что многополярный мир окончательно воцарится здесь.

Основной нажим при этом приходится на Среднюю Азию – пять бывших советских республик – «станов», и на гнездо транзита каспийских энергоресурсов, и здесь Грузия играет одну из центральных ролей.

В этих условиях стране необходим лидер патриотического, сплоченного, мужественного духа, при этом, обладающий дипломатической гибкостью, с такой же сплоченной командой, а не то недоразумение, которое мы имеем сейчас.

На более глубоком идеологическом уровне происходят еще более опасные процессы. Эпоха лопочущего на «птичьем языке», кормящегося зарплатами неправительственных организаций «гендерного» и феминистского кривляния, уходит в прошлое, вся эта одуроченная молодежь останется без работы и еще на нашем веку превратится в консерваторов и патриотов, так же, как мы еще недавно стали свидетелями либерализации их родителей-коммунистов.

В данных условиях всем нам, и мне – не в последнюю очередь, надо быть предельно осторожными, чтобы не получить смертельную рану от ядовитого хвоста этого очередного издыхающего чудовища и, кроме этого, суметь приручить новых народившихся и врывающихся к нам чудовищ.

Раненное и умирающее чудовище, как всегда, опаснее всего, так как ему кажется, что оно умирает впервые. Оно смотрит на всех и вся с параноидальной подозрительностью, источая во все стороны свой яд.

На днях на нашей странице будет опубликована статья одной из главных «мамаш» неправительственного бесовского сектора Центральной и Восточной Европы Кристины Пушоу (Christina Pushaw) обо мне, написанная после событий в Верийском саду.

Помимо уже традиционных обвинений в прорусскости и дугинизме, которые наши несчастные местные попугаи повторяют именно с ее голоса, госпожа Пушоу в конце статьи пишет одну весьма интересную вещь, характерную для представителя умирающего гегемона, потерявшего связь с реальностью.

Кристина Пушоу пишет обо мне следующее: «...Он [Васадзе] представляет собой зарождающуюся угрозу стабильности и суверенитету Грузии. И эту угрозу необходимо устранить, пока не стало слишком поздно» и «если мы хотим остановить Васадзе, мы не должны недооценивать его».

Мы просто выложим точный перевод ее статьи, но, я уверен, что и это заблокируют. Однако прежде, чем это случится, я хочу спросить госпожу Пушоу:

Так что же вы предприняли, госпожа Пушоу? Это вы и ваши «националы» и «мечтатели» «пока не поздно» приняли меры по отношению ко мне? Когда у нас будет настоящее государство, мы обязательно зададим этот вопрос вам и вашим здешним подельникам, только при нескольких других обстоятельствах. Кто из нас двоих будет к тому времени в живых, не имеет значения, только ответьте нам сейчас на этот вопрос!

А если вы и ваша банда ни при чем, почему же вы распорядились стереть с нашей страницы мою статью «Странные обстоятельства моей болезни» с обвинением в «языке ненависти»? Мы ведь всего лишь задаем вопросы. Почему перекрыли возможность делиться с читателями этим безобидным «Дневником Немощного», чем снизили читаемость его глав с 130 тысяч до нескольких сотен?

Что происходит, дорогие демократы и цивилизаторы, что вас так напугало? Неужели в той стертой статье мы затронули нечто такое, что привело вас в трепет? К примеру, почему телевидения либерастов устроили скандал о том, что Васадзе, якобы, отравили, еще тогда, когда я тайно летел в Стамбул и мне самому это не приходило в голову? И почему с тех пор телевидения «националов» и «либералов» дружно замолчали, словно я вовсе не существую? Кто же их так припугнул?

Возвращаясь к фиаско троцкизма, необходимо добавить – хоть, знаю, меня, интеллигента, чьих дедов расстреляли, эти либералы с коммунистическим прошлым на этот раз обвинят в сталинизме: если бы не сталинская контр-реформа, беспрецедентная индустриализация, а в последствии – полная патриотическая мобилизация страны в Великую Отечественную Войну, карточный домик, возведенный большевиками, конечно же, разрушился бы намного раньше.

По логике исторических циклов, не исключено, что мы стоим на пороге новой большой войны. Но намного более опасной.

В этих условиях я остаюсь неустанным апологетом развития нашей суверенной государственности. Ее страшнейшим врагом считаю модель либеральной республики, внутри которой мы находимся. Ее противоядием и спасением от нее – модель патриотической страны, основанную на истинно народном правлении, почти на все 180 градусов отличающаяся от того, что мы имеем сейчас – и в идеологическом, и в политическом, и в геополитическом смысле.

О том, что для этого требуется сделать, я дважды в неделю беседую с моими единомышленниками в Zoom-е. Вы тоже можете присоединиться к этим беседам, для этого нужно зарегистрироваться на eri.ge.

Не исключено, что вскоре мы опубликуем видеозапись одной из этих бесед, так как нам известно, что их всё равно записывают и пытаются использовать против нас вырванные из контекста высказывания.

Чего Убоимся?

Леван Васадзе.

29.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XIII Глава. Неавторский перевод

Одним из самых отрицательных сторон нашего падшего состояния является наша склонность покрывать вину.

Я уже не раз говорил, что рассуждать об отрицательных качествах своего общества и народа вправе лишь тот, кто безмерно любит это общество и народ, а не тот кто является предателем, полным желчи и злорадства.

Эпоха, в которой мы живем, способствует выдвиганию именно таких людей, именно их голос слышен громче всех, но они ненавидят всё патриотическое, поэтому не хочется слышать от них ничего о нашем народе, даже если их суждение иногда и смешано с правдой. Нам ясно, что эти люди до такой степени ненавидят свою страну и народ, так жаждут их наказать и переделать, что даже справедливое осуждение отрицательных черт народа, которые есть у любой нации, в их устах неизбежно перемешано с их же злобой и желчной ненавистью к нашему народу и к его благороднейшим качествам.

В то же время, в наш несправедливый век всякий бескорыстный и истинный патриот, живущий честно и прилагающий все усилия, чтобы хоть чем-то помочь не только семье и близким, но и стране, полностью игнорирован, притеснен, осмеян и оклеветан иностранной силой, управляющей нашей страной и ее наместниками здесь.

Поэтому, когда, в виде редчайшего исключения, патриоту предоставляется трибуна, он чаще решает потратить это ограниченное время на разговор о хорошем, чем на столь необходимую критику.

Взгляните на лучших представителей старшего поколения, на наших жемчужин, которых у нас, увы, остается всё меньше, и которые лучше нас всех осведомлены о наших недостатках – где бы им ни предоставлялась возможность выступить на медиа-платформе, они всегда с доброй улыбкой говорят о грузинской культуре и благородных качествах нашего общества.

Это наивысшая форма благоразумия, они так поступают не потому, что не знают, что за беда с нами происходит, а потому, что лучше нас понимают, как быстротечна жизнь, какой малый срок им остался, и, хотя бы ценой сидения рядом с совершенно бестолковым, необразованным журналистом, вновь и вновь пытаются внести хоть лучинку света в эту тьму, называемую грузинскими медиа.

Однако, вследствие этого получается, что самокритика, совершенно необходимая для здоровой нации, остается вне общественного дискурса. Ее место занимает злобное шипение бесов, направленное против нашего народа.

С другой стороны, лицемеры, выдающие себя за патриотов, заняты, главным образом провозглашением фашистских лозунгов – о них я подробно писал в одной из предыдущих глав.

И это недопустимо. Именно поэтому я время от времени позволяю себе коснуться неприглядных, болезненных сторон нашего падшего положения.

Итак, покрывание вины.

Для малых народов, веками находившихся под властью завоевателей, это очень распространенное свойство, какой бы великой историей и культурой не обладали эти народы.

Государство, в истории таких народов часто чужое, то – парфян, то – греков, то – римлян, то – арабов, то – монголов, то – персов, то – сельджуков, то – русских, то – американцев, ты – всего лишь вассал.

У больших империй свои горизонты, свои правила. Для народа, создавшего империю, она – нечто большее, чем просто государство, понятие империи для него близко к религии. Часто он перестает отличать одно от другого. Именно поэтому рушатся империи.

У таких, как мы, – хотя точно таких как мы нет, – совершенно другая миссия: сохранить себя, находясь внутри империи.

Поэтому скрыть вину для нас на психологическом уровне часто приравнивается к утаиванию чего-то своего, сокровенного, от завоевателя. Мы даже не осознаем, насколько сильно это влияет на наше национальное сознание.

Наши глаголы, термины и идиомы, используемые для описания этого явления, часто восходят к незапамятной древности, и сохранились в нашей глубинной культуре вследствие необъяснимых метаморфоз.

К примеру, «сикофантами» звались афиняне, которые во времена Платона, т. е. в четвертом веке до нашей эры, были приставлены охранять фиговые рощи в малоурожайные годы, чтобы не допустить столь выгодного для торговцев экспорта фиг из Афин. Они с баснословной ловкостью прятались в густой листве фиговых деревьев, мастерски выслеживали нарушителей закона и доносили на несчастных, которых ожидала жестокая казнь на Пникской скале.

Неизвестно, кто из колхов, или иберов участвовал в этой борьбе и на чьей стороне он был, но вполне возможно, что эвфемизм «სიკოფანტი» («сиаф(п)анди» – т.е. двуликий, аферист) именно с тех пор и остался в нашей культуре в негативном контексте, поскольку в сознании грузинских племен доносительство – это всегда плохо.

Или чего стоит наш непереводаемый глагол „საშვებდა“ («спускать» – т.е. выдавать)?

Живя в Англии, нам постоянно приходилось сталкиваться с тем, что учителя призывали наших детей доносить на своих товарищей. Любые наши попытки, что-либо объяснить им о разности наших культур, встречались с полным непониманием. Это стало регулярным явлением. Более того, нашим детям часто приходилось терпеть несправедливые доносы по отношению к себе, но они, тем не менее, не изменяли своим правилам, по которым мы их воспитывали.

И, хотя, безусловно есть огромная моральная разница в вероисповедальческом смысле, но на государственном уровне, то же самое происходит и в России, как в любой имперской стране.

Это не означает, что мы и ирландцы правы (хотя мы так считаем), или что правы англичане и русские (хотя они тоже так считают).

На этом культурном различии и выросло то огромное древо, которое принято называть институтом воров в законе. Случилось это в 30-ые годы прошлого века. Правда, там присутствовал еще и другой фактор, который я бы назвал диссидентским патриархатом по отношению к воцарению красного матриархата, но это очень глубокая тема, которой в этих рамках не уместить.

Так или иначе, мы живем в том обществе, где «мы» быстро вступает в сговор против общественности и скрывает от него буквально всё. Этим «мы» может стать и группа полицейских – попробуй-ка проникнуть в Грузию в их круг и дознаться до правды! – и школьных товарищей, и спортсменов, и родственников – кого угодно. Это «мы» очень быстро группируется, но так же быстро распадается и предает друг друга.

Основной принцип его действий таков: «мы» выше справедливости, сперва отделаемся от вас с вашей справедливостью, а потом уж разберемся между собой по-мужски. Наша первейшая задача – сохранить тайну, утаить вину от суда и закона этого общества и уйти от наказания. А там уж сами разберемся.

Имперские народы этого почти начисто лишены. Именно поэтому они менее склонны к нашему пониманию братской дружбы и не выдавания друг-друга государству, но зато у них более сильные государства.

В процессе устройства государства глубина этой проблемы требует филигранного осмысления и осторожных действий. Ни террором, ни пропагандой ее не разрешить, этому свидетели и красные, во главе с русскими, и голубые, во главе с американцами и Саакашвили.

Как нам выйти из тупикового синдрома покровительства преступления так, чтобы возродить страну и, в то же время, сохранить то, что мы зовем нашим моральным кодексом, как в узко-краевом, так и в общенациональном смысле? – вот вопрос, о котором стоит задуматься.

Один из самых известных преступников мира – Раскольников, в гениальном романе Федора Михайловича Достоевского, в конце своего адского пути раскрывает Евангелие и принимается читать его, – в тот момент читатель преисполняется чувства, что эта страдающая душа, наконец, упокоится.

Не попытаться ли и нам сделать то же?

Леван Васадзе.

30.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XIV Глава. Неавторский перевод

Что труднее для человека и народа – сохранить человечность в радости или не потерять ее в горе?

Зависит от того, что это за радость, что за горе, каков человек, и каков народ, – ответим мы на это.

Но мне всё же думается, что в радости это сделать труднее.

Я часто думал о том, почему в эту эпоху всеобщего потребительства нам, картвелам, живется чуть ли не хуже всех. Мы, что есть силы, рвемся к этому центру потребительства, но, чем сильнее мы стремимся к нему, тем больше нищаем, тем чаще гибнем, задыхаемся в долгах и отдаляемся друг от друга.

У передовых поборников этого нашего стремления от напряжения изо рта идет пена, заветная цель вроде бы близка, и только «попы» и мы отделяем их от нее.

Еще чуть-чуть, всего-то парочка парадов, подтверждающих наш выбор, нарко-дискотека и закон, ее оправдывающий, – и нас, наконец-то примут в центр.

Каждая блудница получит право открыто блудить, потому что рядом с мужеложцами она будет выглядеть святой (именно поэтому все старые шлюхи выступают в поддержку мужеложцев),

отныне все они будут считаться просто видными, интересными женщинами, каждый мужеложец получит право беспрепятственно общаться с мальчиками, каждый наркоман – открыто кайфовать.

И всё это они получают, присосавшись к груди всевмещающей Европы.

Если ты противостоишь этой утопии, ты – российский агент, изменник родины, сторонник империализма.

Но вот что никак не сходится с этой логикой: ни «попы», ни «такие, как я» не в состоянии каким-либо образом влиять на политику, она полностью во власти бесов. Если хочешь участвовать в ней – в качестве партии или на уровне средств массовой информации – ты обязан подписать их манифесты, поддерживающие ЛГБТ, с самого порога став соучастником разврата.

Иначе, сколько бы сторонников тебя не поддерживало, ты ничего не добьешься и, по необъяснимым причинам, можешь даже поплатиться жизнью за то, что вздумал зайти в этот порно-театр без их билета и прекратить сеанс. Да что там порно, в этом театре идут спектакли и похуже, начиная с грабежа всего населения и промывания его мозгов, и кончая онаркоманиванием и уничтожением его детей.

Это наша действительность.

Так, что же вы не пускаете жаждущих утопии на свой «Остров Счастья»? Ведь оттуда постоянно слышны заверения, что их двери открыты и, рано или поздно, нас туда обязательно примут, что ни Абхазия, ни Цхинвали этому не помеха, что это непременно случится и что ради нас они готовы в виде исключения заморозить соответствующие пункты своего устава; однако, вот уже треть века прошла, и, не смотря кровь наших парней, пролитую в Ираке и Афганистане, на наши же бюджетные миллионы, потраченные на их войны, не смотря на все позы, в которые мы становились, вплоть до скидывания штанов перед колючим забором (или я что-то преувеличиваю?), мы так и не получили того, что, с намного меньшей возней, чуть ли не тогда же, тридцать лет назад было подарено тем же постсоветским прибалтам?

Да, конечно, ответ на этот вопрос слышен из всех телеканалов – но ведь это ответ для идиотов, верящих в утопию и слушающих лекции в «свободном университете», который прибрал к рукам «прихватизатор» Бендукидзе, и где этого знакомого мне дельца – ничего больше не стану говорить о покойном – провозгласили невинным просветителем и последователем Айн Рэнд, и где какой-нибудь мужеложец преподает таким вот юным утопистам «гендерную теорию».

Итак, либералы полностью монополизировали страну, а Абатураи мира сего [примечание переводчика – игра слов: Аппатурай, Специальный представитель НАТО и главный глашатай в т.ч. в Грузии, здесь автор изобретает шарж на его фамилию соединяя три слова со старогрузинским проносом: аба_ту_рай, (с мягким т) т.е «ну ка что ты мне говоришь», одно временно созвучное с другим грузинским глаголом აბათურებ – (абитуре), т.е. одурачивай] выражают полную готовность принять нас в свой «рай», но почему же этого до сих пор так и не случилось? В чем настоящая причина?

Здесь, в нашем трехмерном мире, этому можно найти лишь одно объяснение.

Все эти годы Абатураи обманывают нас и никуда не собираются нас принимать.

Если дело обстоит именно так, то это шок для всего поколения, и вполне ясно, что часть этого поколения скорее согласится упасть с шасси их самолета и разбиться, как это случилось в Кабуле, чем поверить в правду.

Однако, при переходе из трехмерного мира в четырехмерный, в пределах райского мышления существует и иное объяснение, странным образом оправдывающее действия потребительского центра в глазах идиотов.

Они искренне этого жаждут, однако существует нездешняя, неземная сила, с которой они ничего не могут поделать, направляющая события таким образом, что их цель остается недостижимой.

Апеллируя к близким нам понятиям, можно сказать – хоть это их и насмешит – что Господь нас туда не пускает.

Вернемся к началу главы и спросим: почему?

В неподражаемой, к сожалению непере译имой и совершенно недостижимой по уровню гениальности книге Григола Робакидзе «Змеиная рубашка» (или «Змеиная кожа») британец Арчибалд Мекэш, еще не зная, что на самом деле он – Арчил Макашвили, впервые видит грузин во время военной кампании в Иране. Часть военной дивизии, образовавшая отдельную группу, ведет себя за столом как-то по-особенному торжественно и поет странные песни. Завороженный их поведением Мекэш обращается к своему другу и провидцу, персу Таба Табаю, с просьбой пояснить, кто это такие.

Таба Табаи отвечает: это грузины. За этим следует вопрос Мекэша: кто же такие грузины, и тут гениальное перо Григола Робакидзе, в ответе не менее гениального Таба Табая дает нам ключ к пониманию всей нашей сущности: грузины это те, кто в веселии не ведает времени.

На первый взгляд это точное определение можно ошибочно принять за похвалу. Тем более, в эпоху «сэлфи», когда строго охраняемый бесами Фейсбук, где постоянно блокируют «Дневник Немощного», полон фотографиями наших пирующих друзей, дай Бог каждому вдоволь веселиться.

Трудно представить себе большего патриота, чем Робакидзе. В моём стихотворении «К Иррубакидзе» я описал случай, происшедший во время гастролей ансамбля «Сухишвили» в Женеве и рассказанный мне очевидцем, великим маэстро Фридоном Сулаберидзе. Робакидзе здесь не хвалит себя и нас, а одним единственным мазком гениального художника, мастерски рисует портрет, вмещающий весь наш космос.

Может ли от Бога к человеку и народу идти что-либо плохое? Нет. Это сказал мне сам Святейший в личной беседе. Господь может лишь попустить испытание, посланное нам для нашего же блага – так учит нас Церковь.

«Просите и дано будет вам». Возможно ли, что бы то, о чем мы просим (а мы действительно просим об этом?) не было нам дано? Нет, если двое или трое соберутся во имя Его, но если не во имя Его...

Многим из нас, в том числе и мне, выпало счастье сидеть за супрой вместе со Святейшим, и очень часто, не смотря на наше искреннее желание «сделать здесь три кущи», он быстро вставал, возглашал молитву Пресвятой Богородице и покидал застолье.

А у кого из нас среди знакомых нет такого человека, которому, чтобы погубить его, надо лишь дать чуть побольше денег и возможности повеселиться?

Мне довелось испытать и то и другое: и нужду, и достаток, заслуженный упорным трудом за границей, после чего всё заработанное я привез на родину и большую часть потратил на благотворительность, потом снова нужду, клевету, оскорбления и неблагодарность. И скажу вам, что никакой связи между счастьем и материальными сбережениями нет, во всяком случае, мне не удалось ее обнаружить.

И сейчас, в крайне тяжелом положении я благодарен Богу за эту беду, откуда бы она ни шла. Быть может, мудрость грузинского языка заключается и в том, что слово «საჭირო» («сачиро» [с твердым «ч»] – «нужный, необходимый») в своём корне содержит слово «ჭირო» («чири» – здесь: «беда, напасть»).

И, быть может, порой то, чего мы хотим, и что считаем наилучшим для себя, на самом деле – совсем не то, чем нам кажется. К примеру, если вы спросите меня об истинных замыслах и планах всё того же потребительского центра, я расскажу вам о них, как делал уже не раз.

Если мы не хотим быть его рабами, означает ли это, что мы хотим быть рабами России? Нет и еще раз нет, но, сколько бы я это ни твердил, идиоты этого не понимают и не поймут до тех пор, пока им, не приведет Господь, не придется падать с шасси самолета. И, даже если это случится, они могут всё равно не понять.

Значит ли это, что на основании вышесказанного мы должны стать врагами потребительского центра и, на этот раз, подставить голову под его удары, как мы в 90-ые уже сделали по отношению к России? Нет и еще раз нет. Но утопистам и этого не понять.

Наша цель – Грузия. Ее обильное заселение крепкими и здоровыми семьями любой национальности и веры кто любит Грузию и грузин, достойный труд и преумножение нашего ЭРИ в ее пределах, чтоб, в полной близости с грузинской сказкой, каждый из нас получил возможность содержать семью, отдав себя своей стране без остатка и достойно готовясь перейти в вечность. Всё остальное, в том числе и иностранные империи, должно служить лишь возможным средством для достижения этой цели. Но, как средство никогда не может стать целью, так же не должно превращать цель в средство. Если мы этого достигнем, всё исправится.

Леван Васадзе.

31.08.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XV Глава. Неавторский перевод

«Факт-чекеры» некой госпожи Кинцурашвили и другие изменники Родины, призвавшие Фейсбук стереть со страницы Всемирного Конгресса Семей мою статью «Странные обстоятельства моей болезни», якобы по причине того, что она содержит «язык ненависти», – хоть я там всего лишь задаю вопросы и прошу у Бога прощения для тех, кто, быть может, намеренно устроил то, что со мной происходит – пусть эти поборники «свободы слова», эти «чекеры-штекеры», подключенные к глобализму, укажут хотя бы на один факт ненависти в моей статье! С тех пор они постоянно блокируют даже «Дневник Немощного», не дают делиться публикациями дневника на той же странице и на Фейсбук-странице «Эри», а ведь это всего лишь дневник человека, борющегося со смертельным недугом, где автор пытается общаться с людьми, обнадежить их – что же их так пугает? Я хотел бы, чтобы именно эти люди проверили информацию, распространенную в грузинском интернете со ссылкой на источник US Government Accounting Office (GAO), и, если реальные цифры меньше, чем здесь указано, пусть их обнаружат.

Итак, если верить этому источнику, США оставили Талибам военную технику стоимостью в \$83 миллиардов американских долларов, в том числе:

Легких бронетранспортеров – 22 174 штуки.

Тяжелых бронетранспортеров – 634 штуки.

Противоснарядный транспорт MxxPro – 155 штук.

Пехотных бронетранспортеров M113 – 169 штук.

Автомобиль Pick-up средних размеров – 42 000 штук.

Пулеметов – 64 363 штуки.

Грузовых машин – 8 000 штук.

Раций – 162 043 штуки.

Приборов ночного видения – 16 035 штук.

Автоматического огнестрельного оружия – 358 530 единиц.

Пистолетов – 126 295 штук.

Артиллерийских устройств – 176 штук.

Армия Грузии – стратегического партнера США – может только мечтать о таком подарке вместо питьевой воды и «памперсов», присланных ей во время августовской войны и вместо тех \$5 миллиардов, данных всей стране за всё про всё в течение тридцати лет, большая часть которых была возвращена Америке в качестве зарплат их же консультантам и кураторам неправительственных организаций, оплаты их полетов бизнес-классом и проживания в «Мариоттах», остальная же часть числится долгом за нашей страной.

Добавим к этому и то, что наши парни проливали кровь в Ираке и Афганистане за счет грузинского бюджета. Один наш эксперт посчитал грузинских офицеров и солдат, участвовавших в обеих кампаниях, и перевел их зарплаты, стоимость страховки, медицинского обслуживания, обмундирования и вооружения – не считая их пенсий! – на американские тарифы. Получилось, что это же число военнослужащих американской армии обошлось бы примерно в \$10 миллиардов. И кто может сказать, что наши парни в Ираке или Афганистане воевали менее мужественно и успешно, чем кто-либо другой?

Так что, кто кому должен – это еще вопрос. Пусть это вас не удивляет. Между завоевателем и завоеванным не может быть взаимопомощи. Есть эпизодические и редкие исключения, но завоеванная страна этого не замечает и неблагодарно отмахивается от завоевателя, помня лишь зло, бесспорно, причиненное ей, и, одержимая рабским синдромом, ищет другого хозяина. Всё это мы проходили. Поэтому я, в отличие от этих разношерстных рабов, ни в каком виде не желаю Грузии рабства.

Но вернемся к «талибам». Зачем глобалистам понадобилось их до зубов вооружать? Затем, что они уже во второй раз воссоздали уничтоженное исламское государство; первое – путем иракской оккупации, захватившей всю Аравию шквалом «арабской весны».

После этого русская авиация подсекла этот «управляемый ураган» своей косой, а глобалисты присоединились к его ликвидации уже после переломного момента, как это было и в Великую Отечественную Войну.

Однако, это не входит в их теперешние планы. Поэтому, помимо двухсоткратно расширенных плантаций кокаина и опиума, оставленных «талибам», они еще и сказочно их вооружили. И, хотя «талибы» обещают уничтожить эти плантации, боюсь, они могут не устоять перед искушением и, как это ни прискорбно, часть их оставить для употребления в интересах «джихада».

Чем это грозит данному региону? Примерно через год они наведут порядок в стране по законам «шариата», после чего примутся наводить порядок в соседних «неправильных» исламских странах. Маловероятно, что они осмелятся открыто напасть на шиитский Иран: скорей всего будут наносить удары суннитско-салафитским частям Аравии в качестве диверсий и создания групп своих последователей. Поддержат ли они курдов против секулярного Асада или Эрдогана, там видно будет. В любом случае, очень скоро, еще до истечения легитимного срока Байдена, мы станем свидетелями мощного взрыва на Ближнем Востоке, предположительно, намного более кровавого, чем последствия 11 сентября, и, разумеется, мы увидим демократизаторов и цивилизаторов, спешащих затушить этот взрыв.

Что означает это для Грузии?

Об этом я писал в предыдущих главах.

Вы спросите: какой смысл в этом броуновском движении и что дали глобалистам истекшие двадцать лет в Афганистане? Ответ прост. Активизация военно-промышленного комплекса была необходима издыхающей потребительской системе в качестве частичной, хотя бы временной реанимации, что в итоге и произошло. Чудовище никуда не делось, пасть его по-прежнему разинута и требует всё больше и больше крови. Пусть это примут во внимание те, кто на правом побережье Куры ограничен лишь заботой о том, что у них ниже пояса и клеймит «насилье», потому что им в мозг не поступает достаточно крови, чтобы мыслить здраво.

Что касается броуновского движения и вечного хаоса, Гог и Магог неизбежны.

Всем советую, чаще читать заключительную часть Евангелия – Откровение Иоанна Богослова, называемое так же Апокалипсисом. Там всё написано. Но пугаться не надо. Господь с нами до тех пор, пока мы хотим быть с Ним.

Леван Васадзе.

02.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XVI Глава. Неавторский перевод

Поговорим о единстве и первенстве.

Об этих двух понятиях – вместе, так как первое нам всем трудно дается, ко второму же мы все стремимся.

Причина этому – уничтожение традиционного, иерархического общества.

Само слово «иерархия», то есть старшинство и меньшинство, мы, загнипнотизированные Модерном, отторгаем с чуть ли не аллергической реакцией, наши надменные сердца воспринимают иерархию, как некое неравенство, угнетение какой-то части общества, искусственное пресечение их возможности к продвижению, и Бог знает, что еще.

В наших кавказских ушах всё еще гремит не смолкающее с конца 18-го века эхо лозунгов французских революционеров, этих убийц, а последовавшие за этим либеральным переворотом два бунта против его индивидуализма – марксистский и фашистский – окончательно сводят нас с ума. И разве только нас? Именно в этих трех прогнивших соснах заблудилась та часть человечества, примкнуть к которой мы так неустанно и ошибочно стремимся.

Из этих трех всё еще стоит лишь одна – либерализм, от двух других остались пни, всё еще пытающиеся обрасти новыми ветвями в нашем сознании, словно в этом мире ничего больше не осталось кроме этой мрачной картины, называемой Модерном.

Попытка оживить эту картину, вдохнуть в нее дух религиозной веры и возвести на уровень объекта поклонения – это уже постмодерн. Время его зарождения спорно: одни указывают Париж 1968 года, другие – «фултонскую речь» Черчилля, третьи вовсе – вояж Фрейда в Америку, финансируемый Троцким и Рокфеллеровским фондом. Но я считаю, что это произошло на той закрытой конференции биологов, где окончательно стала ясна недоказуемость теории Дарвина, но выводы эти было решено скрыть, умолчать, а теорию возвести в ранг религии.

Так или иначе, если ты не устроился под деревом либерализма – последним из оставшимся из трех, и не питаешься его ядовитыми плодами, тебя моментально заклеят, как поклонника одного из двух пней, а это – смертельный приговор.

И вот человеку, замкнутому в этом голом пейзаже, вынужденному присоединиться к всеобщему гвалту, ничего другого не остается, как объявить своим свободным выбором бредовые и пустые понятия: «права человека», «равенство», «демократию», «гендер», и др. Взамен он получает свою баланду, место в стойле, порцию опьянения, и записывается в ряды потребителей, которых кормят на убой на «скотном дворе».

На этом «скотном дворе» у него единственная функция: как можно больше потреблять и как можно больше лечиться, чтобы дольше исполнять роль звена в рядах бездумных потребителей.

Понятие единства, как и первенства, на этом «скотном дворе» искажены.

Единство далеко отстает от схемы аввы Дорофея, согласно которой в центре мира для каждого человека находится Создатель, каждый из нас изначально, в силу первородного греха в равной степени отдален от Него. Иными словами, согласно схеме, все мы стоим на одной окружности лицом к ее центру. Как только человек делает шаг в сторону обожения, – выбрав вместо потребления самопожертвование, терпение, помощь другим, любовь – он тем самым перемещается из общего круга по направлению к центру, то есть, к Творцу. Если второй человек делает тот же выбор, его движение так же становится центробежным. Таким образом, они автоматически попадают на окружность меньшего радиуса: приближаясь к Богу, они приближаются и друг к другу. Единство становится реальностью.

В данном контексте великую тайну содержит само по себе грузинское слово «Бог» – «ღმერთი» («гмерти»). Его первая часть „ღმ“, или „ოუმ“ («гм» или «оум») совпадает с сакральным звуко сочетанием, издаваемым представителями многих яфетических культур при созерцании Бога; вторая часть „ერთი“ («эрти» – «один», «единный») указывает на единство, подразумеваемое в схеме аввы Дорофея.

Мы живем на потребительском «скотном дворе», где единство почти недостижимо. Его бытоустройство, среда, самый воздух его таковы, что единство означает не более, чем

единомыслие убойного скота в подчинении убойщику и, иногда, редкого ренегата порой берущего на себя смелость не выполнять всех его предписаний.

Именно поэтому в пределах модерна и постмодерна подобное «единство» бесам дается легче, чем нам – оставшимся ренегатам и диссидентам «скотного двора».

Теперь о первенстве. Тут, в сущности, то же самое.

Апостолы, еще не просветленные Святым Духом, в споре о том, кто из них будет первым с Господом, не замечают, что теряют саму суть первенства, которую им преподает Спаситель, когда, уже готовясь принять крестную муку, омывает им ноги перед Тайной Вечерей.

Для нас же первенство, это неодолимый зов нашего «я», и даже признав кого-то вожаком, мы лишь обманываем себя, поскольку не способны повиноваться его правилам и не потерпим, чтобы кто-то другой кроме нас находился с ним рядом. Он должен принадлежать лишь нам. Но если дело дойдет до того, что нам придется терпеть настоящие лишения и тяжкую борьбу, мы не окажемся способны на верность даже признанному нами вожаку, потому что наше «я» не терпит покорности в беде и тяготах, обижается и убегает прочь, как заяц.

По этим двум причинам – неспособности к единству и искаженного понятия первенства – мы и находимся в нынешнем плачевном состоянии. И не только не жалеем об этом, но гордимся, зовем это «свободолюбием». Вот почему у нас нет никакого иммунитета от внешних врагов, и каждый может управлять нами извне, как ему заблагорассудится.

Многие наши гении и учителя ищут истоки нашего падения, каждый находит своё объяснение и мы вправе выбирать, какое из них нам ближе и дороже. У меня свой выбор.

Для меня самое драгоценное произведение нашей культуры, объясняющее эту тяжелейшую тему и на космическом уровне слагающую ее в неподражаемый реквием, это роман величайшего, на мой взгляд, писателя Отара Чиладзе «Шёл по дороге человек».

Этот реквием не безысходен. Великий гений поет его с надеждой и верой в то, что даже веревка Бедии может вновь укоротиться, если только мы научимся воспринимать наше падение по-чиладзевски – с глубочайшим чувством, с леденящей болью в сердце осознаем наши ошибки и, что бы ни случилось, не опустим руки – не для того, чтобы хорохориться и геройствовать, а, в первую очередь, чтобы воздеть их к Небу и, прежде чем начать неустанно трудиться, попросить Создателя, чтобы он даровал нам силу к единству и истинное понимание первенства.

Леван Васадзе.

04.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XVII Глава. Неавторский перевод

Как я уже писал в первой главе, главная цель моего дневника – быть в чем-то полезным людям. Хочется сказать: в первую очередь, больным – однако мне кажется, что в той или иной форме, каждый из нас всегда болен.

Этот недуг излечивается смиренным причастием, но человек, брошенный в падший, несправедный мир, не в состоянии долго выдержать, вновь заболевает.

Вероятно, Создатель именно поэтому, жалея нас, прощает нам бесчисленные непростительные грехи.

Однако, моя болезнь в данном случае вполне конкретна и ее течение и то, как мой дух и моя плоть борются с ней, в полной мере, подобно огромному эпическому полотну разворачивается лишь перед моим внутренним взором.

Я несколько раз описал части этого полотна, но так и не решился их опубликовать, хотя мне кажется, что это многим принесло бы пользу.

Несмотря на это, хочу подчеркнуть два коренным образом различных взгляда на болезнь вообще: болезнь, приводящая к концу человека и болезнь, приводящая к началу истинной жизни.

Я, как и любой другой больной, не хочу ни первого, ни второго, и надеюсь, что Бог этого не допустит. Так или иначе, я не воспринимаю эту болезнь как конец.

В той борьбе, которую мы ведем с атеистами и либералами, они нас ненавидят и не жалеют, мы же ненавидим их грех, а их жалеем и молимся за них.

Мне трудно представить, как человек может вытерпеть то, что приходится терпеть стольким больным в виде страшнейших недугов, не имея при этом веры и упования на божественное начало. Сказать, что мне жаль такого человека – не сказать ничего: сердце обливается кровью при мысли о том, что он должен испытывать.

В чем основная разница этих двух состояний кроме вышесказанного?

Разница в том, что верующий человек имеет возможность замкнуться в сегодняшнем дне и не сильно беспокоиться о результате лечения, а это, с психологической точки зрения, крайне важно для выздоровления.

Совсем не беспокоиться, конечно, невозможно, но разница очевидна: атеист, для которого нет გარდაცვალება – Гардацвалеба (примечание переводчика: глагол в грузинском, применяемый только к кончине земной жизни человека и по-русски означающий «преображение». Для кончины всех других видов жизни, или процессов, в грузинском применяется слово: სიკვდილი – Сиквдили, т.е. смерть), а есть только смерть, с несравнимо большим напряжением

всматривается в будущее и этим вредит своему здоровью, часто не замечает и отрицает дарованную ему милость и, к сожалению, таким образом, сам же отягчает своё положение.

Правда, многие приходят к Господу именно во время тяжелой болезни. Блез Паскаль в своем гениальном трактате «Мысли» вообще с математической точностью обосновывает, что на самом деле атеистов не существует.

И всё же с этим не сравнить готовности человека, который и до болезни искал Бога. Он благодарит Его за болезнь и за то, что она досталась ему, а не его близким, и получает от Господа несказанное утешение, облегчение боли и успокоение разума.

Поэтому, если я имею право давать кому-нибудь совет в теперешнем моём положении, то обращаюсь к тем, кто заболел или, не дай Бог, заболеет: даже если вы не считаете себя верующим, как бы тяжело вам не было, старайтесь перебороть сегодняшний день, не думая о том, что будет завтра, потому что Господь никого не оставляет, и то, что нас ждет завтра, будет попущено Господом для спасения нашей души.

Вершину этой философии представляет собой одно из самых трогательных мест в Псалтыри, которое каждый регулярно причащающийся знает наизусть:

«Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться.

Он покоит меня на злачных пажитях

и водит меня к водам тихим.

Подкрепляет душу мою;

направляет меня на стези правды

ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени,

не убоюсь зла,

потому что Ты со мной...»

Псалом 22.

И я хочу от всей души сказать всем болящим: не убоитесь зла, потому что Он с вами...

Леван Васадзе.

05.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XVIII Глава. Неавторский перевод

Не хочу, чтобы этот дневник стал скучным и пресным, поэтому, порой передо мной встает сложная дилемма: для вдохновения нужен настрой, для ежедневного писания – внутренний порядок – то, что римляне называли дисциплиной.

Поэтому, в те дни, когда моё состояние ухудшается, мне не всегда удастся достичь вдохновения, и тогда меня мучит мысль, что я вновь подвел ваши ожидания.

Поэтому, я заставляю себя писать, но если написанное не удовлетворяет моего внутреннего вкуса, я возвращаюсь в постель или в кресло разбитый и побежденный. Этим, а не моей леностью и пренебрежением к читателю объясняются пропущенные дни, более частые, чем те, когда я прохожу химиотерапию.

Мне скажут: лечись и не тревожься о такой мелочи, – но дело тут несколько сложнее. Это касается наших национальных качеств, работе над которыми и осмыслению которых я посвятил всю свою сознательную жизнь и стараюсь преподать ученикам нашей школы лучшее из достигнутого.

А раз так, давайте поговорим об этом природном чувстве аккуратности и том значении, которое оно для нас имеет.

В империи Чингисхана, гордившегося тем, что дева могла беспрепятственно пройти от одного ее края до другого, этот внутренний порядок назывался «Длинной Волей» воинов Чингисхана.

Это означало безукоризненный порядок, а, в случае его нарушения – жесточайшую кару.

Этнологи и культурологи считают, что становлению такой воли способствовала бескрайность Евразийских степей, на просторах которых человек ничего не мог достичь без величайшего терпения и выносливости. Сама природа производит генетический отбор людей, отвечающих ее требованиям.

В XVIII – XIX веках, еще до основания геополитики, как самостоятельной науки, первые немецкие ученые, заговорившие о влиянии ландшафта на этнопсихику, – такие как Фридрих Ратцель и, как это ни удивительно, Гегель и Шеллинг – изначально поняли, насколько важна связь между этими двумя явлениями и подготовили почву идеям основателя немецкой геополитической школы Карла Хаусхофера, а так же, основателя противоположной, англо-саксонской школы Альфреда Махана и, главное, сэра Хэлфорда Маккиндера. Французская и русская геополитические школы, к сожалению, получили меньшее развитие, а не то история двадцатого века была бы несколько иной.

В этнологии, на мой взгляд, особого внимания заслуживают теории двух любимых мной авторов. Первая из них – теория этногенеза – принадлежит сыну двух великих русских поэтов, Николая Гумилева и Анны Ахматовой, прошедшему муки сибирских лагерей, великому Льву

Николаевичу Гумилеву. Так же совершенно поразительно абсолютное большинство трудов Клода Леви-Стросса. Упомянутые немцы и на него оказали сильное влияние.

Помните известную характеристику нашего народа, данную Дмитрием Узнадзе? Он говорит, что нам свойственно моментально загораться идеей, однако пульс и сердце быстро остывают и мы часто не доводим до конца начатого дела. Это означает, что в нас нет и капли «Длинной Воли» чингисхановских воинов. Мы не в состоянии продолжительно и повторно делать что-либо в трудных условиях.

Наверное, многие из нас согласны с этой характеристикой и, если мы не хотим, чтобы наша страна вконец развалилась, если хотим ее восстановить, мы должны как-то справиться с этим нашим качеством. В пределах либеральной парадигмы существуют лишь механические средства против этой проблемы, и все они относятся к т. н. экономической науке. Либеральное мировоззрение считает фашизмом любые высказывания о том, что нации в чем-либо отличаются друг от друга и что на их быт и развитие способно влиять что-либо кроме этих механических законов.

Однако, мы знаем, что это не так. Вся история человечества и наша новейшая история свидетельствуют о том, что правильное развитие народа зависит от того, насколько правильно он выбирает для себя идеологический и, соответственно, политэкономический строй, согласно со своей историей и этнопсихологическим состоянием.

Когда я спросил одного русского патриота и великого мыслителя, чего хочет русский народ, его ответ меня поразил. Не смотря на то, что трудно найти бóльшего патриота своего народа, чем этот человек, ответ его был крайне самокритичен. Он сказал: русские хотят равенства вне зависимости от справедливости.

Помимо точности и глубины этого ответа, поразивших меня, я задумался над тем, хватит ли и нам искренности при осмыслении нашего этнопсихологического положения – ведь это необходимо для правильного выбора пути, иначе нам не спасти нашей страны.

Надо в первую очередь спросить себя, была ли упомянутая Узнадзе «короткая воля» изначально нашим качеством в силу каких-либо климатических и этногенетических причин, как это указал гениальный Гумилев в своей теории этногенеза.

Как известно, теми же качествами отличаются и народы европейского юга, да и в любой стране юг более созерцателен, небрежен и ленив, чем север. Так, брахманическое темное начало в Гоа коренным образом отличается от легендарного «делания» раджастанских марваров; индустриальная Италия в Милане – это свершено другая планета, чем сицилийский Палермо с его сидящими на корточках парнями, напоминающими наших гопников.

Недавно на телеканале «Культура» передавали интервью с Юрием Ростом, где он рассказал о нашем благотворительном мотопутешествии из Лондона в Тбилиси в пользу больных детей. Фрагмент интервью мы поместили на нашем сайте.

Юрий Михайлович, со свойственной ему любовью к Грузии, рассказывая о трудностях и авариях этого путешествия, говорит, что напряженный гонщик ничего не замечает в пути, кроме дороги, однако я всё же многое приметил во время этого ралли.

Бензобак приходилось пополнять три-четыре раза на дню, поэтому во всех одиннадцати странах, которые мы проехали на большой скорости, и у меня была возможность общаться с людьми и осмотреть природу и инфраструктуру намного подробнее, чем из машины.

И вот, что я заметил: никого не хочу обидеть, но по направлению с Запада на Восток инфраструктура становилась хуже, а люди в общении – лучше. Был месяц сенокоса и огромные золотистые «барабаны» сена на бельгийских лугах вселили бы белую зависть в сердце каждого любителя сельского хозяйства, в лучах заходящего солнца они так и просились на полотно современного Ван Гога; сказочные картины баварских гор оставляли впечатление, будто уборщицы убирают там даже горы; и, конечно же, бургера не в чем было упрекнуть ни за поверхностную улыбку, ни за вежливое обхождение и угощение жареными сосисками и картошкой. Но вот мы вступили в южнославянские земли, и картина постепенно перевернулась с ног на голову. В католической Хорватии мы видели некий синтез: не совсем западная инфраструктура и не вполне равнодушный народ. А вот у сербов и болгар настал черед покосившихся заборов и людей, принимающих тебя с распростертыми объятиями и не берущих платы за обед. Аномалией в этом смысле оказалась Турция, о которой я не буду распространяться, чтобы никого не обижать; нам встречались и душевные люди, однако агрессия водителей по отношению к нам поражала.

Поэтому, к вышеупомянутой дихотомии севера и юга, если угодно, можно добавить и религиозную разницу между преуспевшим в строительстве подвигам земного рая, но растратившим душевное тепло западным христианством и менее заботящемся о земном устройстве, но несравненно более душевным восточным христианством. Несомненно, и там и тут в равной степени существуют зло и коварство, добро и искренность, но картина всё же резко контрастна.

Поэтому, если невежественный молодой человек – жертва насильственной переделки нации – находит себе циничного господина, что и произошло у нас в Грузии в начале нулевых, он с пролетарской безжалостностью сливает и уничтожает общество, так как, воспитанный в вещистской семье, по невежеству считает, что народ действительно можно переделать.

Еще до либералов так считали большевики и фашисты. Но в нашем случае вскоре происходит поразительная метаморфоза. Наш молодой реформатор оказывается заложником своей, пусть даже смешанной крови и, прельщенный властью, превращается в намного более отвратительную волосатую свинью, чем те «пузатые дядьки», против которых он считает, что борется. Входя уже сам в возраст, напрасно он пытается скрыть это какими-то несурзанными «шмотками» и модными очками, превращаясь в клоуна, и, в итоге, приводя в ужас даже собственного хозяина и самолично собирая ему на себя компромат своей развратной, погрязшей в наркотиках, бессовестной жизнью.

Конечно, если бы у его хозяина оставалась хоть капля совести западного морального кодекса, он бы заменил этого клоуна, но этого не происходит потому, что хозяин не менее бессовестен. «Нацистско-мечтательская» взаимная диффузия и кохабитация происходит по циничному принципу „our son of a bitch”, то есть «наш сукин сын».

Если кто-нибудь осмелится, без разрешения, сунуть нос в эту их идиллию, его или подкупают, или шантажируют компроматом, а если не получается ни то, ни другое, он может внезапно тяжело заболеть, вследствие чего или гибнет, или вынужден долгие месяцы лечиться и, если он даже и пишет что-то в постели, его тексты блокируют, чтобы о нем знало как можно меньше людей.

Вернемся к нелестной для нас характеристике Узнадзе. С другой стороны, в нашей стране на каждом шагу встречаешь крепости и храмы – очевидные доказательства, противоположные этой характеристике. Такому народу, как мы с нашей короткой волей никак невозможно было возвести ни величавой крепости Абули, ни монастыря Джвари, имея под рукой лишь арбы, запряженные волами, яичный желток и плетеную веревку. В этом нет сомнения.

Но вот, что интересно: где другие постройки нашей древности, кроме оборонительных и культовых – я имею в виду жилые дома и дворцы?

То, что дошло до нас, принадлежит к до русской или русской эпохе, намного более поздней, чем то, что мы видим в Иерусалиме или Исфахане, не говоря уже о Европе.

Наша историография дает этому однозначное объяснение: завоевательные войны смели всё с лица земли.

Но мне с детства мало верилось в подобное объяснение: почему же, думал я, те же завоеватели не уничтожили то, что осталось? Ведь, надо думать, прежние строения были построены с тем же мастерством, что и дошедшие до нас крепости и храмы?

Мне кажется, ответ надо искать в несколько ином измерении.

Наша удивительная культура, для определения жизни придумавшая слово «წუთისოფელი» (прим. переводчика: «цутисопели» в переводе: «сиюминутная, брэнная жизнь», от слов «цути» – «минута» и «сопели» – «деревня», здесь: «мир»), никогда не выстраивалась вокруг каменных домов – вечной причины распри между наследниками – какие мы видим в любой точке Европы, на любой «пиацца» или любом «плацу».

Мы переняли это лишь позже, в эпоху модерна. Я сам понял это на примере моего дома, который мне не разделить между 8 детьми. Поэтому половина дома уже отдана в распоряжение наших школьников. Позже, если у моей семьи будет на это возможность, дом полностью будет передан школе или превращен в какой-нибудь другой общественный объект.

Вообще, тот, кто думает о том, как поделить имущество между детьми, не сможет родить больше 1-2 детей, как это и было в советское время.

Дом в грузинской культуре, в силу тех же природных условий, был деревянным. Противостояние человеческого жилья вечности не предполагалось. Дом произрастал вместе с одним-двумя поколениями, а после судьба его зависела от того, посылал ли Бог благословение семейству. Конечно, в Самцхе и Картл-Кахетии существовала богатая культура каменного жилья, но оно носило оборонительный характер, включая башни в горных краях и каменные ограды («корэ») в долинах – последние получили распространение с началом применения пороха и учащением набегов лезгинов.

Поэтому, мы и не имеем городского культурного наследия, грузинская культура – сельская, о чем свидетельствуют такие грузинские слова, как «მსოფლიო» («мсоплио») – «мир», «მსოფლმხედველობა» («мсоплмхедвелоба») – «мировоззрение», «წუთისოფელი» («цутисопели») – «земная жизнь» (прим. переводчика: все три слова содержат в себе слово «сопели» – «деревня»), «ქვეყანა» («кве-кана») – «страна» (буквально: «поле под ногами»).

Это настолько глубинная суть грузинского логоса, что, только мысля в этом направлении мы сможем возродиться и вырваться из когтей наших городов, но согласиться с этой мыслью на словах недостаточно. Необходимо присоединиться к этому на деле: каждый из нас должен распределить добро, с таким трудом добываемое в городе, на родную деревню, а главное – жить в ней.

Это не означает, что каждый должен взять в руки мотыгу – кто-то может работать с высшими технологиями, кто-то – в сфере образования, но нашей жизненной средой вновь должна стать одноэтажная Грузия.

Часто те, кто согласен с этой мыслью, считает, что об этом должно позаботиться государство и дай Бог, чтобы это когда-нибудь стало возможным, но в урбаноцентристской либеральной республике, а главное: внутри либерального культурного кода это крайне сложно. Это и не главное.

Главное – наша воля, основанная на осмыслении этой перемены – не материальном, исчислимом, а духовном, несравнимо более важном. Подобное осмысление, в конечном счете, уже в этой, земной жизни принесет человеку намного больше покоя и счастья, чем любой материальный достаток. Против этого вечно и неумолчно будет трубить в медную трубу влагилище вавилонской блудницы, убеждая нас, что нашим выбором мы отказываемся от возможности соревноваться за выгоду и достаток и тем самым лишаем своих детей будущего. Я не раз видел это на примере нашей школы, откуда неугодные родители часто уводят ребенка против его воли, а ребенок плачет и хочет вернуться к нам в школу.

В конечном счете, заглушить эту трубу или замкнуть свой слух от нее так же невозможно, как спутникам Одиссея – не обращать внимания на зовы сирен, о чем мы говорили в главе, посвященной святости семьи. Но тем самым мы подходим к притче о блудном сыне: каждому человеку и каждой семье предстоит пройти по этой кривой.

Однако, притче этой не дано осуществиться и закончиться добром для наших детей, если, в отличие от блудного сына, у них не останется вотчины, чтобы вернуться, и им придется искать нового господина и просто лучшей бетонной клетки, чем та, в которой их вырастили родители.

В этом положении мы находимся на протяжении жизни последних двух поколений, и, если мы сейчас же это не исправим, в конце концов, может осуществиться утопия наших реформаторов, и мы, как народ, изменимся, но это уже будет не картвельский ЭРИ, это будет сингапуризированный ЭРИ, лишь называющийся картвельским. Каждый из нас, если только у него есть хоть что-то общее с патриотизмом, обязан противостоять этому, пытаюсь возродить угасшее в нас качество «Длинной Воли».

Время оплакивать покинутую вотчину прошло. Настало время, не смотря на все препятствия, возродить нашу вотчину неустанным трудом наших рук, нашим сердцем, нашей душой. Это в равной мере необходимо как зрелым людям, так и молодым. Чем больше молодых семей это осознает, тем лучше для них и для страны, но только – вглубь, до конца, а не до первого угасания энтузиазма, как это случилось в советское время, когда несколько таких начинаний провалилось.

Это невозможно без храма, так как храм это сердце всякого возрожденного села и всякой деревни, и именно в нем изначальный смысл этого начинания.

В библиологии и учении отцов Церкви часто говорится не о попадании человека в рай, а о его возвращении туда. Это возвращение дается человеку намного легче, если он, не смотря на препятствия, начинает его уже здесь, в земной жизни.

Если XX век был для нас веком измены грузинской земле, то, если мы хотим выжить, XXI век должен стать для нас веком покаяния перед нашей землей и возвращения к ней.

Один из первых картвелологов, Уильям Аллен на рубеже XX и XXI веков сделал интересное наблюдение. По его словам, мы очень похожи на испанцев и ирландцев в том, что нам, как и им, присуща коллективная безответственность.

В 2013 году в своей работе «ЭРИ и государство» я писал, что это наблюдение интересно не только тем, что Аллен невольно предвосхитил сделанное лишь впоследствии открытие о родстве западно-иберийской и кельтской культур с нашей, но и тем, что мы действительно на каждом шагу встречаем примеры этой коллективной безответственности.

Т. н. тбилисская элита громче элит других постсоветских столиц надрывается, крича о своем европействе. А, между тем, этот город оказался единственной постсоветской столицей, сдавшей в утиль котельные центрального отопления своих жилых корпусов, отбросив себя, таким образом, в каменный век. Нынешняя реальность, в которой каждой семье приходится индивидуально отапливать своё жилище, не только обходится нашему обнищавшему населению в три раза дороже, чем при наличии общей котельной, но и в точности соответствует тому принципу, по которому человек обогрел свою пещеру в каменном веке. Ничего подобного не произошло ни в Ереване, ни в Минске, ни в Кишиневе, ни даже в меньших по значению городах республик.

И это в стране, где, в отличие от упомянутых республик, весь подъезд знаком друг с другом, весь подъезд на Новый год бегают друг к другу с «гозинаки» и сладостями, чокается и желает друг другу счастья. Но в неорганичной для грузина реальности даже наш исконный кодекс добрососедства до такой степени искажен, что грузин скорее поверит в сплетню, будто «меквле» (прим. переводчика: «меквле» – в грузинской традиции добрый сосед, возможно родственник, который в первые часы Нового года первым переступает порог дома с поздравлениями и пожеланиями счастья семье) не заплатил за отопление, и сдать отопительный котел в утиль, чем проявить коллективную ответственность. Так же нашей уникальной выдумкой являются аппараты для мелочи в лифте, которых не увидишь больше нигде в мире.

Этот уникальный бытовой пример, не говоря уже об ужасающей грязи в наших подъездах, многие на словах признают стыдным. Получается, что в пределах красной империи нас заставляли соблюдать индоевропейские бытовые стандарты, а, как только империя отхлынула, мы с криком, что хотим больше Европы, глубже прежнего скатились в Азию.

Однако, помимо сказанного, я хочу и это явление оценить в свете деревенского уклада нашей культуры. Повторяю, наша культура не городская, и стихи Гришашвили и лирика Цабадзе здесь не при чем.

Прошу прощения за затянувшуюся беседу, но мы, грузины, растерявшие свою «Длинную Волю», преодолевая себя в болезни и тяготе, пытаюсь восстановить в себе волю, парадоксально чувствуем облегчение и прилив новых сил. Так случилось и со мной сейчас.

Однажды, будучи на вершине Казбека вместе с легендарным Бидзиной Гуджабидзе, я думал, что сил у меня не осталось вовсе, и не представлял, как буду спускаться вниз. Но Бидзина сказал мне, что, по его наблюдениям, за это время я истратил всего лишь 3-4% возможностей своего тела. Слова одного из наших величайших альпинистов так ободрили меня, что во мне пробудилась та самая «Длинная Воля», и я вполне легко спустился до метеостанции.

И, наконец, еще одно наблюдение в связи с темой нашего разговора.

В Кикети вместе с нами, вот уже много лет, трудятся мастера и рабочие под руководством замечательного, порядочнейшего человека, Нияза Гаприндашвили: я и мои дети работаем с ними бок о бок, бывает, я сержусь на них, а бывает, хвалю, но отношусь к ним с неизменным уважением. Быть может, они сами того не замечают, но полезное действие их работы сильно разнится в зависимости от вида их деятельности.

Всё, что связано с устройством хлева, курятника, сеновала, марани (винного погреба), или хотя бы укрепления фундамента дома и связанными с этим работами – всё идет гладко. Но если дело касается внутреннего ремонта и украшения жилых или школьных помещений – работа выполняется с меньшим энтузиазмом и растягивается. Но как только во дворе того же дома нужны земляные работы – к примеру, нужно сделать каменную лестницу или навес – энтузиазм сразу возвращается.

И это, на мой взгляд, не имеет отношение к квалификации работника – это глубинное этнопсихологическое отражение того забытого направления, без которого нам не возродить нашу страну.

Это вовсе не означает, что модель нашего развития будет менее успешна, чем чья бы то ни было. Напротив. Просто у каждого свой путь. Наш путь – заселить обезлюдившую Грузию верными своей стране семьями и отключить, наконец, эти пылесосы, в которые превратились наши бесперспективные, захлапленные города.

Леван Васадзе.

07.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XIX Глава. Неавторский перевод

Тогда и жить не стоит,
Коль встретишь смерть в постели.
Дай умереть мне стоя.
О, дела, дели, дели...

Такую дай работу,
Чтоб, день и ночь кипела,
Стране моей в угоду
О, дели, дели, дела...

Убереги от муки
Дряхлеть душой без дела,
Чтоб быть опорой внукам.
О, дели, дели, дела...

Или позволь на плитах
Церковного придела
Мне умереть с молитвой
Тебе. О, дели, дела...

Но, может, ещё рано
Травой расти из прели—
Ещё полно бурьяна
В полях. О, дели, дели...

Но как прожить мне, чтобы
И мной не овладели

Людские гнев и злоба?
Скажи. О, дели, дели...

А за горой дружина
Благую весть пропела.
Лишь этим сердце живо.
О, дели, дели, дела...

Прости, что я сегодня
Заговорил так смело.
Всё, что Тебе угодно
Приму. О, дели, дела...

09.09.2021

© Леван Васаძე

© Перевод Паолы Урушадзе

ლოგინში სიკვდილს რა ვუთხარ,
რომ ნატრობს ლამის ყველაო,
ფეხზე მდგარ მამკალ კაცივით,
ო-დელი-დელი-დელაო.

გინდა შრომაში დამხარჯე,
ფერებით, ნელა-ნელაო,
შრომის ნაყოფი – ქვეყანას,
ო-დელი-დელი-დელაო.

გინდ დამაბერე, მაგრამა
არ მჭირდებოდეს შველაო,
შვილების შვილებს ვუვლიდე,
ო-დელი-დელი-დელაო.

ან იქნებ ღირსი გამხადო,
ჩემ უღირს ლოცვის სმენაო,
მუხლმოყრილს გარდამიცვალო
ო-დელი-დელი-დელაო.

ან იქნებ დამრჩა ბევრიცა
გაჩეხვა, თიბვა, ცელაო,

ბალახად ყოფად მნდომელსა,
ო-დელი-დელი-დელაო.

მაშინ შენ მითხარ, რა ძალით
შევძლო ამდენის თმენაო,
მეც ბოროტებად არ ვიქცე,
ო-დელი-დელი-დელაო.

მაგ მეომრობის მადლია
ქვეყნის მტრებისთვის წყევლაო,
მისთვის ძგერს მარტო ეს გული,
ო-დელი-დელი-დელაო.

თუმცა მე იმდენს გაწუხებ,
მგონი ვერ მჯობნის ყველაო,
შენი ვარ, როგორც გენებოს,
ო-დელი-დელი-დელაო...

ლევან ვასაძე

ლევან ვასაძე – “Дневник Немошного”. XX Глава. Неавторский перевод

Поздравляю вас с днем усекновения главы Иоанна Крестителя. А впрочем, с чем тут поздравлять?! Но у нас, христиан, принято поздравлять друг друга с решением лучших из нас, добровольно принять смерть во имя Истины.

Поэтому до христианства мы особо почитаем учителя Платона, Сократа, чьи последние дни, как я уже говорил, Платон детским языком описал в гениальных диалогах «Критон» и «Федон». Если вы еще не нашли время прочесть их, советую. Не пожалеете.

Но теперь – о «величайшем из рожденных», о Крестителе Господа. Вы можете себе это представить: творение крестило Бога, своего Творца?

Я, конечно же, ограничен в суждении на эту тему, так как, в отличие от западного христианства, и, тем более, расплотившихся от него различных деноминаций, у нас мирские не рассуждают на богословские темы, не будучи хотя бы сведущими в этой науке. И хотя мне пришлось изучать богословие, и это было самым интересным и волнительным из всего, что я изучал, я, как грешный мирской человек, осмелюсь всего лишь сказать пару слов об этом великом дне. А между тем, это самый большой день нашего бесчестия – как для мужчин, так и для женщин. Вспоминая этот день, мы должны представить себя не Иоанном Крестителем, которому мы недостойны завязать ремни на сандалиях, а Иродом, его женой и их четырнадцатилетней развращенной дочерью.

А фабула проста.

Ирод грубо нарушил Моисеев Закон, женившись на жене своего умершего брата Филиппа, а облаченный в верблюжьи шкуры Креститель Господа обличил в этом царя. Заточив его в темницу, Ирод заточил сам себя, так как из-за великой любви народа к Иоанну, не знал, как ему быть дальше.

Однако развратной жене не давала покоя живая совесть, пусть даже запрятанная в самое глубокое подземелье: во всех комнатах и залах дворца ей мерещилась тень величайшего святого, а совратитель Евы нашептывал ей план мести.

Вспомним пир в царском зале, беззаконного царя в окружении вельмож, для которых, как это бывает, «в этом городе всё дозволено». Ведь самое страшное непотребство совершается под хохот и крики знати, а не в застенке земного палача, всего лишь исполняющего их приказы за плату.

И вот, в апофеозе опьянения вином – уж нас вином точно не удивишь! – посреди зала с обольстительным танцем, обольстительно одетая, вернее почти раздетая, появляется подученная матерью дочь Иродиаты, Шломит, или, по-нашему, согласно Септуагинте – Саломея. Она пляшет с единственной целью: возбудить плотскую страсть в своём отчине-дяде.

На пиру всё дозволено, браво, какая девочка! Как она танцует! Как красива! Танец заканчивается и вот, захмелевший и распаленный тайной похотью Ирод говорит своей падчерице и племяннице: проси всего, чего только пожелаешь, и я исполню это. Просьба наученной злейшей матерью четырнадцатилетней девицы (девицы ли?) звучит как гром среди ясного неба.

Никто не знает, что в этот миг происходит в пиршественном зале, хотя эта картина много веков подряд в центре культуры человеческой цивилизации.

Но ни шедевры Боттичелли, Мазаччо, Липпи, Паникале, Джотто, Гоццоли, Дюрера, Рембрандта, Караваджо и Тициана, ни перо Блока, Ремизова, Флобера, Малларме, Гьюисманса, Гейне, ни опера Рихарда Штрауса, написанная на пьесу Уайльда не в состоянии передать то, что увидит сердцем простой православный через окно иконы.

Как мы празднуем этот апофеоз бесстыдства, эту великую трагедию? Как нам отдалиться от вечно возбужденной темной элиты, считающей, что ей «всё дозволено», в чьём поведении нет ничего нового, и приблизиться к величайшему блаженству, заключенному в служении Истине?

Сами мы этого не можем. Все мы – та темная элита, которой «всё дозволено». Сколько среди нас таких, кто считает, что они не таковы, что они противостоят этим страстям, но, войдя из народа в тот пиршественный зал, и они становились как все, и они аплодировали пляске Шломит, или хотя бы промолчали, когда гром грянул с неба, не заступились за Истину, в страхе потерять должность, возможность оплатить кредит и прокормить детей.

Однажды во дворе одной из наших величайших святынь ко мне приблизился человек, почтено приложился к моему плечу, долго расхваливал меня, а после попросил взять его в помощники.

Это мне уже само собой не понравилось. Я спросил, как? Осведомился, что он может. Задумавшись, он ответил: «Могу кому-нибудь испортить жизнь». Да простит меня Бог, но я не думаю, чтоб этот человек, попав на пир обезумевшей от вседозволенности темной элиты, повел себя лучше того, что завтра произойдет в пиршественном зале Ирода. Но я и в себе не уверен.

Как же нам быть, где искать спасения? Каждый сам делает выбор. Но завтра тяжелый пост. Всего один день. Если каждый из нас, по мере своих сил, так отметит день нашего бесчестия, быть может, тогда нам поможет Тот, Кому подвластно всё: ведь сами мы не можем ничего кроме того, что делаем всю жизнь.

Леван Васадзе.

10.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXI Глава. Неавторский перевод

Характерная черта современности это гонка. В традиционной жизни гонка, или скачки были связаны с праздником или с боем. Была ли это «Марула» (прим. переводчика: Марула – традиционное грузинское соревнование в скачках) или одна из бесчисленных наших воин – это было временное ускорение движения, самооборонительное или развлекательное.

Остальное время было связано с традиционным размеренным бытом. С девяти до шести не шла некая «общая слаженная работа», а вечером не было этой глупости – «личное пространство и отдых».

Было время великого труда, пахоты, сева, сбора и уборки урожая и было время созерцания, сидения у очага, искусства. Над всем этим властвовала смерть, ключи от которой в руках Господа, и болезнь, которой было намного меньше, чем сейчас.

Было подобие гонки при царском или княжеском дворе, были интриги, соперничество, предательство – предпосылки того, что ныне царит везде. Но естественность мерного течения жизни и переплетенные в этом течении тяжелый труд и блаженное созерцание, это та сказка, которую мы потеряли – с некоторыми народами это случилось раньше: с живущими далеко от нас, на Западе – 300-400 лет назад, с другими – 150 лет назад, когда и до нас дотянулись первые языки пламени Модерна.

Ныне человек едва вмещает свои дела в дневные часы.

Раньше время не было линейным и быстротечным, человек не стоял лицом к некому будущему в точке данного времени на некой представляемой, вымышленной прямой, и не взбегал, задыхаясь, на гору умозрительного прогресса, не падал без сил на этой дороге, и течение не сносило его останки мимо других бегунов.

Истинное время было круговым и неуклонным. Это, еще до Коперника и Бруно знали греки, египтяне и, конечно же, мы, картвелы. В этой цикличности года (грузинское слово обозначающее год – «წელი-წადი» [«цели-цади»], в буквальном смысле, пояс-уходящий) или, если угодно, времен года человек свободно двигался вокруг сердца Вечности, пожинал то, что сеял – как на земле («ქვე-ყანა» [«кве-кана»] – «страна», буквально: «пахота под ногами»), так и на Небесах («ზე-ცა» [«зе-ца»] – «небоверху»). Что оставлял за собой, то встречал на своём пути, так что никто не впадал в прелесть, будто можно переступить через содеянное и оно не встретиться человеку впоследствии.

Не было вездесущего облака, приковывающего все взоры: сперва в качестве сплетен, позже – газеты Марата и колокола, вывешенного из окна парижского ресторана Le Procope, а ныне явленного нам всем на плоском экране, который наше дети постоянно держат у себя на ладони или на подушке, оставаясь лицом к лицу с адом – с ложной действительностью.

Даже выбитый из этого потока болезнью, я всё же ощущаю, что этот поток не отпускает меня. Это очень странное чувство.

С тех пор, как, став из мальчика мужчиной, я открыл для себя круговую природу времени, я делал лишь то, что приносит пользу стране и семье, то есть проявлял заботу. И хотя кто не развлекался, не гулял с друзьями в юности, но и сейчас меня, по инерции, тянет заботиться о семье, делать всё только для ее пользы, что в данный момент заключается для меня, в первую очередь, в старательном лечении, а уж потом, по мере сил, в других делах, в том числе и ведении этого дневника.

И вот, поразительно, но дни снова ускользают от меня, хоть у меня и совсем немного обязанностей в те промежутки времени, когда я сравнительно хорошо себя чувствую, но дни вновь мелькают сплошной лживой картиной быстротечного, линейного времени.

«Мелькают будни, как мечут жребий,
И среди цветов великолепий
Ясно мне, как ясен день погожий,
Что же скажут обо мне потомки.

Промчатся старые, пройдут года,
И изменят направленье ветры...
Но как вселенная сама одна,
Так Галактион один на свете!»

*(стихи Галактиона Табидзе в переводе Венеры Вида).

В первую очередь, обратите внимание: «будни мелькают» (прим. переводчика: в оригинале: «вращаются»). И потом, что заставило царя среди поэтов написать: «Галактион один на свете»? Разумеется, не гордыня и не самомнение. Так же, как и его стихи «Скорее – знамена!» ничего

общего не имеют с красными знаменами, а «свободы жаждет сердце, как стадо раненных оленей жаждет чистой ключевой воды» – прямая цитата из Священного Писания, и так же, как стихи:

Чем дальше ты – тем больше я влюблен.
Люблю в тебе свою мечту ревниво,
Неприкасаемым, пронзительным лучом,
В раю недостижимом и зримом.

Но если ты не та (тот), кого желал я зреть,
Печали нет. Да будет заблужденье!
Больное сердце жаждет знать,
Чтоб белым ангелом ему, являлась (являлся) ты – мечты виденье!

Пусть меркнет сердце томлением странным,
И плещется бездна из пролитых слез,
Но только бы верить мне в бред мой обманный,
И верить бы в праздник любви и грез!

* (стихи Галактиона Табидзе в переводе Оры Гурули).

(примечание переводчика: в картули, т.е. в грузинском ни у глаголов, ни у прилагательных нет пола).

– так вот, стихи эти не посвящены ни Мэри, ни Ольге, и вообще ни одной женщине: это молитва к Господу, к круговому времени, к Истинному Бытию, без которого, без того, что желал ты зреть, всё теряет смысл, – так же и слова «Галактион один на свете,» сказаны вовсе не по причине «тщеславия поэта», как я писал в своем стихотворении «Счастье сказало – не еще меня».

Наша общественность, перешедшая из атеизма в атеизм, этого понять не могла и, к прискорбью, до сих пор не понимает, что слова эти о другом.

Галактион один, как и любая галактика, так же, как един Бог, и это единство не есть единство поверженной с неба Денницы, чьи отпечатки на тротуаре почему-то с большой помпой открывают в честь заслуженных людей, в виде звезд с их именем, здесь речь об истинном Единстве.

Почти каждой семье с исконными тбилисскими корнями есть, что рассказать о Галактионе. В том числе, и в моей семье, в трех из четырех ее ветвей, сохранились такие истории, и одну из них я расскажу здесь напоследок.

Мой дядя, супруг моей тети с материнской стороны, мой дорогой Гоги Жгенти, с присущим ему юмором пересказал мне историю, услышанную им от его отца Бесо. (1).

Кажется, еще до Василия Мжаванадзе, при Кандиде Чарквиани, в ЦК создалась неловкая ситуация: некий поэт меньшей величины – не важно, кто – уже имел звание поэта-академика, а к тому времени еще здравствовавший Галактион – не имел. Это решено было исправить, и Галактиона пригласили на специальное заседание ЦК КПП. Нашли его, как всегда, за супрой со своими любимыми зеленщиками и торговцами соленьями на рынке Колхозников.

В зал он вошел, робея – шутка ли: двое сотрудников заехали за ним на базар на черной машине, откуда было знать Поэту, почти все родственники и друзья которого к тому времени были расстреляны, в чем было дело. Заметив Бесо, он ободрился, неловко присел рядом, положил портфель на колени и придерживал его обеими руками. Заседание не прервали, лишь крикнули с трибуны:

– Здравствуйте, товарищ Галактион, обождите, скоро перейдем к обсуждению вашего вопроса!

Вскоре началось обсуждение, и, как только Поэт понял, что его не наказывают, а награждают, цвет лица вернулся к нему, вернулся и хмель, до награды, понятно, ему никакого дела не было, и он с улыбкой переглянулся с Бесо.

После представления на почетное звание, согласно регламенту, прозвучал вопрос, не выступит ли кто-нибудь против принятого решения. И вдруг – о, чудо! –приглашенный на заседание первый секретарь ЦК Комсомола Грузинской ССР, из тех, для кого солнце вставало на Севере, точно так же, как для их детей оно нынче встает на Западе, поднял руку и объявил, что он против.

Все изумились, будущему республики дали слово, и он пояснил, почему выступил против:

– Товарищ Галактион пьет, ведет беспорядочную жизнь, подает плохой пример молодежи, его часто видят, прошу прощения, в запачканной одежде. Я спрашиваю вас, где вы его сейчас нашли? Наверное, опять на базаре? С зеленщиками? Я уверен, что он и в данный момент, прошу прощения, пьян, так вот, разве может наша партия, с содействия соответствующего министерства, присвоить почетное звание поэта-академика человеку, который ведет такую жизнь и столько пьет?

Бесо невольно улыбнулся, заметив пытливый, отеческий взгляд, с которым Галактион наблюдал за молодым функционером. В зале воцарилось молчание. Каждый задумался о своей карьере. Глава комсомола не мог ошибаться по отношению к партийной линии, тем более, что лозунг «Пьянству – бой!» звучал на просторах красной империи задолго до андроповского сухого закона.

И тут в неловкой тишине слышится ласковый голос Поэта:

– А ты пьешь, сынок?

– Кто – я? – переспрашивает надежда республики, – нет, конечно!

Снова неловкое молчание. И, наконец – вердикт Поэта, обращенный к собранию:

– Так, давайте, присвоим этому человеку звание поэта-академика, а меня отпустите туда, откуда привезли!

Строки, написанные обладателем такого космического юмора и созерцания, нужно уметь понимать «разумным сердцем». Сейчас я читаю «Галактиологию» Резо Габриадзе, подаренную мне дядей Резо при нашей последней встрече. Как-нибудь я обязательно расскажу и о нем, как о человеке, наряду со многими другими, воспитавшем и меня. Особо отмечу нашу последнюю беседу о философии муравья, и о том поразительном факте, что нас было всего около пятидесяти человек, похоронивших дядю Резо рядом с могилой Галактиона на Мтацминдском Пантеоне, и что среди нас было около двадцати иностранных друзей и ни одного представителя правительства, потому что вооруженные радиационными пушками телетеррористы ожидали наших павителей в Пантеоне. Но об этом позже.

Вернемся к гонкам. Вновь хочу вспомнить родину предков моей матери. В месяц сенокоса в Чала, в родовом поместье Абашидзе, наш двор в округе Заликашвили по вечерам освещали роившиеся в воздухе светлячки. Пока Квирила не начинала свой ночной рокот, пока дневная страда местных жителей не затихала перед тремя каналами черно-белых телевизоров, пока не слышались обращенные к Дато Кипиани и Рамазу Шенгелия возгласы «Генацвале!», пока Дед не звал меня ужинать, мы с Татой, Бесо и еще кем-нибудь из родственников, оставшихся у нас допоздна, гонялись по двору за светлячками. В этой гонке было стремление к чуду, но когда нам пару раз удалось поймать светлячка, заточенный в банку, утром он приносил нам самое горькое разочарование, какое только можно себе представить. Об этом я однажды рассказал своим русским друзьям в эссе «Нет Ничего».

Как нам прекратить эти гонки так, чтобы это не привело к бездействию, а, порой, и к нашему баснословному безделью? Не удивляйтесь, но нам, возможно, снова придется вернуться к этому вопросу при разговоре об архитектуре будущего.

(1) Бессарион Жгенти – главный литературный критик и оратор Грузии 30-50-х годов прошлого века.

© Леван Васадзе.

11.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе.

Стихи Галактиона Табидзе «Мелькают будни, как мечут жребий...»: перевод Венеры Вида.

Стихи Галактиона Табидзе «Чем дальше ты – тем больше я влюблен...»: перевод Оры Гурули.

Во всех картвельских племенах, включая современность, мысль о том, что мы когда-либо пришли сюда из других мест, всегда считалась оскорбительной. Местное происхождение, т.е. автохтонность в нашем сознании имеет огромное значение. Ее влияние на нашу нравственность не менее огромно.

К примеру, войны в нашем понимании четко делятся на завоевательные и оборонительные. В первом случае война для нас всегда безнравственна, во втором – свята. Исключений быть не может.

Между тем, для большинства культур это не так. Коренные кавказцы очень похожи на нас в этом четком разделении, но для большинства народов, являющих собой результат тысячелетнего переселения, какими автохтонными они бы не считали себя ныне, нравственное понимание войны совершенно иное.

Правда, ныне либеральная диктатура установила нам свой ложный *lingua franca*, в который сама же и не верит, который сама же постоянно нарушает своими нескончаемыми войнами, но это – такое же временное явление, как коммунистическая и фашистская мифологемы.

Упомянутый *lingua franca* содержит такие глупости, как: «Демократии не воюют между собой», «Нет насилью!» «Международное содружество», «Принцип равенства народов» и пр. Не будем терять на них времени.

Один из великих мыслителей современной западной юриспруденции и философии права прошлого века Карл Шмитт в своем главном труде «Номос Земли» дает определение прав народов на основании этимологической энциклопедии средневекового богослова и мыслителя Исидора Севильского.

Согласно этому определению, в права каждого народа входит: завоевание земель, строительство городов, возведение оборонительных сооружений, взятие и обмен пленными, перемирие, неприкосновенность послов и запрет на браки с иностранцами.

Первый же компонент этого определения – завоевание земли – режет слух кавказцу.

Многие скажут, что со времен Вестфальского мира, в эпоху Лиги Наций и ООН все это давно устарело, а, между тем, это фундаментальное определение очень точно выражает культурный код индоевропейской цивилизации.

Вспомним так же и то, что мы не индоевропейцы. Хотя мы наряду с ними принадлежим к яфетической ветви, эта ветвь делится надвое: на индоевропейскую и кавказскую.

К числу индоевропейских принадлежат около 360 современных языков, на которых говорит 3 миллиарда человек. Только на 12-ти крупнейших из них говорит 1.7 миллиарда человек.

Начиная с наших соседей армян, все славяне, народы германского происхождения и латинского треугольника, греки, финно-угры, вообще, все европейцы, индусы и многие другие являются индоевропейцами. Самым близким к прото-индоевропейскому языку архео-лингвисты считают современный литовский.

Вторую яфетическую ветвь составляем мы и несколько кавказских народов, наше число несравнимо мало рядом с массой этих наших дальних родственников, и это не единственное различие.

Коренная отличительная черта нашей ветви в том, что все мы считаем себя автохтонным населением, и большинство историков это подтверждает, тогда, как вся необъятная индоевропейская масса произошла вследствие передвижения по земному шару.

Этой нашей оседлости и ее влиянию на наш логос я посвятил главный свод своих мыслей, озаглавив его «Иберийский логос». В письменном виде монография мной еще не закончена, но уже несколько лет, как опубликована запись моей беседы с Зазой Шатиришвили, Сосо Манджавидзе и другими друзьями на эту тему.

В рамках этой идеи я провожу различие между логосами, ищущими Эдем со времен Потопа и не ищущими его. В этом культурологическом смысле, всё, что происходит между индоевропейцами, это их внутренние дела.

Но дело обстоит сложнее, и прежде, чем пояснить эту сложность, надо упомянуть две оставшиеся ветви ноева рода: хамитскую ветвь, обитающую в основном на юго-западе от нас и семитскую, расположенную на юго-востоке.

Эти ветви оказали не меньшее влияние на всемирную историю, чем яфетическая, однако в эпохи модерна и постмодерна мы наблюдаем временную доминацию яфетической ветви индоевропейского рода, которая нашим неграмотным либералам кажется перманентной.

Вернемся к сложностям взаимоотношений между нами и индоевропейцами: мы – истинные автохтоны, они – кочевники, ставшие автохтонами. Необходимо отметить фактор вероисповедания, имеющий наднациональное значение, делающий родство более крепким, чем кровное, так же, как и, по нашему обычаю, родство по крещению переходит на семь поколений, а родство по крови – лишь на четыре.

В этом смысле, изначальный логос наглядно проступает в наших отношениях с нашими единоверцами, индоевропейцами (греками или русскими).

Индоевропеец следует призыву своего вечно ищущего логоса и, как только набирается сил, стремится создать империю, в нравственно-религиозном смысле, оправдывая своё стремление миссией противоборства с Антихристом. Носителем этой миссии апостол Павел в одном из Посланий, называет святого царя «Катехона», т.е. удерживающего мир от прихода Антихриста.

Именно по этой причине, второй и третий Рим не уступают в экспансии первому (это относится и к любому сильному индоевропейскому государству) и не видят ничего предосудительного в этой экспансии, так как, согласно его нравственной системе, в противоположном случае происходит экспансия Антихриста.

Исключение представляет собой сербский народ, подобно нам, прошедший героический путь борьбы за веру. На пороге государственного величия их святой царь Лазарь сделал сознательный выбор. Перед битвой на Косовом поле ему явился Спаситель и предложил: или победа над Османами и создание «Великај Србјии», но, при этом, потеря православного духа, или гибель за правду на Косовском поле вместе со всеми военачальниками, 500 лет под турками, но сохранение православия. И Лазарь вполне сознательно выбрал второе.

Никто так глубоко не затрагивал всех нравственных трудностей сохранения православия в условиях империи, как это сделал титан государственной мысли Лев Тихомиров в своем фундаментальном труде «Монархическая государственность». И на мой взгляд, никто так сильно не страдал от этих трудностей, как русский народ.

Если русскому народу в этой извечной борьбе суждено вернуться к святости, и, если нам, в свою очередь, через нашу монархию, которую можно восстановить, удастся вернуться к более близкому нам антиохийско-сирийскому, аскетическому христианству, тогда, быть может, наши народы получат вторую возможность сосуществования, на этот раз – правильную, а не построенную на принципе: «я тебя спас, я же и поглотил, а ты, неблагодарный, сбежал от меня», не имеющим перед собой никакой перспективы.

Развернутому обзору этой модели взаимоотношений двух независимых православных государств я посвятил свою работу «Второй Иерусалим и Третий Рим». Согласно этой концепции, взаимоотношения между нашими государствами возможны лишь в случае восстановления целостности Грузии с согласия России. На основании этого возможно создать важнейшую дихотомию «неслиянного и нераздельного» братства, по аналогии с формулой Халкидонского Собора.

Вот, почему я – «предатель родины» для продажных сил и зомбированной ими части общества, в любом случае хотящих вражды с Россией и не понимающих полной бесперспективности такой политики для нашей страны.

Вернемся к более важному. По причине нашей автохтонности, ни одна индоевропейская имперская модель к нам не подходит. Путь развития Грузии проходит через осмысление нашего глубинного, не ищущего, кавказского, или картвельского Логоса, по которому должна быть построена наша страна, ее политика и экономика.

Всему этому должно предшествовать глубинное культурное осмысление миссии нашей уникальной страны и воплощение этого осмысления в реальной жизни.

Это более всего нужно нам самим, этого никто не сделает, кроме нас, этому посвятил всю свою жизнь нас святейший Патриарх, и мы даже не представляем, какое счастье, что мы живем рядом

с ним, и под его руководством проходим последние рифы опаснейшего фарватера Сциллы и Харибды, после чего мы или погибнем, или выйдем в те свободные воды, о которых мечтали лучшие сыны нашего народа.

Леван Васадзе.

12.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе и друзья – Беседа №3 – «Иберийский логос» – полная версия (на грузинском языке): <https://www.youtube.com/watch?v=vFnmMzA6QGY>

Леван Васадзе: «Второй Иерусалим и третий Рим» (на русском): <https://www.youtube.com/watch?v=Io3TfP3gHWw>

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXIII Глава. Неавторский перевод

Часть моих трудов в последние годы была опубликована в виде телевизионных обращений, хотя, как я уже не раз говорил, я и в этих случаях подходил к делу с большой ответственностью, чаще всего готовился заранее, писал и зачитывал, чтобы не пропустить ничего важного. Примерно в течение четырех лет мной было опубликовано около семидесяти теле-обращений и около двадцати бесед с друзьями, и за это время эти видео набрали до двадцати миллионов просмотров, а это, исходя из числа нашего населения, говорит о том, что темы наших бесед интересуют не только нас.

Я не раз говорил, что сказанное, или написанное слово не менее, если не более важно, чем любое другое дело, хоть наши скептические критики, постоянно призывавшие нас не говорить, а делать дело, так и не поняли, или не захотели этого понять. Поди, отличи среди них «тролля» от зомби.

А люди, все эти годы, так сказать, занимавшиеся делом, то есть участвовавшие в активной политике, разве они что-нибудь делали кроме разговора? Хотя, увы, многие из них, если не большинство, не ограничивались разговором, а наживались за счет народа. Думаю, та коррупция, которую мы наблюдаем в либеральной республике, не снилась даже самым коррумпированным эшелонам коммунистической власти. Их «Волги» и припрятанное золото просто смешны в сравнении с тем, что принесла своим правителям антипатриотическая республика за 30 лет существования, и этому до сих пор не видно конца. Я говорю это не оттого, что тоскую по коммунистам, хотя многие ощущают ностальгию по тому времени.

Мифы о том, что в либеральной республике нет коррупции, наверное, предназначены для идиотов. Коррупция существует в любом государстве, однако то, что происходит у нас, выходит за любые рамки. Понятно, что вашингтонская индустрия многомиллионного лоббизма, как и легендарная брюссельская бюрократия – не что иное, как легализованная форма коррупции, но мы, кажется, и тут всех обогнали, как и в советское время были первыми по коррупции среди союзных республик.

Не знаю, какому нашему национальному качеству это приписать, но в последнее время мне часто приходилось слышать от представителей высших эшелонов нашего правительства: «Иностранных долгов всё равно никогда не вернуть, это всем ясно, поэтому мы просто плывем по течению», – иными словами, они отягощают страну еще большими долгами, не считая, что крадут у нее.

Это напоминает мне массовое воровство советского периода, хотя масштабы тогда были меньше, чем сейчас. Сейчас над этим работает целая налаженная машина, в которую вовлечены и работодатели, и получатели, и распределители денег. По сути, то же происходило и в советском союзе: отцы нашей «темной элиты» выносили из «Госплана» бюджет для объекта и клали его себе в карман, считая при этом, что крадут не у страны, а у русских. Теперь крадут у американцев и европейцев. Так и живем.

На мой взгляд, это синдром народа, потерявшего культуру государственности, и хотя, повторяю, коррупция есть везде – в России, к примеру, такая, что будь здоров, или, хотя бы в Китае, где ежегодно всенародно расстреливают около 3 тысяч коррупционеров, – однако ирония в том, что у нас почти никогда никого не наказывают. Как могло случиться, что за всё существование независимой Грузии не был наказан ни один руководитель, нажившийся на покрытии дорог, или подписавший разрешение на строительство корпусов, ни один архитектор, ни один владелец аптеки, ни один судья или полицейский, покрывавший наркодилеров? И как же мы, погрязшие в таком болоте, надеемся, что придет кто-то один, и разом освободит нас от всего этого? И как это возможно, если мы сами не лучше, а ворчим только потому, что нас не подпускают к кормушке?

У скольких из вас есть родственник или близкий друг, который, благодаря вам получив должность или вступив в какое-нибудь дело, столько мошенничал, что вы не знали, куда деть глаза со стыда, и ни намеками, ни разговором напрямую ничего нельзя было исправить? Или лучше спросим так: есть ли в Грузии хоть один человек, не выдавший такого или не делавший этого сам? И если я с болью в сердце задаю эти вопросы, за это меня можно называть изменником родины и иностранным агентом? Неужели кто-то всерьез думает, будто этому можно помочь какими-то нескончаемыми иностранными «реформами» и помощью циничных «тренеров»?

Помните, в первой главе, описав поэтические и философские проблемы нашего падения, в связи с поэтическими, я сказал, что не могу смотреть в бездну и писать о ней, а предпочитаю искать неба, которое всё дальше отдаляется от нас? И, хотя я нет-нет, да и бросаю взгляд вниз, как это видно из предыдущих абзацев, всё же долго оставаться в этом положении я не могу. Вернемся к моим опубликованным трудам, в том числе, и обнародованным в качестве видео. Позвольте мне время от времени ссылаться на них, не потому, что мне лень писать этот дневник, а потому, что этот формат имеет другие особенности, и то, что человек может пропустить, слушая телевизионное обращение, непременно запомнит при чтении. Поэтому, в тех редких случаях, когда я буду возвращаться к уже обдуманым вопросам, я, рискуя наскучить, всё же буду ссылаться на свои труды, тем более, что, по всей вероятности, не все читающие этот дневник смотрели все мои видео.

Поэтому, сегодня оставшееся время мы посвятим беседе о «потерянном поколении».

Не каждому народу под силу осуществить культурное возрождение в стране, опустошенной войной, кризисами и нуждой. Нелегко собрать жизненные силы для такого возрождения, и народ, взявшийся за такую ношу, помимо собственных источников сил нередко черпает их и из чужих культур.

В 20-30 годы прошлого века так поступили американцы последующего за т. н. Золотым веком поколения. Поколение Первой мировой войны и последующей за ней уоллстритовской «Великой Депрессии» осуществило, я бы сказал, четвертый ренессанс в американской литературе (после колониального и революционного периодов и периода 19-го века), и это стало возможно не только благодаря американским культурным корням, но и с оглядкой на Европу.

Справедливости ради надо сказать, что у этой их европофилии имелось и весьма меркантильное объяснение, столь характерное для американцев. Резкое, если не ошибаюсь, двенадцатикратное падение курса франка по отношению к доллару значительно облегчило американскому бомонду роскошную жизнь в Париже.

“They Do Things Better in Paris” – «В Париже всё делают лучше» – это стало главным лозунгом потока американской эмиграции в промежутке между двумя мировыми войнами и, в определенном смысле, прорыло новый канал «культурного паломничества», в котором купались писатели и поэты, художники и критики, все, кому не лень.

На Монпарнасе, в кафе «Ротонда» гениальный Эрнест Хемингуэй печалился о своём творческом бесплодии и, кто знает, быть может, окидывал незнающим взглядом проходящих мимо, вечно ищущих Какабадзе и Гудиашвили, и грустящего Такаишвили; бездарная и развратная Гертруда Стайн на зло французам-янкифобам разъезжала в двенадцатицилиндровом «Форде» и в манто; Фрэнсис Скотт Фицджеральд развлекался еще раздольнее, чем даже его персонажи; постоянно перемещались между Нью-Йорком и Парижем уже признанные корифеями Шервуд Андерсон, Эзра Паунд и Генри Миллер.

Комплекс неполноценности перед Европой предыдущих поколений оставил клеймо и на этих шумных и интересных, полных жизненной энергией американцах.

В поисках восполнения этого культурного вакуума американский бомонд, сам еще того не зная, упивался тем шербетом, что через пол века, по причине цинизма академических кругов, привел американскую культуру к поколению «детей цветов», а еще через такой же промежуток времени вызвал нынешний либерально-марксистский крах.

Но, пока до всего этого было еще далеко: если позаимствовать аллегория Маркеса, мир был так нов, что вещи еще не имели имен, и на них просто нужно было указывать пальцем. И вот, в этом эклектическом вареве, вдали от родины, в подражании французскости рождался важнейший для нашей планеты пласт американской культуры.

Существует несколько ошибочных версий того, откуда появилось название «потерянное поколение», на самом же деле дело было так: один парижанин, говоря по-нашему – сотрудник профилактики, разозленный грубым обхождением отвратительной Гертруды Стайн, обозвал эту похабную женщину этим эпитетом, сказав: «Да что вы, в конце концов, от нас хотите? Для вашей страны все вы – потерянное поколение, убирайтесь обратно в свою Америку!» Стайн и это сумела употребить для собственного пиара, сделав это название «ником» для всего поколения.

Лет через пятьдесят я, девятнадцатилетний советский студент, приехав в Нью-Йорк, по обмену, изучать структурную геологию и минералогию, к удивлению своих кураторов, попросил, если возможно, зачислить меня так же на курс изучения «потерянного поколения» на факультете американской литературы.

Мой интерес оказался довольно экзотическим для этого небольшого, очень красивого университета, расположенного недалеко от Лейк-Плэсид и, полагаю, мне очень, очень повезло с профессором, госпожой Патрисией Морс, которой, быть может, сейчас уже нет в живых.

Профессор Морс, как говорится, родилась веком позже подходящей для нее эпохи. Ее очень удивило появление на курсе такого студента, как я – родом из той самой Джорджии, куда, по словам ее любимого Джона Стейнбека, каждый русский после смерти мечтает попасть, как в рай.

Однажды она призналась мне, что ее особенно удивило то, что я, представитель поколения внуков репрессированных дедов, был знаком со всеми произведениями, включенными в этот курс. И так, пока американские студенты знакомились с текстами, мы с профессором Морс совершали путешествие в мир «потерянного поколения», я в шутку цитировал текст евлогии, сочиненной Хемингуэем в честь своего подошедшего кота, и мы вместе смеялись над этим, а она делилась со мной своими соображениями о том, отчего Хемингуэй никогда не мог писать о том месте, где находился в данный момент.

Я точно не был ее лучшим студентом. Она однажды сказала мне: «Мистер Васадзе, вы не умеете писать сочинения так, как мы этому учим еще до колледжа, в школе, однако, к моему удивлению, у вас откуда-то есть такое отношение к книге, которое нам уже давно не удастся преподать нашим студентам-литературоведам». Когда я сказал ей, что это отношение отнюдь не является моим личным качеством, а скорее, представляет собой идеализм, присущий нашей грузинской, или, если угодно, восточно-христианской культуре, мне кажется, она не поняла, что я имел в виду.

В литературе «потерянного поколения» меня, наивного романтика, ждало много разочарований. Это был и явно высосанный из пальца и несоразмерно поставленный ряд с другими, по-настоящему большими произведениями «Тропик Рака» Генри Миллера, и, на мой взгляд, низменная и серая «Автобиография Элис Токлас» Гертруды Стайн, и не представляющая собой ничего особенного, по грузинским поэтическим стандартам, но возведенная американцами до небес поэзия Эзры Паунда. Но самым большим шоком для меня, конечно же, было открытие того, в какой мере литературная критика и связи управляли тем, что я по наивности считал результатом собственного индивидуального выбора и вкуса.

Дело ведь не только в том, что, к примеру, никому не известный репортер канадской газеты «Торонто Стар» Эрнест Хемингуэй перед отъездом с женой в Италию знакомится в Бостоне на «светском рауте» с Шервудом Андерсоном, который тут же дает ему совершенно непропорционально хвалебное рекомендационное письмо к «мамаше» американских кругов в Париже, Гертруде Стайн, где пишет: «Дорогая Гертруда, очень прошу тебя от всей души принять в свой круг и оказать всяческую помощь этому замечательному молодому человеку, который, поверь мне, однажды станет гордостью американской литературы». И это – о двадцатипятилетнем человеке, который к тому времени еще ничего не написал, кроме газетных репортажей и ничем не проявил себя, если не считать того факта, что в девятнадцатилетнем возрасте, работая водителем скорой помощи во время Первой мировой войны был ранен в мягкое место при оказании помощи раненному бойцу и, почему-то был признан чуть ли не первым американцем, получившим ранение в этой войне, из-за чего все американские дороги пестрели баннерами с его портретом. Что ж, будем считать это необъяснимым, почти гениальным провидческим даром крупного литератора Шервуда Андерсона, а не искусно продуманной пиар-стратегией в пользу писателя, в таланте которого я, правда, не сомневался ни прежде, ни после того, как узнал об этом случае.

Однако, уже тот факт, что, когда «потерянное поколение» стало набирать непропорциональный удельный вес в американской культуре, появился явный заказ на выискивание гениев среди их ровесников, не покидавших Америку, и именно на этом фоне теми же Шервудом Андерсоном и Эзрой Паундом был «откопан» и превознесен до небес Уильям Фолкнер, – это оказалось крайне удручающим для меня открытием. Ведь я, повторяю, мнил, что волен сам объективно выбирать, что мне нравится, а что нет, и что моим выбором из-за кулис никто не руководит.

Тем большим потрясением было узнать, что к тому времени, когда за Фолкнера взялись и начали его «продвигать», все его романы были уже написаны и частично изданы, но пылились на полке и никого особо не интересовали до присуждения ему Нобелевской премии в 1949 году.

Однако, как бы там ни было, а культура двадцатого столетия немыслима без «потерянного поколения». Чем же оно заслуживает внимание грузинского потерянного поколения двадцать первого столетия? Казалось бы, где их литературная традиция и где – наша, где их исторический момент и где – наш, где их проблемы и где – наши?

Но мне кажется, что это всё же не совсем так. Несомненно, врагу не пожелаешь подражать Хемингуэю в пьянстве и самоубийстве, и, тем более, копировать нрав и образ жизни Гертруды Стайн, однако в этих культурных американцах есть то, что представляется завидным и полезным лично для меня и для нашего поколения: это необузданное стремление передвигаться по планете, видеть свою страну со стороны, а после – вернуться в нее, чтобы служить ее культуре. Этого так не хватает нам, вечно поносящим себя и друг друга, нам – запертым в нашем маленьком мире носителям большой культуры, которую я в одном своем труде назвал культурой не-ищущего логоса, не для того чтобы нас обидеть.

И всё же, порой мне кажется, что наша не-ищущая статичность превращается в болото, особенно для тех, кому лень работать, кто хочет наживаться на ругани в адрес своей родины и измене ее традициям, чванливо подражая иностранцам.

Поэтому, нашему «потерянному поколению» так же не помешает много путешествовать, много читать и работать, объехать весь свет, но с условием, что всё это мы будем делать для Грузии, для ее традиций, для грузинской семьи, для поддержки и преумножения нашего народа.

Леван Васадзе.

13.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXIV Глава. Неавторский перевод

Что означает хорошее самочувствие и что означает плохое самочувствие? Что значит: жить хорошо и жить плохо? Казалось бы, это самые простые вопросы на свете. И, однако, я всю жизнь убеждаюсь, что нет вопросов более сложных.

В телесном разрезе вроде бы всё просто: если тело здорово, значит, ты чувствуешь себя хорошо. Но разве человек только плоть? Оказывается, в старину при болезни наши предки говорили: «Меня посетил Христос». В наше время это – невысказанная высота духа.

Или, к примеру, дети. Любой родитель скажет: только бы у детей было всё хорошо, а мне ничего не надо. Но в чем это выражается? В деньгах, карьере, квартирах и машинах? Нет, скажет большинство родителей – в здоровье. Действительно, у каких родителей не содрогнется сердце при вести о болезни сына или дочери? Этого не пожелаешь и врагу. С другой стороны, сколько мы знаем родителей, у которых дети здоровы и обеспечены, но именно от чрезмерной обеспеченности они, к сожалению, делают выбор, который, в конце концов, губит и плоть их, и душу? Разве наша страна не превратилась в кладбище, где толпы родителей стенают о погубивших себя детях?

Так что же означает: всё хорошо? Как учит нас наш Отец, материальное благосостояние, как таковое, не имеет нравственного измерения. Это просто средство. Всё дело в том, во что мы его употребим.

Если человек использует материальные блага, для того, чтобы возвеличиться, чтобы баловать детей, чтобы отгородиться от других, и, вместо того, чтобы уповать на Бога, давшего ему всё это, возлагать пустые надежды на материальные блага, – то он остается бессовестным и вскоре начинает мучиться.

Когда меня постигла эта болезнь, я (говорю, не хвлясь), в прошлом, когда только мог, очень многим помогавший другим, неизвестным мне больным, оказался не готовым к этому.

И, не смотря на то, что никто не знает, сколько будет длиться для меня этот путь – так как моя болезнь считается хронической, иными словами, почти неизлечимой, и неизвестно, сколько времени и средств потребуется на мое лечение, – но вот, пришли люди и предложили мне помощь.

Я их об этом не просил, сами пришли и сделали всё, молча, по-мужски, по-дружески.

Их имен я не назову, так как по опыту знаю, какие очереди встают перед твоим домом и везде, где ты появляешься, как только становится известно, что ты можешь что-то сделать для других.

Придет время и я, или моя семья не останемся в долгу у этих людей, вернем им всё, хотя бы для этого пришлось драться, но сейчас речь не об этом.

Еще несколько лет назад такая ноша показалась бы мне смешной, но Господь и тут показал свою десницу, – чего убоюся?

Но еще более трудно оказать человеку нематериальную помощь: служением, утешением, словом – всем, что мы называем добротой.

Я и в этом допустил немало ошибок из-за своей чрезмерной восторгаемости. Я даже не уверен в том, что, оказав помощь человеку, я каждый раз направлял его жизнь к лучшему, а не привел его к новому бедствию и соблазну, в том числе и по отношению ко мне.

Делать добро – не только материальными средствами, но и по-другому – надо с осторожностью и мудростью, но не в том смысле, когда человек, прикрываясь как поводом сложностью делания настоящего доброго дела, на самом деле ведет себя как свинья. Сошлюсь на свой скромный опыт: добро, сделанное от чистого сердца, пусть даже человек при этом допустил ошибку, Бог всё же исправляет ради этой чистоты – настолько, насколько это возможно в условиях жизни человека принявшего добро.

Однако, сколько мы знаем случаев, когда Бог попустил человеку наказание, а близкие оградили его от этого наказания, спрятав его, или дав кому надо взятку, вызволили на свободу, но после он попал в еще более страшную беду, чем уготованное ему наказание, или вовсе распрощался с жизнью, приведя в отчаяние и близких, и многих других.

Разве современная часть наших городских кладбищ, не превратилась в антологию подобных случаев, грозя поглотить город так, что мы уже скоро перестанем различать, где мы – мертвые и где они – живые?

Я обещал снова поговорить об архитектуре и на днях сдержу слово, но это будет не просто разговор об эстетике. Архитектурная политика это фундаментальная часть политики государства, от нее зависит демография, она влияет на экономику, безопасность, культуру, здоровье, вообще – на судьбу страны.

Сомневаюсь, что коррумпированные чиновники и предатели, утвердившие бессчетные проекты строительства жилых корпусов, несут меньшую вину в происходящей ныне гибели нашей страны, чем политики и журналисты. Они должны быть наказаны, увы, наряду с некоторыми архитекторами. Но об этом – отдельный разговор.

Вернемся к сегодняшней нашей теме: мне кажется, что жить хорошо значит творить добро.

Вдумайтесь: насколько мне известно, только в грузинском языке встречается такое чудо: слова „ბოჯოჯ“ (сикете – «добро») и „ჯოჯბა“ (кетeba – «творить, делать») – однокоренные. Это значит: если делаешь, то делаешь добро. В противном случае выходит, что ты ничего не делаешь.

Я четвертый год изучаю философию на академическом уровне и собираюсь понемногу говорить с вами и об этом. Чем больше я учусь, тем больше убеждаюсь в правоте Сократа, сказавшего: «Я знаю, что ничего не знаю».

Возвращусь к упомянутому мной очередному величайшему чуду грузинского языка. Уже ознакомившись с сотней философов (хотя, считаю, что даже посвятив этому всю жизнь, невозможно до конца постичь хотя бы одного из великих философов), прочтя тысячи страниц их трудов и всё ж оставшись неучем в философии, скажу, что это наше грузинское чудо созвучно основным задачам бытия и небытия, или, как у нас иногда переводят, сущего и не-сущего, которые ставили перед собой Парменид, Платон, Плотин, Хайдеггер и другие, но, в первую очередь, эти четверо столпов философии. Не сочтите это за грузинское бахвальство, но чудо нашего языка разом разрешает эту философскую задачу.

Один из великих афонских старцев сказал, что есть три ступени того, как Непомынаемый мешает человеку творить добро.

Первая заключается в том, что он просто различными уловками препятствует добрым делам.

Вторая, если человек преодолевает первую преграду, заключается в том, чтобы доброе дело получилось плохо, о чем я уже говорил выше.

Третью же преграду не преодолевает почти никто. Если человек проходит первую, то есть делает доброе дело, и вторую, то есть, это получается у него хорошо, на третьей ступени Непомынаемый вселяет в человека гордыню и заставляет его хотя бы про себя сказать: «Как же хорошо я поступил!» – и тут вся духовная польза содеянного человеком добра сразу исчезает, так как он забывает, что он всего лишь орудие добра, как и все другие орудия – одушевленные и неодушевленное.

Пусть Бог, а с Ним и закон и молитва наших великих предков охранят всех вас на этом трудном пути.

Сегодня исполнилось бы 100 лет моему покойному деду Левану Чантуришвили, чьё имя я ношу. Господь забрал его семнадцать лет назад, когда он ожидал моего приезда в Чала. Он умер на ногах, как подобает мужчине, только на миг прилег в гостинной зале, крикнул Бубе: «Голова!..» –

и, верю, отошел к праведникам. Наряду с моим отцом он привил мне все мужские качества. Дед был гением восхождения по всем трем ступеням добра, и делал он это с невероятной легкостью.

Леван Васадзе.

15.09.2021.

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XXV Глава. Неавторский перевод

Я обещал время от времени использовать здесь части из ранее опубликованных трудов, как я уже сказал – не потому, что мне лень писать этот дневник, а потому, что мысли, высказанные в форме теле-обращения или в какой-либо иной, воспринимаются по-иному, чем этот своеобразный жанр, с которым я сталкиваюсь впервые – эти электронные эхо онлайн-дневника. А ведь интересно было бы узнать, как поступили бы гиганты пера один на один с сегодняшним электронным пространством!

У Рея Брэдбери есть потрясающий рассказ, где герой с помощью машины времени вызывает из прошлого Томаса Вульфа, чтобы он описал красоты космоса: поднимает его, умирающего, с больничной койки и уговаривает совершить космическое путешествие, после чего своим мастерским пером так плавно переходит на вульфовский стиль, что не отличишь, и в этом стиле описывает космос, увиденный Вульфом.

В стихотворении «Иррубакидзе», упомянутом в предыдущих главах, эпиграфом к которому я выбрал свою любимую цитату из Робакидзе – хотя выбрать в его бескрайнем море что-то одно почти невозможно – я, вспоминая вышесказанное, призываю его описать возрождение нашего ЭРИ и страны, потому что только описанием возрождения можно противостоять описанию распада, ныне происходящего:

„...Страна моя – дару твоему поприще,

В снегу воссиявшая солнечной искрою,

Во тьме победившая бесовские полчища,

Смотри: полыхает радостью истовой.

Бурлящую новь ее – кому описывать?

Где ныне хронист, чье перо – Ниагарою?

Тебя я, как Брэдбери – Вульфа, вызову

Петь Грузию, вставшую из пепла старого...»

Кто-то цинично спросит, мол, что он несет. А я говорю о мечте и о неотъемлемом от нее, по милости Божьей, возможном действии. Но действие без мечты это всего лишь копошение в платоновском «свинополисе» – самой низменной, самой безобразной стадии, низшей из трех платоновских предметов политики, уродливого детища с Поэзии и Философии – которой нам так и не удастся избежать, сколько мы себя помним.

Возвращаясь к использованию в этом дневнике ранее написанного, постараюсь и в этих случаях не изменить главной задаче дневника, которую я четко обозначил в первой же главе: каждая глава должна кому-то чем-то быть полезной.

Эту статью я написал около десяти лет назад в Чала и опубликовал в несуществующем ныне журнале «Чвени Мцэрлоба» с таким заглавием: «Парадигма собирательного образа Левина и Вронского». Не думаю, чтобы статья многим попала на глаза: у нас ведь, вместе со всей остальной культурой убили и литературу, а вместе с ней, и журналы, разумеется, кроме либеральных.

И, поскольку мне вновь пришлось пребывать в России, при каждом взгляде из окна квартиры или больничной палаты, я и о ней думаю с сочувствием и душевной болью. Надеюсь этими мыслями частично выразить свои чувства к ней.

Всякий раз, читая Толстого, задумываюсь над трагичностью России. Как видно, каждый народ обладает особыми характерными свойствами; для России одно из таких свойств – пронзительное проживание трагичного.

Духовная трагедия потерявшего церковь и веру, умершего без исповеди и причастия графа Толстого явлена им же годами ранее в шедевре «Анна Каренина», вымученном им за четыре года.

Трагедия эта передана не столько трагичностью самой Анны – персонаж этот до сих пор поражает и завораживает культурно обедневший Запад тем, что посягнул на главную западную ценность: на собственную земную жизнь, – а в исканиях Константина Дмитриевича Левина, автобиографического само-отождествления с которым автору не избежать в моих глазах, чего бы ни утверждала ныне до невозможного растолстевшая толстология.

Великолепно решение великого писателя – спарить глубину исканий Константина Левина с его неустанной тягой к земледельческой деятельности. Мне, Георгиану, оставленному без земли и всю сознательную жизнь пытающемуся вернуться к Ней, это до боли близко и понятно. Хотя, не в обиду графу будет сказано, сами по себе глубины этих исканий кажутся мне местами скучными, местами – не такими уж глубокими, однако, быть может, в этом виноват я сам.

Вся палитра персонажей, верных городу и свету – начиная Степаном Аркадьевичем и кончая Гришей Веселовским – в сравнении с Левиным, несомненно, поверхностна и блекла. В этом заключается целенаправленный и, на мой взгляд, слишком неприкрытый символизм Толстого.

Драма Алексея Александровича Каренина, конечно же, велика, но мастер и его рисует визгливым, лишенным всех жизненных проявлений человеком, горожанином, не способным

живо реагировать даже на глубокое личное оскорбление. После знаменитой сцены родов Анны, простив ее, Каренин до конца романа остается озлобленным, бесчувственным, выжатым лимоном.

Измена жены – вечная фобия русского мужчины, часто покидающего дом при строительстве империи, в отношении к которой поведение грузинского мужчины и вытекающие из этого историко-геополитические последствия, возможно, заслуживают написания отдельной статьи – это, наверное, та причина, по которой роман «Анна Каренина» для русского мужчины всегда будет ближе, чем для мужчин других наций, так же, как и виртуозно описанная, порой стержневая натура русской женщины делает «Каренину» до скончания времен любимейшей книгой русских женщин.

На мой взгляд, граф Вронский – почти полностью пополняет собирательное авторское альтер-эго, которое Толстой распределил на несколько персонажей. Не только в силу мужественных качеств, само-отождествления с которыми не избежать ни одному автору (ни Амиреджиби – с Туташхия, ни Риду – с Джеральдом, ни Гюго – с Вальжаном), но и тем, что, спасаясь от позора, неожиданно для самого себя, бежит в деревню. Его земледельческая стратегия совершенно противоположная сельскохозяйственному мировоззрению Левина во всей полноте отображают колоссальную широту взглядов и практик самого Толстого по отношению к сельскому хозяйству, землеустройству, экономике и, исходя из этого, земному бытию русского человека.

И хотя для корифея, затворника Ясной Поляны, эти искания оканчиваются трагедией безбожия, кто способен угадать, что послужило ее истинной причиной: ожидание неминуемой губительной либеральной бури, попущенной над страной, как над любой, за грехи, или же личная слабость классика?

И в том и в другом случае, трагедия кончины Толстого – возможно, менее тяжкая, чем хемингуэвская, но, безусловно, удручающая – морозом русской зимы озеркаливает всю последующую, длящуюся по сей день трагедию русского народа, так хорошо начавшего, и так тяжело продолжившего, променявшего мир на войну, самооборону – на завоевание, добрососедство – на ссору.

В своём произведении граф нередко заигрывает с неприкосновенностью ортодоксальных границ личной и общественной жизни человека. Однако, в вопросе семьи, центральном для человечества, – картина разращения которой уже во времена Толстого удручала как в аристократической среде, так и в деревне (вспомним гуляние Стивы и Веселовского с деревенскими девками в ночь охоты), удручает и наводит на мысли о неизбежности нравственного регресса человечества, – писатель всё же, пользуясь термином язычников, остается верен логике кармической справедливости и вписывает в конструкцию сюжета судьбу Кити Щербацкой.

Эта невинная красавица – объект раздора авторских альтер-эго, в то же время, объединяющий их – вначале предпочитает блистательного Вронского кристальному Левину, после чего, чуть ли не ценой своей жизни, раскаивается в этой ошибке.

В свою очередь, Вронский в силу своей испорченности не способен оценить невинность; Кити для него, как сказали бы нынешние враги традиции, недостаточно для него интересна.

Но милость Небес превращает оскорбление отвергнутой Кити и мучения Левина в катарсис и дарует им счастье – мужественному земледельцу, тяготящемуся своим безверием, Всевышний дарует деву, чистую, как ангел, чтобы он мог лелеять ее, чтобы она преумножила его семья и наполнила семейным смыслом его отшельничество от иерихонской псевдо-культуры.

Именно через сердечное участие в таинствах венчания и рождества Левин исцеляется от безверия, столь мучительного для души чистого, порядочного человека. Кити – награда Левину за терпение и бескорыстное искание, а Левин – награда Кити за раскаяние.

Колыбель их сына, покачиваемая любовью, это истинный, хоть и численно меньший, но сильнейший противовес бессемейной судьбе потомкам Стивы и Долли, Анны и Вронского, иными словами – будущим каинитам, рожденным и выросшим без истинной, т.е. семейной любви, которые всегда будут преуспевать в карьере, и притеснять потомков Левина, но никогда не будут так же счастливы, как они.

Я сказал, что Вронский вместе с Левиным почти составляет авторское альтэр-эго потому что, на мой взгляд, Сергей Иванович отчасти тоже выполняет эту функцию. Быть может, не так явно, как писатель, отец главного героя в чиладзевском «Годори», но Сергей Иванович всё же носит некоторые черты самого Толстого. Своей несостоявшейся научно-писательской карьерой и, как возмещение этого разочарования, бурной общественной деятельностью в вопросах панславизма он, осознанно или неосознанно для автора, перекликается с его собственной разносторонностью.

Несмотря на то, что Толстой для меня менее любимый писатель, чем Достоевский, считающий, что великому писателю не обязательно вести опасный спор с Истиной, в нашей среде всё же невозможно представить современную мысль без Толстого.

Не столько потому, что тома непрочитанной классики с немым укором глядят на каждого из нас с книжных полок, а в большей мере потому, что коллизия между каинитским либерализмом и культурой семьи, терпения и счастья нигде не принимала столь трагичных масштабов, как это случилось в русском и, соответственно, частично, в нашем культурном пространстве. И возможно у этой коллизии и не было более великого летописца и жертвы чем граф Толстой.

Леван Васадзе.

17.09.2021.

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXVI Глава. Неавторский перевод

Вот, как я и обещал, разговор об архитектурной политике, в котором нам, опять же, пригодится часть одного из ранее опубликованных трудов. Если вторую часть XX века и начало XXI можно назвать веком опустошения наших земель, бессмысленного заполнения наших городов

безработными и, вследствие всего этого, веком нашего развращения, численного сокращения и нашей беды, и если мы, грузины, хотим вновь преумножиться и вернуть былое счастье, оставшиеся десятилетия XXI века мы должны посвятить прореживанию городов, освобождению их от избытка населения, их озеленения и украшения – с одной стороны, и заново заселения Грузии семейными, трудолюбивыми, терпеливыми и смиренными, помогающими друг другу и молящимися людьми – с другой стороны.

Для этого необходимы не только правильная экономическая политика, но и правильные архитектурные регуляции, но всё же главное это перемена в нашем народном сознании и новое народное движение, которое впоследствии исправит и политику. Мы должны раз и навсегда оставить провинциальный логос престижности городской жизни и укрепить в сознании идеал заселения деревни, а это – не производная экономической политики, а воплощение нашего поэтического и философского устремления.

Если бы экономической политикой можно было этому помочь, с нами бы не случилось всего того, что случилось в XX веке. В советской империи за каждое наше червивое яблоко прилично платили, для этого в Грузии была создана целая сельскохозяйственная система сбора и переработки. А мы, получив эти деньги, спешили в город, мечтая о джинсах и «Мальборо» и потешались над «женихами без диплома», будто бы все так уж стремились к образованию, на самом же деле многие из нас, таким образом, предавали грузинскую землю в погоне за праздной, разгульной жизнью и гедонизмом. Дети этих людей сегодня на проспекте Руставели сжигают книги, принадлежавшие их отцам с криками: «Все вместе против одного!», убежденные, что оправдывают этим своих бестолковых детей.

И, хотя они являют собой самый отвратительный пример антикультуры нашего homo urbanicus hedonicus, однако, боюсь, что и мы с нашими устремлениями не намного лучше. Мы, правда, любим грузинскую деревню и природу на словах, но на деле ничем это не проявляем: вместо того чтобы потратить на деревню лишнюю копейку, добытую в городе, мы – поскольку Тбилиси нам уже мало – шлемся по границам и, как истинные дикари, заримся на заграничные пластмассовые игрушки и стеклянные бусы.

У кинотеатра «Амирани», испытывая тяжелейшее давление со стороны полиции, чуть ли не в беспамятстве, став предметом насмешек и оскорблений глядящих на меня по телевизору, со своих диванов homo urbanicus, я с горечью думал о том, что кроме тех полицейских, которым явно неловко противостоять нам, есть и бессовестные активисты, хлопочущие о премиях. И вот, думал я, эти офицеры – рослые, упитанные деревенские увальни, прячущиеся за тяжелыми щитами, притесняющие меня десять на одного и норовящие при якобы коротких переговорах проломить мне втихаря голени так чтобы камеры не видели, за свою несчастную премию в 1000 лари, даже в сегодняшних условиях могли бы ежемесячно получать намного больше, трудясь на своей родной земле, если б только они не были генетически выведенными ленивыми быками, если б главной целью их жизни не была покупка мобильного телефона в кредит, хождение в бордель и наглое нарушение закона на охоте – одним словом, самые скотские развлечения.

Любому из них ведь, прошу прощения за жаргон, в падлу работать на земле, он горд тем, что его приняли в полицию, и оставшись эдаким полицаем со времен кровавого режима Саакашвили он ведет себя там тише воды, ниже травы.

В отличие от честного полицейского, которые, верю, у нас еще остались, эти, развращенные, первыми побегут от иноземцев солдат-карателей – притом, что бесы обвиняют меня в прокремлевскости – а их руководитель, какой-нибудь бессовестный политик, призовет нас обороняться вилками, а второй, не менее бесстыдный, предложит первому кохабитацию, полную неприкосновенность и комфорт парламентских премий, в то время, как Грузия, покинутая грузинами, плачет, наблюдая галдеж извращенцев и идиотов, заполонивших пару главных улиц столицы.

Однако, вернемся к жизненно необходимой для Грузии дезурбанизации, то есть к освобождению городов и заселению деревни. Поговорим об архитектуре. Как уже было сказано, дезурбанизация, в первую очередь, должна произойти в нашем сознании – как это случилось в моем и во многих других случаях – укрепиться в нем и объединиться в мощный поток.

Повторяю, поток этот должен быть движим не жаждой выгоды и обогащения, а желанием вернуться к нормальной, здоровой, спокойной жизни, полной труда и усталости, любви и семьи, веры и надежды.

Народ должен восстановить в своём сознании идею правильной и счастливой жизни, полностью отличной от изнурительных метаний в переполненном городе между публичным домом и казино, лавкой и лекарем, а после, уставившись в ужасное грузинское телевидение, тупых размышлений о том, как купить ребенку такую же вещь, как у его одноклассника, – это жизнь человека, преданного семье, в доме, стоящем на земле, где вся ежедневная деятельность, и физическая, и умственная, прекрасна настолько, насколько она обращена к извечной грузинской сказке и основана на человеческом трудолюбии и умении, всё равно, что бы это ни было: возделывание земли, устройство сельского винного туризма, основание театра в провинции, строительство производственного предприятия, работа инженером-программистом, финансистом в области лизинга сельскохозяйственной техники, труд художника, писателя, учителя истории или тренера по борьбе в региональном селе.

Не имеет значения, сколько ты при этом получаешь, главное, в чьем окружении ты живешь, как, каким трудом нажил то, что имеешь, как ты тратишь это во благо своего окружения и своей страны, а не только лишь жены и детей, которых многие, при этом, предают, пока каждый уткнут в свой гаджет.

За укоренением этой идеи в сознании народа, а главное, ее осуществлением, должен последовать соответствующий результат, основанный на общественной идеологии, в том числе и в экономической политике. Но упаси нас Бог надеяться лишь на экономическую политику, основывать на ней идею возрождения грузинской деревни и действовать с оглядкой на нее и, в целом, на государственную политику.

Города – я надеюсь, улучшенные, о чем речь пойдет ниже – навсегда останутся местом грешного разгула блудного сына, но, если мы, грузины – в первую очередь, старшее поколение, хотим оздоровления грузинского Не Ищущего Логоса, если хотим прожить праведную земную жизнь, мы должны жить и работать на земле, а не в городе. Должны восстановить единственную надежду на то, что наши дети благополучно минуют опасный возраст, не провалившись в пропасть: с детства привить им любовь к земле и традиции. Так мы возможно заслужим и мирную старость, трудясь по мере сил до самого конца, а не сидя сиднем на диване перед телевизором и ужасаясь кривляющимся, ржущим, бесстыдным шлюхам и мужеложцам, которых там большей частью показывают.

Для этого нам необходимо многое исправить, начиная с закрытия иностранной биохимической лаборатории и кончая полной переменой политического строя, но главное – выйти из безнадежного состояния, в котором мы находимся, прекратить ожидать «хороших» политиков в данной системе, понять, что почти всё, вплоть до изменения тех же политиков к лучшему, может измениться, если только мы, наконец, встанем с дивана и начнем действовать. Мы должны поверить, что спасение нашего ЭРИ возможно, если только мы с верой и надеждой вернемся к традиции, используя для жизни в ней любые современные средства, какие только создало человечество.

Архитектура – лишь одна из составляющих этого большого плана по созиданию и исправлению, это дело не демократии, а автократора, то есть, носителя единовластия.

Архитектурная шизофрения автократора-тирана Саакашвили, это отдельная эпопея. Шрамы от нее на теле нашей страны, быть может, так же глубоки, как и психические травмы, нанесенные им грузинской общественности.

Эпоху автократии Бидзины Иванишвили характеризует вторая крайность: невозможно понять, что он делает. Всем нам хорошо известно, что он делает лично, как благотворитель, и да поможет ему в этом Бог, но абсолютно ясно и то, что Грузия, находящаяся в его подчинении, ничего не делает для исправления нашей архитектурной катастрофы, в том числе и того, что было испорчено в правление Саакашвили.

Мне вспоминается, как Иванишвили, только придя в политику, издевался над мостом, выстроенным при Саакашвили – действительно, уродливым. Слушая его вместе со всеми, я тешил себя пустой надеждой на восстановление в стране справедливости и, в то же время думал, что этому человеку, ради его огромной благотворительной деятельности, чтобы не обидеть его, никто не скажет, что его постройки точно так же уродуют Тбилиси.

В конечном счете, вышло так, что критиковал он самого себя, потому что не знаю, что более уродливо – упомянутый мост или громоздкий Бизнес-центр, построенный по распоряжению самого Иванишвили в Тбилиси на возвышении, проект которого тот японец, как видно, набросал на бумаге, не удосужившись приехать и осмотреть место, и, нарушив все возможные законы пропорций позиционирования, опозорил себя на весь мир.

И хотя разница между построенным крупным благотворителем на собственные деньги, пусть и бессмысленно и непропорционально спроектированным частным бизнес-центром (он имел на это юридическое право, поскольку ему было выдано архитектурское разрешение) и построенными на народные деньги тираном Саакашвили мостом, «трубами», рейхс-резиденцией и другими уродствами, безусловно, огромна, однако приходится признать, что на самом деле ни то, ни другое не украшает нашей столицы. Мост и бизнес-центр – эта парочка стала неким архитектурным символом кохабитации этих двух политических сил: и то, и другое необходимо заменить, убрать как из грузинской политики, так и из грузинской действительности.

Кто-то может сказать: не время говорить об архитектуре, когда страна вот-вот обрушится. Но это большая ошибка. Рушится всё, кроме прочего, и потому, что неправильно построено, и я говорю здесь именно о важной составляющей предотвращения разрушения и начала правильного строительства.

Я твердо уверен в том, что спасение от этого разрушения не только в национальной идеологии: для этого нужно и многое другое, и среди этого другого архитектурная идеология занимает не последнее место. Она должна стать одним из проявлений нашей общей национальной идеологии, и я надеюсь, прочтя сегодняшнюю главу, многие согласятся со мной в том, насколько она важна.

Пока я размышлял, с чего бы лучше начать разговор на столь важную тему, так совпало, что мне вспомнилось, как мы с моим профессором-преподавателем изучали вторую волну гуманистов эпохи Ренессанса, и моё внимание привлек замечательный философ Леон Батиста Альберти, который, в отличие от Калючо Салютати, Леонардо Бруни и Поджо Браччолини, был еще и выдающимся архитектором.

Рассуждая об эстетике архитектуры, Леон Батиста Альберти, глубочайший философ и зодчий множества замечательных зданий и соборов эпохи Возрождения, высказывает поразительные мысли об основах эстетики. Я не поленился перевести для вас несколько его цитат. Философ сложнейшим языком, но с необычайной ясностью показывает нам, что основы красоты вечны и универсальны для всех мировых культур. Не имеет значения, о чем идет речь – о колхской башне, лечхумской «ода» (прим. переводчика: «ода» (“ოდა”) – западногрузинский традиционный тип жилого дома на сваях) или о палаццо эпохи Ренессанса – законы гармонии везде одни и те же, как в отношении самого здания, так и в самом главном: в его гармонии с окружающей средой.

Альберти пишет:

«Вся сила изобретательности, все искусство и умение строить сосредоточены только в членении. Ибо части всего здания, все особенности каждого из них и, наконец, сочетание и объединение всех линий и углов в одно произведение — все определя-ется с учетом полезности, достоинства и приятно-сти одним только членением. Если государство, по мнению философов, величайший дом, и, обратно, дом есть самое мелкое государство, то отчего не сказать, что и его мельчайшие члены: атриум, ксист, столовая, портик и тому подобное также суть некие жилища? И если в

любом из них что-нибудь будет оставлено без внимания по нерадению или по небрежности, разве это не повредит достоинству и славе всего сооружения?.....

..... Члены должны взаимно соответствовать друг другу, чтобы послужить основой и началом совершенства и прелести сооружения в целом и дабы что-нибудь одно, завладев всей красотой, не оставило всего прочего в обиде. Пусть они будут между собой так согласованы, чтобы казаться единым целым и правильно сложенным телом, а не растерзанными и раскиданными членами.

К тому же, украшая эти члены, следует подражать скромности природы, ибо как в остальном, так и в этом мы одинаково хвалим воздержанность и порицаем безмерную страсть к строительству. Члены должны быть и скромны и необходимы в том, что ты намереваешься сделать, ибо все существо строительства, если хорошенько всмотреться, вытекло из необходимости. Его взлелеяла выгода, прославило применение, и, в конце концов, оно должно было послужить наслаждению, причем это наслаждение всегда чуждалось безмерного. Итак, пусть здание будет таково, чтобы ему не нужно было больше членов, нежели у него есть, и тогда все, что у него есть, ни в каком отношении не заслужит порицания» (конец цитаты).

В целом надо сказать, что сужение мышления и накопленного с его помощью знания, его раздробление на постмодернистские фрагменты началось еще со смертью Ренессанса, проблеснувшего после окончания эпохи схоластики, в т. н. Новое время или модернистскую эпоху просветителей, в конце концов, принеших человечеству тьму атеистического либерализма, к концу XX века проводивших его до подземелья постмодерна, оставивших его там и потушивших свет.

Там мы и пребываем до сих пор вместе со всем остальным миром. До тех пор многосторонность мыслителей никого не удивляла. Надпись на входе в философскую академию Платона в саду Академоса, в пригороде античных Афин – «Не геометр да не войдет» – прекрасный пример холистического или целостного мышления, с которым богобоязненное, теоцентристское человечество прожило тысячи лет, прежде чем повалиться в безбожную, антропоцентристскую пропасть модерна и встать на апокалипсический путь модернистской энтропии.

Мы живем уже на последнем завитке этой энтропии, так сказать, на последнем повороте вниз и наблюдаем эту энтропию в нашей повседневности на каждом шагу. Достаточно присмотреться к тому, с какой поразительной быстротой окретинивается мышление окружающих нас людей, чтобы это стало яснее ясного.

Поворот вспять возможен лишь в случае противостояния этому процессу на уровне мышления и слова. Это намного важнее создания политической партии или другие формы т. н. «делания», как мы уже не раз говорили. Поэтому сегодня мы говорим о нашей бытовой культуре, вернее, ее архитектурной составляющей.

Я не архитектор, однако, очень уважаю это важнейшее для человеческого быта искусство. Среди членов моей семьи двое по профессии архитекторы, среди друзей – несколько.

В советский период у нас в Грузии была, в принципе, приличная по тем временам архитектурная школа, что и было видно на примере развития наших городов и сел.

С распадом Советского Союза исчезла и эта школа. Наши лучшие, чудом уцелевшие архитекторы сегодня сидят без работы, а в государственных ведомостях их места часто занимают молодые неучи со средним знанием английского языка, не знакомые с элементарными азами выносливости материалов и конструкции, не говоря уже об урбанистике, философии и общем жизненном опыте.

По своему сущностному определению, зодчий должен быть человеком опытным, имеющим в подмастерьях молодого, каким бы талантливым тот ни был, и никакая модернизация в архитектуре не может быть благоприятной без сохранения этой структуры.

В первую очередь, необходимо сказать, что архитектура это не только искусство и наука о формах и планировке зданий. Намного более важно то, что это наука и искусство планировки пространства земного человеческого бытия. С течением времени она меняется, но стандарты, характерные для правильной городской и сельской среды, неумолимы, определяются теми же строгими законами, что действуют в физике и биологии. И, поэтому она более или менее неизменна в своих логических основах и не полностью зависима от вариаций вкуса той или иной эпохи.

Сколько свободного пространства на душу населения должен содержать жилой район в данную эпоху, сколько лесопарков необходимо для здоровой городской жизни, сколько детских домов нужно на определенное количество детей, какой ширины должны быть тротуары и пешеходные зоны, чтобы город не стал для человека адом, как высчитать перспективу вида из нового здания, чтобы взгляд из его окна не упирался в угол уже стоящего здания – всё это и другие хрестоматийные архитектурные азы уже давно высчитаны и установлены мировыми архитектурными стандартами.

Всё это грузины уничтожили, как только распался Советский Союз. К тому же, уничтожили все вместе: и чиновник – тот, кто дал разрешение на безмерное строительство, и девелопер – нажившийся на этом, и покупатель квартиры – заплативший девелоперу, и архитектор – сделавший проект.

Обретя независимость и крича: «Хотим в Европу!», мы способствовали безвозвратной азиатизации Тбилиси, Батуми и других наших городов, так что, выходит, это и есть наша природа, а русские не только не запрещали нам Европу, но и навязывали нам ее. Достаточно сравнить фотографии, чтобы каждый, кто не слеп, согласился со мной. Зовите меня за это теперь агентом кремля!

Кроме того, архитектура имеет воздействие не только на эстетику. Она, в первую очередь, действует на психику, здоровье, продолжительность жизни, смертность, статистику заболеваний и, представьте себе, и на перспективу экономического развития. Уродливые города, с грубо

нагроможденными друг на друга домами ожидает соответствующая участь, в том числе, и в смысле экономического развития.

Уже ни для кого не секрет, что Тбилиси превратился в один из самых уродливых и непригодных для жизни городов мира – об этом пишут авторитетные иностранные издания и это понимает каждый более или менее образованный в эстетическом плане человек. Без всякого преувеличения можно сказать: насколько мы за этот период погибаем демографически, настолько велика наша гибель и в архитектурном смысле. Это, конечно же, не совпадение: одна беда питает другую.

Изучая один из статистических массивов, я невольно рассмеялся: догадайтесь, почему в районах Исани и Самгори преобладают фамилии, кончающиеся на «швили» („შვილი“), «оглы» („ოგლი“) и «ов» („ოვ“), а в Дигоми, Глдани и Нахаловке – фамилии с окончаниями: «дзе» („ძე“), «ия» („ია“) и «ава» („ავა“) – если не принимать во внимание волну внутригородской миграции последних 10 лет?! Эти топологические знаки нашей бестолковой урбанизации умиляют меня не меньше, чем эклектические тенденции в эстетике тбилисских кладбищ. В этой главе, конечно, всего этого не охватить, тот кто мыслит, поймет меня.

Лично для меня никогда не стоял вопрос: эмигрировать или вернуться на родину; когда у меня сгорел дом в братоубийственной войне в Тбилиси, и мне пришлось из-за крайней нужды уехать за границу, я непрестанно стремился вернуться на родину и помочь ей, чем только смогу. Естественно, как только появилась возможность, я так и поступил, как и многие наши соотечественники. Но естественно и то, что я уже не смог жить в Тбилиси, так как того, каким я помнил Тбилиси, к тому времени уже не существовало.

Я поселился неподалеку от города, в моём любимом дачном поселке Кикети (где еще с 1929-го года был Дачником мой расстрелянный в 1937 году прадед, писатель и драматург, глава Гурийского Землячества, Сио Чантуришвили, женатый на моей русской прабабушке Полине Николаевне Поповой), закопав в грязь и в скалы заработанные за границей средства на щебень и цемент, чтобы не раз услышать злобные окрики некоторых своих соотечественников: «Делом займись, делом!» «Почему школа у тебя платная, если ты хороший человек?» – об этом я тоже уже не раз говорил.

Я давно привык к этой тупости, несправедливости и завистливым обвинениям, но сейчас я с болью наблюдаю в Кикети то же психическое помутнение, что и везде.

Вокруг храма, школы и спортивных площадок, построенных нами, уже орудуют умники, лишенные фантазии, и, зная себе, лепят к бетонным оградкам всё новые и новые дома, совершенно катастрофические для данного пространства в пропорциональном смысле, создают себе убогие, тесные условия, где и сами не смогут жить счастливо, и других не обрадуют видом своего жилища.

И на западе, и в Советском Союзе культура ограждений была и есть на несравненно более высоком уровне: ограду строили на низком цоколе, сверху надстраивали прозрачное дополнение в виде решетки – металлической или деревянной, чтобы глаз видел дом, а дом – прохожего.

У нынешнего потребителя сознание, кажется, расщепилось, как атом: он возводит и возводит перед собой стены, не думая о том, что сам же и окажется в них заточенным.

Вообще, катастрофическая культура ограждений в Грузии – это отдельная боль. Помню, всё начиналось в моем детстве, когда после деревянных заборов, доски для которых поставляли обильно размноженные распилочные цеха, какому-то гению коррупции пришло в голову продавать населению выделенные «Госпланом» для грузинских аэропортов металлические пластины, предназначенные для настила под асфальтом взлетной полосы. Вам наверняка приходилось видеть эти уродства с круглыми дырочками, до сих пор оставшиеся во многих наших деревьях.

Этот акт показал гротескный аспект деградации нашей древней, великой сельской культуры: деревенский житель 60-70 годов решил похвастаться городскими связями перед односельчанами, но полностью огородиться всё же не решился и нашел компромисс между традиционной открытостью и индустриализацией в круглых отверстиях размером с кулак.

Но и это уродство ничто в сравнении с непроницаемыми бетонными и блочными стенами, возведенными по всей Грузии, так же, как и в Верийском квартале архитектура неприглядных «хрущевок» и «брежневок» победила архитектуру Горы Дум («Пикрис Гора» – „გორის დუმა“), ставшей уже «горой унылых дум» – всё это благодаря мафии девелоперов эпохи Шеварднадзе и их преемников-либерастов.

Исторические функции забора в Грузии – оградить сад и огород от возвращающейся с пастбища скотины в Колхети или залечь под каменный корэ с ружьем в засаде во время набега леков в Кварели – поразительным образом сочетались с бытом грузина, привыкшего вступить в разговор с прохожим, расспросить о житье-бытье, почувствовать себя частью общины. Увы, кто это помнит теперь?

Если грузинский homo urbanicus, зараженный провинциальной версией модернистского индивидуализма, почему-то возвращается жить в деревню, он первым делом отгораживается глухой стеной, чтобы, пляясь на нее изнутри, ощутить себя не частью мира и страны, а их атомом.

Это действие у него автоматическое, оно является серийной деталью штампованного мышления, хоть сам он и считает это проявлением своего индивидуализма, поскольку оторвался от традиции, а эстетического образования не получал. Поэтому наши глухие заборы – такой же яркий пример нашего провинциального мышления, как сооруженные жителями Папуа – Новой Гвинеи модели самолетов, или усы, пририсованные ими на побеленные известью лица – жалкие потуги подражания европейцам.

И разве дело только в оградах и пропорциях земельных участков? Посмотрите, что творится: катастрофическое стилистическое месиво, неопишущая безвкусица (часто, при этом, чем больше

у человека материальных возможностей, тем ужаснее результат), полное пренебрежение общественных проходов и площадок, циничная порча любого устройства, сделанного кем-нибудь для всеобщего потребления, и бессовестное использование этого общего в собственных целях; а сколько склок и низостей происходит вокруг земельных участков, добытых в 90-ые зачастую мошенническим путем – даром или взяткой; как часто при этом прибегают к жестокости и шантажу. Ведь всё это – показатель самого низкого уровня нашей бытовой культуры как в городе, так и за его пределами. Как сказал наш классик: «Не оттого мы убогие рабы, что бедны, а бедны мы оттого, что мы – убогие рабы» (1).

В Кикети дело дошло до того, что участок леса на нашей улице был выставлен для продажи на аукцион, чтобы продать, вырубить, застроить блочными домами, нажиться на этом и изуродовать наши места так же, как уже изуродовали Цкнети и все окрестности Тбилиси.

Ничего не меняется. Какой-нибудь чиновник в Министерстве экономики заботится о пополнении бюджета, а оттуда – собственного кармана, в то время, как Грузия всё более уродуется под бесконечный галдеж демократического разногласия, всё более отдаляется от призрачного образа Европы, о котором так мечтает (или на который рукоблудствует) наша темная либеральная элита.

Или вот еще: недавно я узнал, что небольшой клочок земли между жилым участком и проезжей частью, служивший для нас стоянкой для школьного транспорта, какой-то умник облюбовал себе для поселения, а другой умник, чиновник из Министерства экономики, продал ему этот клочок. Теперь этот милый человек поставит у нас перед носом бункер, обнесенный цементной стеной, и превратит с таким энтузиазмом лелеемое нами свободное пространство в подобие Цкнети и Тбилиси. Скажешь ему слово – обидится. Наверное, кто-то из его знакомых живет неподалеку, и он думает таким образом сделать жизнь более радостной и себе, и этому знакомому.

Меня поражает и удручает эта катастрофа сознания нашего народа: ты бежишь от урбанистического бескультурья, строишь в опустошенных селах храмы, школы, спортивные клубы, чтобы украсить своим трудом и заработанными за границей средствами хотя бы эту малую часть твоей Родины, улучшить быт живущих там людей, и взамен всего этого слышать неблагодарные насмешки и хамство из недр того ада, что когда-то звался Тбилиси, или видеть, как тот же Номо Urbanicus нагло селится у тебя под носом, совершенно игнорируя то, что люди сделали на этом месте до его прихода.

Никакой этики, никакой бытовой культуры, стремление только к самому низменному быту, которое поддерживают наши коррумпированные чиновники, распоряджающиеся самыми низкими строительными стандартами. Построив свой бункер, они оставляют вокруг него строительный мусор, который лежит месяцами, пока кто-нибудь другой не придет и не уберет за ними.

Как со всем этим быть? На мой взгляд, тут могут помочь лишь решительные идеологические перемены и строжайший надзор.

При нынешней политической системе это невозможно. Пока у власти остаются либералы, Тбилиси останется водоворотом, засасывающим всё остальное население и губящим нас бытовой деградацией, вызванной сатанинской архитектурой, а страну ждет дальнейшие беды и опустошение.

Никакого просвета в оздоровлении планировки жилых, производственных или торговых зданий ждать не приходится. Кажется, наши чиновники намного больше озабочены собственным имиджем и обогащением своих строительных компаний, чем архитектурной идеологией, в том числе необходимой для нашего выхода из демографической зимы. Мы всё еще пребываем в этом архитектурном кошмаре, который, естественно, неотделим от нашего бытового, культурного и, соответственно, экономического кошмара.

Лишь в случае перемены политической власти можно будет приостановить и обратить вспять этот и другие смертельные процессы. В условиях более сильного, централизованного управления всё еще возможно предотвратить убийство нашей страны, в том числе и архитектурное, возможно и ее оздоровление, хотя на это уйдет, самое меньшее, полвека.

После смены идеологии и формы государственности в стране, в первую очередь, необходимо восстановить иерархическую систему союзов опытных, профессиональных и именно заслуженных архитекторов, которая в течение последующего столетия должна хотя бы относительно спасти Тбилиси и остальную Грузию – в условиях строжайшего контроля строительной коррупции со стороны органов безопасности.

Основными направлениями деятельности архитекторских союзов, на мой взгляд, должны быть:

1. Столетний мораторий на постройку новых жилых корпусов в Тбилиси и его окрестностях в радиусе 20 километров, за исключением переделки фабрично-индустриальных зон советского периода, и то – при строжайшем соблюдении параметров;
2. Снос всех устаревших за последние 100 лет зданий Тбилиси и устройство на их месте парков и рекреационных зон в рамках т. н. единого «плана очистки и озеленения»;
3. Строжайший контроль на многоэтажное строительство в масштабах страны с полным запретом его в жилых целях – за исключением тех региональных городов, где демографической сбой не представляет собой проблему;
4. Строгий контроль параметров и пропорций при любом типе строительства, с возложением на девелопера всех обязательств по созданию необходимой инфраструктуры, связанной с этим строительством – это могут быть детские сады, площадки, школы, парки или автостоянки;
5. Разработка единой стилистики для жилых домов сельского типа, с учетом местных исторических особенностей того или иного края и помощь населению в переделке домов по этим образцам. В этом нам поможет закон о поддержке коммерческой недвижимости, подобный тому, который действует в Греции. Правда, я несколько раз пытался объяснить нашим пучеглазым правителям-либералам эту инициативу, греческое название которой звучит как «Анаптексия

Номос», которую я изучил, будучи советником по бизнесу в Афинах и приспособил к грузинской реальности, но убедить их мне не удалось.

Если мы будем целеустремленно и неустанно трудиться, то, уверен, мы сможем привести плоды нашей деятельности в соответствии с той райской природой, среди которой мы живем. В противном случае всё выглядит так, будто в раю поселились демоны из ада.

Один мой друг в течение многих лет изучал архитектуру традиционного грузинского дома, сравнивая его с традиционными финскими, немецкими и японскими домами. Результаты его исследования поразили меня. Мне запомнились две вещи:

1. Всего лишь каких-то 100 лет назад наши дома были несравненно более впечатляющи и красивы, чем дома этих трех глубоко уважаемых мною наций,
2. Все разновидности грузинского дома, не смотря на региональные различия между собой, резко отличаются от домов трех других наций одной деталью: если в японском, немецком и финском доме площадь общей комнаты или гостиной не превышает 35% общей площади, то в грузинских домах она превышает 50%, а иногда составляет две трети общей площади. При этом, не имеет значения, крестьянский это дом или княжеский. Иными словами, в основе грузинской культуры лежит не самоизоляция, не тяга к накоплению добычи в своей норе, а тяга к единству, к общности, которую можно возродить, если взяться за дело с умом.

Считается, что архитектура лучше всего отображает историческую печать, оставляемую той или иной идеологией на человеческом обществе. Насколько неорганична и убога наша сегодняшняя либеральная идеология, видно, в числе прочего, и по нашей архитектуре. Чем скорее мы, как со страшным сном, распрощаемся с либерализмом и сопутствующим ему архитектурным хаосом, тем быстрее почувствует каждый из нас тот ветер надежды, который вновь подует в нашем обиталище.

(1) Дмитрий Узнадзе: «Вот чего не хватает грузинскому народу».

Леван Васадзе.

18.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XXVII Глава. Неавторский перевод

Размышляя о потерянной сказке, я подумал, что только Адам и Ева могли вспомнить и представить уже увиденное, могли стремиться к нему обратно и скорбеть о нем в том первоизданном, еще безлюдном, но уже падшем мире.

Нам же и в самых смелых мечтах не приблизиться к тому, чего желает для нас Создатель.

Откуда же человек черпает вдохновение? Мы, поэты, ответим: как и Адам и Ева, в воспоминаниях об Изначальном.

И персидско-таджикский «Адам поэтов» Рудаки, и Хайам, и Руми, и Низами, и Саади, и Бараташвили, и Пушкин, и Терентий Гранели, и Галактион Табидзе, Важа, Есенин, Теннисон, Такубоку, Ли Бо и Ду Фу – все они сладко плачут об Изначальном.

В меньшей мере это проступает у творцов крупных эпических поэм, с чьей высоты Шота Руставели говорит обо всех прочих, что их стих пригоден “для шуточных поношений”, и это, казалось бы, естественно: большое полотно имеет другое содержание и у Руставели, и у Гомера, и у Алигьери и Шекспира, но и там, нет-нет да проглядывает эта извечная дума поэтов.

Пребывая в том Изначальном, поэт мог быть отчаянным, капризным, необузданным юнцом, но войдя в мужественный возраст, устремив взгляд на небосклон, он скорбит об утраченном. Это качество делает любого человека немножко поэтом, ибо никто не может не искать счастья и видеть его там, где он сам есть.

Я с особой остротой ощущаю это сейчас, в нынешнем моём положении. Не знаю, как это описать, но, несмотря на боль и страдания, почти снесенный к берегам Стикса, я чувствую мощные волны блаженства.

Царь поэтов (прим. переводчика: Галактион Табидзе) в воспоминаниях, где он «печалится» о том, что не имеет пальто, или еще о чем-то, описывает одно потрясающее мгновение, пережитое в квартире на Плеханова.

Он мельком упоминает, что, выйдя в освещенную солнцем лоджию, внезапно ощущает неимоверное счастье. Это чувство, не зависящее ни от чего земного, и ни один человек, даже сам Галактион, не может вызвать его силой воли, его дарует лишь Изначальное.

И, если вдуматься, царь писателей (1), до конца считавший себя поэтом – он и был великим поэтом, но, в то же время, был царем писателей – в своей неподражаемом стихотворении «Железная кровать» описал снаружи эту квартиру Царя Поэтов. Если вы не видели его лица на снимке, где он, лет двадцати пяти, в черном пальто провожает Царя Поэтов в последний путь, обязательно посмотрите.

Мне кажется, их жизнь – оправдание нашей жизни, даже если бы у нас не было неизмеримо бóльшего пред Богом в лице нашего монашества и наших святых.

Но даже если бы у нас были только эти двое и больше никого из великих, это уже придало бы смысл всему нашему ЭРИ, даже вместе с нашей бессмысленной современностью. Богу это известно лучше, чем нам, человечеству же – почти неизвестно.

Не спрашивайте меня о других, и уж тем более о Руставели – это Космос, это царь всего мирского, но нам здесь лучше не распыляться.

Как нам быть, чтобы вновь оправдать наше существование? Возможно ли в нашем захламленном быту найти ту фиалку, что своей нежностью пробьет бетон уродства и пошлости? Где ныне то, ради чего мы живем? Его Святейшество воплощает в себе это в полной мере, но неужели в миру таких не осталось? Неужели мы иссякли?

Или, быть может, они есть, но мы их не видим? Может быть, их много, а если не много, то хотя бы несколько? На что мы похожи – мы и остальной мир?

Что должно случиться, чтобы праведник проявил себя? Для этого нужно обратиться к Изначальному.

Это нытье о нашем ЭРИ, о вере, которую пытаются, дескать, у нас отнять горстка бесов и подчиняющиеся им вечные свиньи; этот Политикум, в который и мне пришлось втянуться после нескончаемого ворчания стоящих на берегу и тех, кто стоит между берегом и рекой; это ощущение болота – в миру, но не в Церкви; это наше неумение верить и в то же время усердно работать. Что же нам со всем этим делать?!

Самый пошлый ответ на этот вопрос таков: «Народ голодает, сейчас не время думать об этом». Чаще всего мы слышим это от тех, кто не особо голодает, но считает себя умнее других. «Практические люди».

Кто-то из них продался Матрице с потрохами, кого-то она не приняла и он, разобидевшись, по вынуждению примкнул к ЭРИ, но всё еще надеется урвать выгоду, кресло, должность. Если бы такой человек был хоть на что-то годен, он бы пошел работать, но он ленив.

Есть и хорошие, очень хорошие, но уже надломленные. Либеральный концлагерь длится вот уже 30 лет, а они ни разу не прикоснулись в этой газовой камере к единственному источнику кислорода – к Святому Причастию и к другим Таинствам. Для этого они слишком умны, слишком образованы. Если с ними об этом заговорить, они внутренне взорвутся от гнева. Так и сохнут как воблы прямо на глазах – а ведь люди хорошие. Та инерция, которую они сохранили с советского периода, то семейное воспитание и личные качества, которые их украшали, уже давно истратились, истончились, рассеялся и размазался и тот центр, что раньше, в 80-ые годы был четче сконцентрирован. Им ничем не помочь. Можно только молиться за них.

Так, где же отыскать народное ядро? Человека набожного, способного работать, как вол, умного и, в то же время, готового вечно учиться новому? Чаще ведь так: если работающий, то бес, а если верующий – ни на что не годен.

В этих полевых условиях возвращение к Изначальному – не только поэтическое, но и деятельное – и есть наш нынешний Дидгори.

Всё это тяжким грузом лежит у меня на сердце и сейчас, в болезни, когда врачи запрещают мне буквально всё, кроме лечения, и твердят, что, если я не хочу, чтобы все усилия оказались напрасными, мне ни в коем случае нельзя переживать. Но даже сейчас внутренний голос говорит мне, мы ничего не добьемся только своими силами.

Однако и Бог ничего нам не даст без наших усилий. Мы почувствуем его тихое дуновение, о котором писали несколькими главами раньше после урагана, землетрясения, и огня. В тот миг, когда нам покажется, что мы сделали всё, что могли, тихое веяние наполнит собой вены и сухожилия, сердце и разум Давида, и тогда рухнет Голиаф. Тот кто думает, что это возможно свершить, не выйдя на поле брани, не взяв в руки пращи, не повернувшись к смерти лицом, не пренебрегши насмешками «практичных людей», тот горько, очень горько ошибается.

А кто претерпит всё до конца в своей верности семье, соблюдении таинств, в упорном труде и учебе, в скорби о своих грехах и ошибках, тот сподобится увидеть Зарю Солнечной Ночи Его Святейшества. (2)

Всех с Рождеством Богородицы!

(1) Отар Чиладзе

(2) Святейший и Блаженнейший Каталикос Патриарх Всея Грузии, Архиепископ Мцхета-Тбилисский и Митрополит Сухумо-Абхазский, Илья II-ой, в нескольких проповедях называл все свое служение Солнечной Ночью.

© Леван Васадзе.

21.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XXVIII Глава. Неавторский перевод

Чем больше глав в этом дневнике, тем больше это меня удивляет и радует. Я снова пропустил три дня вместо одного: помимо химиотерапии, у меня вновь было острое ощущение, что я и по этому пути иду неправильно.

Быть может, в будущем я пожалею о том, что собираюсь написать в этой главе, так как публичная исповедь у нас не принята, да и не многие поймут меня, но что поделаешь.

Сколько ни кривляйся, мне не приблизиться к тому образу человека, к которому призвал нас Его Святейшество, сказав: будьте, как могилы, которых не обижает хула, но и не радуется похвала.

Это всегда давалось мне с трудом, особенно, с тех пор, как любовь к Родине и моя неугомонность вывели меня, поэта, на общественное поприще, будто бы не хватало того, что за четверть века до этого назад мне пришлось заняться предпринимательством, еще и вдали от Родины.

Если б я примерно тогда же по мере сил не начал жить церковной жизнью, даже не знаю, что бы я делал. Сейчас, с тех пор, как я повесил себе на шею ярмо ненавистной практической политики, всё стало еще тяжелее.

Всякое испытание Господь попускает человеку, для его же Блага. Кажется, я уже и раньше говорил о том, что в нашем удивительном языке слово «испытание» (განსაცდელი – гансацдели)

означает одновременно и то, что предстоит что-то испытать, прочувствовать внутренне (განიცადე – ганицаде), и испытать себя (გამოსცადე – гамосцаде) и ждать, набраться терпения (დაიცადე – даицаде – пережди) в пределах земного времени, уповая на то, что и это пройдет.

По какой бы причине со мной ни случилось то, что случилось, это попустил Господь! И я не уверен, что смог хотя бы приблизиться к правильному осмыслению этого испытания.

Эти проклятые мысли: если меня отравили, что вполне возможно, хочется воскликнуть: «Ох, эти сволочи!» Когда вижу, сколько людей мне сочувствует, невольно думается: «ах, какой я хороший!» и прочая дрянь.

А если это случилось само собой, то сколько же сострадания в нашем народе. И всё те же мысли о себе...

А ведь на самом деле, разве твои истинные ошибки и грехи хоть сколько-то сопоставимы с этим испытанием?! Но дело даже не в этом: сколько же осуждения таится у тебя в сердце, сколько непощения, сколько гордыни под прикрытием добра и любви к Родине!

И это время, сколько бы ни даровал его тебе Господь, отмеряно тебе для того, чтобы ты оплакал свои грехи и очистился от них, но разве этим ты занят? И для чего пишешь этот дневник? Правда, ты сказал: чтобы помочь другим. Правда, стараешься не читать комментариев, но ведь правда и то, что тебя радует похвала и обижает ругань, которая всё же до тебя доходит?!

Чему обижаться – клеветы или хулы? Но ведь на самом деле терпеть это лекарство от твоих грехов и ошибок, так почему же ты не благословляешь своих хулителей?

И что тебя радует в похвале? Ведь ты при этом уподобляешься ослу, на котором Спаситель в Вербное воскресенье въехал в Иерусалим, и который, по слову Иоанна Златоуста, услышав Осанну, решил, что приветствуют его.

Что нас спасет? Что спасет тебя? Кому уподобиться? Теперь ты понимаешь, почему Церковь никогда не благословляет человека на такой шаг, а лишь обещает молиться за него, если он возьмет на себя это бремя. А разве Церковь не молится для нас всегда и так?

С кого брать пример в этом злосчастном мире – и среди тех, кто пошел в политику, и среди тех, кто обеспокоен ею, одним словом, всем, кого афиняне не называли идиотес?

Каждый окормляется своей Традицией, и мы – своей.

В нашей Традиции лучшие люди это святые. Бóльшая часть их – мученики. Хотя каждый из тех, кто не был казнен, всё же прошел свой мученический путь, который проходит каждый человек, только, в отличии от других, прошли его праведно. Но всё же большинство святых – мученики.

И кто их мучил? В нашей традиции они, как правило, терпят мучения от своего же народа. Есть, конечно же, многие, мучимые иноземными завоевателями, сложившие голову в боях за Родину,

но большинство не таковы, даже с учетом ста тысяч, истребленных в Тбилиси и шести тысяч монахов – в Гарежди, с учетом массового мученичества от рук иноземцев, эти иные случаи, быть может, исчисляются большим количеством человеческих жертв, но, как количество случаев, их всё же меньше, чем принятие мучения от собственного народа.

Большая часть наших праведников была мучима и убита своим же народом за Истину. Або Тбилисский (Тбилели) был по национальности арабом, и для некоторых, почему-то «не считается», хотя почему. Но начиная со святой Шушаник и кончая Ильей (Праведным) Чавчавадзе – всех не перечислить.

Йотам (Йоафам) Зедгенидзе, или братья Карбелашвили, множество безымянных, проданных в рабство из Анаклии и других мест и умерших на чужбине, или юродивый монах Гавриил (Ургебадзе), который почил своей смертью, но кто переломал ему позвоночник? Кто колол ему яд в сумасшедшем доме?!

И разве не приняли муки и те, кого, казалось бы, никто не мучил? Когда Эквтиме (Эвтиимия) Такаишвили в конце его мученического пути, вернувшегося с чудом спасенным им кладом всех наших музеев из Парижа после ВОВ, выгнали из университета, и за его гробом шло не больше тридцати человек – чьих это рук дело?

Кто притих и ни слова не сказал в оправдание Дмитрия Кипиани? А еще прежде, в его бытность распорядителем (Моурави) семьи Дадиани, кто измотал его адвокатами, кто вынудил продать всё своё имущество и чинил препятствия во всех благих начинаниях? Сам он, быть может, с легким сердцем заступался за свой народ, измучивший его, но кто заступился за него?

А наши парни, что сидят в тюрьме по делу 5 июля этого года, пока я здесь борюсь со смертью, – интересно, сколько человек придет в воскресенье к зданию парламента с требованием их освободить, скольких этим бесам еще не удалось запугать, закомплексовать и свести с ума?

А в те дни, когда в Коджори и Кикети гибли юнкера, кто кутил в переполненных тбилисских духанах?

Кто ныне терзает и мучит святейшего и блаженнейшего человека из живущих среди нас, люди какой национальности, бывшие его приближенными, без конца предают его?

Почему так происходит? Значит ли это, что мы самые плохие в мире? В это я никогда не поверю. Это не так.

Причина в том, что наш ЭРИ, в соответствии с нашей Традицией, совершенствовался в вере, которая Истинна, иными словами: Истина для него превыше всего, даже национальной принадлежности.

Поэтому лучшие его сыны, к которым мы точно не принадлежим, обличают свой народ там, где ЭРИ отступает от Истины. Они это делают с присущей им любовью, но вечное большинство

карает их за это тем, что молчит и не вступает за них при их гонениях – писать комментарии в интернете, сплетничать во дворе и качать головой ведь ничего не стоит.

Так было и во времена ветхозаветной церкви.

Святых избранного Богом Народа, как правило, побивал камнями этот же народ. Они тогда звались Пророками.

Последним из них был Иоанн Креститель, которого так же обезглавил собственный народ – его элита – дойдя в своем ослеплении до того, что не опознала собственного Мессию и своими же руками отдала Бога на казнь римским оккупантам.

А все, кто уверовал в этого Истинного Бога, в первую очередь, мать святой Сидонии, скончавшаяся в Мцхета от стигмат Спасителя, в час Его распятия, сподобились этой Благодати, приняли этот крест: вырастить в своем ЭРИ праведников, которых свои же будут мучить и убивать за Истину.

Праведники, мучимые чуждыми иноверцами есть везде, каждый народ почитает их как святых, и я никого не хочу обидеть. И, хоть в нашей традиции и не принято сравнивать с Истинной Верой что-либо, находящееся вне этой веры, но мы, христиане, любим язычника Сократа именно за то, что и он принял ту же смерть, и сами афиняне раскаялись в том, что умертвили его, прокляв и наказав позже его убийц так же, как это происходило во всех подобных случаях.

Однако, легко задним числом оплакивать погибших, валить вину на прежнее правительство, на прошлое поколение. А разве не вечно так поступаем мы – жаждущие похвалы и обижающиеся на хулу?

Заступить за праведника трудно в тот момент, когда подученная злобой Иродиадой дочь ее Шломит или Саломея вынуждает распаленного страстью собственного отчима и дядю Ирода исполнить страшную просьбу: принести ей на блюде голову Иоанна, томящегося в темнице; когда римляне во имя святости империи кидают своих же латинян на растерзание львам в Колизее; когда по приказу императора Диоклетиана колесуют каппадокийца Георгия, возможно, по происхождению Георгиана; когда родной отец, богач и представитель элиты живьем терзает и обезглавливает святую Варвару; когда русские и грузины расстреливают и мучают собственный народ во имя Маркса, Ленина или того же Сталина – кто принял бóльшие муки, чем эти мученики, и возможно ли перечислять их всех?

Вот, что спасет от несчастья нас всех и меня, в том числе. Мне кажется, не имея любви, я не способен не только правильно осознать это испытание и, соответственно, справиться с болезнью, но без любви я ничего не могу делать правильно. А о какой любви может быть речь, если каждый из нас погружен в самовосхваление и осуждение других – здесь я не имею в виду осуждение греха и, тем более, его пропаганды, и противостояние греху.

Быть может, мне не дано понять этого до конца, но мне кажется, единственный путь человека – тем более, если он вырос в Истинной Традиции – это молитва, обращенная, в первую очередь, к

святым праведникам, которые живее каждого из нас. Молитва о том, чтобы они хоть немного приблизили его к истинному образу человека, тому образу, который они собой являют.

Нет ничего выше этого, и нет ничего сильнее – ни наша дорогая национальность, ни полые идолы Гаца и Гаима. Соблазнившись подобным бредом, мы тот час же оступаемся в Модерн, становясь или нацистами, или марксистами, или либералами, и перестаем быть ЭРИ, состоящим из потомков Адама, то есть Адамиани (примечание переводчика – по-грузински Адамиани – ღოდობო, значит человек, т.е. тот, кто носит качества Адама.)

Леван Васадзе.

24.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXIX Глава. Неавторский перевод

Двоюродный брат моей прабабушки, Эсмы Гагуа, супруги Иосифа Васадзе, Исидор Гагуа был известным в Тбилиси зубным врачом. Его квартира, она же – рабочий кабинет, располагалась в самом начале проспекта Руставели, в доме, на месте которого сейчас стоит здание телеграфа. В ту пору проспект Руставели носил имя наместника русского царя на Кавказе, генерала Головина, и по нему ходил первый трамвай.

Дедушка Исидор считался ведущим специалистом по зубной косметике, то есть, эстетической стороне, в области же лечения зубов был другой корифей – Апполон Урушадзе, представитель близкой нам семьи. Его внучка Паола Урушадзе – известный поэт и переводчик поэзии, и ближайшая подруга моей матери. Когда моим дедушке с бабушкой, Епифану Васадзе и Тамаре Кипиани, не с кем было оставить детей, они приводили моего отца и мою тетю, покойную Нану Васадзе, к дедушке Исидору.

Отец накопил в этом доме много воспоминаний, пронес их через всю жизнь и, благодаря прекрасному дару рассказчика и писателя, частично передал их мне. Его Святейшество всем нам дает благословение писать дневники и воспоминания о наших семьях, и в этом благословении, как всегда, заключены величайшие любовь и мудрость.

Часть воспоминаний, вошедших в этот дневник, касающихся Галактиона и Бесо Жгенти, или стихов, которые Важа-Пшавела посвятил моей второй прабабушке Лизико Лекишвили, нигде не описана историками. Так теряется история нашего ЭРИ.

Даже если это не касается кого-то из великих людей, история каждой семьи интересна сама по себе.

Мы имели бы намного более полную летопись последних веков и знали бы о себе намного больше, если б не пренебрегали необходимостью вести записи о происходящем.

Описывая историю собственной семьи, каждый из нас вносит свой вклад в созидание нашей культуры и истории.

К примеру, известно, что исландские саги это не что иное, как традиция исландского народа записывать события, случившиеся с их семьей, а ведь без преувеличения можно сказать, что вся исландская культура и всё, что собой представляет исландский народ, стоит именно на сагах. Эта культура жива ими, жива до сих пор, по этим бессмертным сагам снимают известные сериалы, вдохновленные ими простые исландские рыбаки играют в футбол чуть ли не лучше всех, и весь этот материал на самом деле создан семьями, а не историками.

Поэтому, совсем не обязательно, чтобы историю писали только историки, это часто даже вредит истории. Вернее, у них, как ученых, иные задачи, чем у каждого из нас.

Мы, обычные люди – первоисточник истории. Мы способны принести радость нашим друзьям и близким внутри нашего общества тем, что перескажем и запишем историю своих семей и свою собственную.

Я недавно приступил к более или менее систематическому изучению истории, как науки, и могу сказать, что среди великих историков – таких, как Фернан Бродель, Арнольд Тойнби, Гилберт Кит Честертон, Робин Джордж Коллингвуд, Уильям Макнилл, Джон Тош, Анри Корбен, Жорж Дюмезиль, Лавис и Рамбо, Лев Тихомиров или Марк Блок – часто в той или иной форме встречается мысль о том, что никто не искажил историю в такой мере, как это сделали сами историки, особенно, представители модерна и позитивизма.

В этом отношении, просто рассказать ту или иную историю, тем более, если это делается с бережной любовью – большое дело, хотя бы и в пределах этого Дневника Немощного.

Наконец-то у меня появилась возможность читать воспоминания моей покойной тети, которую я называл летописцем семьи Васадзе и просил записать всё, что ей запомнилось с детства. Благословляю ее за это. Несмотря на болезнь, Нана – это воплощение доброты и ласки – исполнила мою просьбу, чем оказала неоценимую услугу нашим потомкам.

Другую часть событий, которые будут рассказаны здесь, я услышал от отца. Эти дорогие моему сердцу брат и сестра, как видно, унаследовали дар писательства и красноречия от родителей, так как дедушка Епифан был большим ученым в области биологии, а бабушка Тамара – легендарной личностью, пережившей Ленинградскую Блокаду, она выжила и написала о тех днях дневник, известный, пожалуй, каждому блокаднику. Этот дневник стал главным подарком Грузии к 300-летию города Санкт-Петербурга. Она же перевела на грузинский язык «Золотого осла» Апулея и «Гойю» Лиона Фейхтвангера.

К дедушке Исидору, – рассказывает отец, – по утрам иногда приходил хмурый, но вежливый человек с дрожащими руками. Он с большим почтением передавал дедушке несколько бутылей, наполненных темной жидкостью. Дедушка Исидор благодарил его, платил ему деньги и провожал до дверей.

Позже отец заметил, что дедушка Исидор тайком выливал жидкость в раковину, ополаскивал бутылки и отдавал тому человеку взамен полных.

– Дедушка Исидор, что в тех бутылках, которые тебе приносит тот человек, а ты выливаешь в раковину? – не утерпел однажды отец.

– Это сок дикого винограда, Шио, – признался дедушка, – который этот человек собирает на склонах Черепашьего озера, выжимает и приносит мне, как полезное для моей работы вещество.

– Почему же ты его выливаешь?

– Потому, что на самом деле оно мне не нужно, сынок.

– Зачем же ты напрасно мучаешь этого человека? Если хочешь помочь, просто дай ему денег.

– Как можно, сынок, – ответил дедушка Исидор, – так человек испортится.

В нашей жизни такой уровень нравственности уже почти невыносим. Либо забытое, либо искаженное понимание Христианства, после долгого разрыва понятое зачастую крайне поверхностно, так как мы не хотим углубляться в его таинства и жить им, неизбежно несет за собой деградацию нации. Никакая политика и реформы, никакое экономическое развитие, т. н. прогресс не смогут нам ее заменить.

Однажды к дедушке Исидору пришли близкие знакомые и сказали:

– Отец нашего семейства сошел с ума, ни один психиатр не может ему помочь, может быть, ты поможешь?

На вопрос дедушки, что с ним такое, ему ответили:

– Уже несколько месяцев, как он ходит и твердит, будто у него на голове стоит двухлитровая бутылка, и он никак не может ее снять. Во всем остальном он нормален.

Дедушка велел привести его. Открыв двери измученному врачами человеку, подозрительно озирающемуся на всех, он сразу же спросил его:

– Что это у тебя на голове, приятель?

– Ты тоже видишь? – изумился отец семейства.

– Как же мне не видеть двухлитровой бутылки, я же не слепой?!

– Ох, дай тебе Бог здоровья!

– Иди, иди, попробую как-нибудь снять ее с тебя.

Усадив беднягу в стоматологическое кресло, он крепко привязал ему запястья ремнями, которые в то время имелись у всех таких кресел. Потом достал свой крючок и ланцет, склонился над его головой и пару раз сделал пациенту так больно, что тот закричал. Сам тоже взмок от усилия и, задышавшись, сказал:

– Сегодня больше не смогу, иди домой, ложись спокойно спать, может быть, завтра закончим.

Назавтра человек с забинтованной головой, но обнадеженный, снова пришел к нему и робко сел в кресло. Дедушка снова помучил его, заставил покричать и наконец, воскликнув: «Ну, вот!» сбросил на пол двухлитровую бутылку, которую прятал за спиной. Она в дребезги разбилась об пол.

– Бог тебя наградит, Исидор! – вскричал обрадованный пациент, ощупав себе голову, – Никогда не забуду того, что ты для меня сделал! – после этого он вернулся к семье, здоровый и спокойный.

Приезд в Грузию Никиты Хрущева непосредственно коснулся дедушки Исидора. Во время визита «императора» – явного грузинофоба и тайного русофоба – у нас случилось много знаменательных происшествий, не миновавших и моего предка. Вы наверняка видели эти кадры кинохроники, на которых наша элита с тем же энтузиазмом встречала Хрущева, с каким их дети и внуки встречали Джорджа Буша.

Известна не одна хамская выходка Хрущева, из тех, что он позволил себе, будучи гостем благороднейшего Василия Мжаванадзе. Это происходило до того, как он отнял Крым у России и отдал его Украине – оправдав это решение тем, что оно, якобы, облегчило строительство ГЭС и водного канала.

Когда он спросил, почему у нас принято оставлять «пупки» от хинкали и, получив ответ, что это традиция, он проворчал: «Зажрались!», а по возвращении в Москву отдал приказ «Госплану» сократить республике квоту на муку.

Когда он вместе с Мжаванадзе сидел в «Пацхеби» (прим. переводчика: простая ограда с навесом, «ფაჯბეზი»), великодушный шофер-кахетинец Василия Павловича принес к столу собственноручно зажаренные им сочные свиные «суки» (прим. переводчика: «ბუჯო» – мясо со спины) и наивно предложил двум начальникам: «Ешьте суки», – никакие пояснения неправильного перевода не могли успокоить Хрущева, и после этого случая того шофера никто не видел, во всяком случае – на службе у Мжаванадзе.

Именно Хрущева мы должны «благодарить» за открытие в Верийском Саду первого пункта для выдачи морфия наркозависимым, с чего и началось наше растление, жертвы которого на сегодняшний день почти что приравниваются к числу погибших в Великой Отечественной Войне, и которым не будет конца до тех пор, пока мы не уничтожим либеральное государство и не создадим новое, на основах ЭРИ.

А начался визит Хрущева так. На подходе к Сухуми внезапным толчком поезда у супруги Хрущева выбило передний зуб, потому что как раз в этот момент она пила грузинский чай, и стакан на подстаканнике стукнулся о ее зубы. Не могла же она с выбитым зубом приехать в прекрасный, ныне превратившийся в ад Тбилиси. В Гори срочно, экстренным образом вызвали дедушку Исидора вместе с его бормашиной.

Гостья осталась очень довольна работой зубного врача, и с тех пор супруги функционеров со всего Советского Союза встали в очередь к дедушке Исидору, как к «врачу супруги Хрущева».

В то время у него не было семьи, и одна женщина негрузинского происхождения помогала ему по хозяйству. В один прекрасный день квартиру-кабинет дедушки Исидора ограбили и унесли из сейфа золото для зубных коронок, что крайне обеспокоило этого порядочного человека. Подозрение пало на прислугу, которая потом исчезла. Но, если вдуматься, подобными подозрениями и по сей день полнится наш до неузнаваемости изуродованный город, который спасет лишь столетний мораторий на строительство жилых зданий, а так же столетний план на озеленение и разрежение жилых массивов, наряду с правильной стратегией дезурбанизации в масштабах всей страны, о чем я уже писал в одной из предыдущих глав, посвященной архитектурной политике.

В истории нашего семейства считается, что и эта ветвь рода Гагуа – гурийцы, хотя, явно мегрельское происхождение этой фамилии не оставляет сомнений в том, что по крови я не только месх (Робакидзе называл Гурию странным осколком Месхети), но и колх, если не считать двух моих бабушек-княжон, моей дорогой Мариам (Бубы) Абашидзе – красы Верхней Имерети, которой на днях исполняется 101 год и от которой скрывают мою болезнь, но боюсь, она обо всем догадывается, и Тамары Кипиани, у которой сванские корни, и о которой я расскажу как-нибудь отдельно.

Если такие воспоминания чего-то сто́ят – а я знаю, что многие этим занимаются – то, быть может, нам почаще писать их друг для друга, надо ведь чем-то облагораживать наше общее, переполненное «сэлфи» и пустыми, а часто, увы, и ехидными комментариями, киберпространство.

Каждый человек нуждается в ласке, и если мы ласково помянем наших предков, они поглядят нас по голове невидимой рукой, и в этом прикосновении будут мягкость и утешение, целительные для нашего духа и плоти.

Леван Васадзе.

25.09.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

В этот вечер у меня была назначена онлайн встреча с нашими эмигрантами, и я весь день думал, что не смогу ее провести, но, с Божьей помощью, к вечеру мне стало лучше, и я нашел в себе силы на эту беседу.

В ходе примерно двухчасовой беседы, после того, как я, по обыкновению, ознакомил наших сторонников с нашими взглядами и идеологией, наряду с другими вопросами мне задали и такой: как я отношусь к тому, чтобы в Грузии (по примеру Греции) православие было объявлено государственной религией.

И, не смотря на то, что я много думал об этом и не раз отвечал на подобный вопрос, эта тема и на этот раз заставила меня крепко задуматься и привела примерно к таким мыслям.

Для начала, поскольку мы находимся в условиях тоталитарной либеральной оккупации, то весь перечень проблем, которые мы обычно обсуждаем дважды в неделю, во время онлайн-встреч с нашими сторонниками, неразрешим до тех пор, пока мы не освободимся от этой оккупации.

Я не раз говорил, что эта оккупация намного страшней и беспощадней для нашего ЭРИ, чем даже этнофашистская оккупация Абхазии и Цхинвали, откуда 400 тысяч грузин были изгнаны за грузинское происхождение – усилиями наших сепаратистов, при поддержке либеральных сил Кремля, которые плотно засели там со времен Ельцина, преследующих в нашем регионе общую цель, рассорить, раздробить и уничтожить наши братские народы.

О том, насколько разрушительно действие либерально-глобалистской оккупации остальной части страны для нашего ЭРИ, я на основе цифр и доказательств говорил три года назад в своем теле-обращении, которое можно найти на Ютубе под заголовком: «Леван Васадзе – Двойная оккупация». Интересующиеся могут посмотреть (1).

Что касается объявления православия государственной религией у нас по примеру Греции – я считаю это крайне серьезным делом, которое необходимо осторожно и глубоко обдумать, во всяком случае, на данном этапе.

Во-первых, хотя у нас больше девяноста процентов населения – крещеные православные и «доверяют патриарху» (что за idiotская формулировка, используемая в вопросниках либеральными социологами!), но, к сожалению, большинство этих людей –христиане лишь номинальные, так как, не смотря на крещение, они не живут церковной жизнью.

Это значит: не ходят в церковь хотя бы раз в неделю, не причащаются даже раз в году (в старину тех, кто не причащался три недели, уже отлучали от церкви), не говоря уже о ежедневном чтении Святого Писания, Псалтыри и житий святых, что является сладостным долгом каждого христианина. Они считают, что православие у них «в крови» и, чтобы засвидетельствовать это, достаточно регулярно произносить тост за патриарха, чокаться и, кроме того, ругать мужеложцев.

Никого не хочу обидеть и никого ни к чему не призываю, так как, давно убедился, что это всё равно ни к чему не приводит, но с тех пор, как развалился Советский Союз, единственная перемена для таких людей заключается в том, что если раньше на панихиде они рассматривали друг друга у подъезда, то теперь им время от времени приходится делать это во дворе храма, а присутствовать в храме при отпевании и молиться за упокой души преставившегося для них просто немислимо. Такие часто не присутствуют даже на венчании собственных детей, руководствуясь коммунистическим пережитком, что, якобы, «не положено», а вместо этого суетятся вокруг праздничного стола.

Если в данном положении, наше либеральное правительство, ко всему прочему, вдруг, ни с того, ни с сего объявит православие государственной религией, я далеко не уверен в том, что это большинство скажет: «А, ну раз так, буду теперь ходить в церковь». И я не думаю, что таким образом в Грузии умножится истинное христианство, называемое солью земли.

Я скажу вам, что в таком случае умножится. Во-первых – высокомерие той части паствы, которой кажется: раз мы ходим в церковь и носим шапки с крестами, то мы не первые среди грешников. Во-вторых, возрастет процент стремящихся к карьере священнослужителей, которыми любя церковь, как мхом, обрастает в промежутках благополучия, и от которых она очищается лишь в пору гонений, и то на короткое время. В-третьих: в церквях возрастет число чиновников с метровыми свечами, которые, по выходе из церкви тут же примут антидискриминационный закон, или продолжат декриминализацию и культивацию наркотиков и будут без конца позорить имя христианина в условиях либеральной республики.

Кроме того, в таком случае слегка изменится схема дискредитации патриотизма со стороны глобалистов и большой части службы госбезопасности, находящейся под их влиянием, и те фашисты, которых они сейчас финансируют (о чем я писал в одной из предыдущих глав) будут вынуждены «воцерковиться», а это еще хуже, чем было раньше.

И, если подумать, что выиграла сама Греция от этого закона, текст которого я, признаюсь, еще не читал? Разве в Греции извращенцы проводят меньше т. н. парадов, чем в других странах? Разве церковь терпит там меньше нападков, чем в других либеральных республиках?

У нас, если на то пошло, действует целый конкордат, в пределах которого оба субъекта – Церковь и государство – объявлены равноправными, но кто-нибудь читал этот конкордат и входящий в него кодекс взаимоотношений этих субъектов? И разве наша либеральная республика исполнила хоть один из пунктов этого конкордата?

Считается, что в восточном, то есть православном – т.е. правильно славящем Господа христианстве, в лоне единой Церкви есть условное разделение на греко-византийскую, т. е. государственную, и антиохийско-сирийскую, т. е. аскетически-монашескую церковь. Канонически обе едины и обе необходимы обществу, но содержание и история у них разные.

Первая явилась миру, когда Римская Империя погубила сама себя убиением христиан. При виде первомучеников в сердце каждого язычника пробуждался Христос, и этим число христиан лишь множилось.

К концу II века и началу III число последователей двенадцати ловцов человеков в империи возросло настолько, что признание христианства святым императором Константином и святой императрицей Еленой было не более, чем подтверждением действительности.

И Тертуллиан, правда позже впавший в ересь, в своем обращении к сенаторам сказал: вот, вы хотите, чтобы мы, христиане, оставили города империи и перестали быть ее частью, но вы не понимаете, что, если это случится, вашими городами овладеет тишина, так как вы не ведаете, сколько нас.

Еще до Крестовоздвижения, которое мы отпраздновали на прошлой неделе, за провозглашением христианства имперской религией последовал выход из катакомб десятков тысяч прятавшихся христиан, поколения которых выросли в катакомбах, и также выявление тех, кто их укрывал и кормил всё это время.

Однако, у этих святейших людей сразу же зародилось сомнение, что христианство отныне ждет новая, еще неизведанная опасность: слияние с земной властью, то есть, властью Непомынаемого, компромиссы, связанные с этим слиянием и отказ от готовности принять крест в пустых стараниях построить рай на земле.

Именно тогда эти великие подвижники решили вырваться из оков псевдо-идиллии и, поскольку возвращаться в катакомбы их никто не заставлял, устремились в пустыни – места, где Спаситель постился и был искушаем Непомынаемым.

Тогда и возникла традиция монашества: вначале – сирийско-антиохийская, а после распространившаяся повсеместно, благодаря житиям Антония Великого, преподобного Макария Великого, Афанасия Великого, а, впоследствии, и Савватия Очищенного, святого Зосимы и других. Ими основано главное спасение человечества – монашество, и в мире нет ничего слаще, чем чтение их житий.

Или посмотрим, что происходило у нас в те же века.

Не смотря, на то, что первые христианские общины в нашем Первом Уделе Богородицы, с ее же благословения, были созданы Андреем Первозванным, трижды проповедовавшем в Грузии, во время которых проповедей его сопровождали святой Симон Кананит и святой апостол Матфий, заменивший Иуду Искариота, оба принявшие мученическую кончину у нас, по причине нашего идолопоклонства, продолжающегося и по сей день, – не смотря на это, для распространения христианства среди наших элит понадобилось еще 300 лет.

Вскоре стало ясно и то, что принятие истинной веры на византийский манер святыми правителями – царем Мирианом и царицей Наной, благодаря равноапостольной Святой Нино,

всенародного крещения в месте слияния Куры и Арагви и провозглашение православия государственной религией не смогло полностью укоренить в народе христианства.

Уже в конце IV и начале V века почти пол империи охватила ересь монофизитства, то есть учение об единой природе Христа. Навсегда сбив с пути истинного многих наших соседей, она довольно сильно укоренилась и у нас. В нашей историографии принято считать, что у нас она захватила больше половины населения и духовного сословия.

И что же спасло нас от этого отступничества? Антиохийско-сирийская ипостась Церкви, когда с миссией борьбы против ереси к нам явился Иоанн Зедазенийский с двенадцатью ловцами человеков – двенадцатью ассирийских монахов-аскетов. Своей святой жизнью и чудесами они укрепили народ и духовенство в истинной вере и создали тринадцать топосов, тринадцать святых мест, вокруг которых образовалось то, что мы называем традиционной Грузией, плодом которой стала самая долгожительная в мире царская династия Багратиони, правившая 1100 лет и подарившая христианскому миру двенадцать святых благоверных царей – это наибольшее число, которое не смогла превзойти ни одна другая династия в мире.

И как же низко мы пали сегодня, если мы, вместо того, чтобы крепко держаться за их потомков, чудом дошедших до наших дней, мы, следуя советским штампам, обманутые бесовской либеральной пропагандой повторяем: «Какой там царь!» – и считаем себя ужасно умными, обсуждая и критикуя внешность кого-нибудь из потомков рода Багратиони.

А ведь если бы не величайшие заслуги ассирийских отцов в тот переломный период нашей истории, неизвестно, как сложилась бы судьба нашего народа и его верности Истине и, соответственно, кем бы мы были в этнокультурном и личностном смысле, да и были ли бы мы вообще.

Задумаемся над тем, почему сегодня наш народ любит патриарха. Потому, что он совершенный старец – белый и чистый, незапятнанный и неустрашимый перед лицом сильных мира сего, хоть он и добр к ним и всегда молится о них. А теперь посмотрим, кого не любят наши номинальные христиане. Тех людей их окружения его святейшества, кто потерял этот дух подвижничества – не государственного, а духовного, не зависящего от государства.

Таковы и наши современные святые – преподобный отец Гавриил (Ургебадзе) или вифанйские святые отцы, св. Иоанн и св. Георгий-Иоанн.

Пусть никто не думает, что я, недостойный, сомневаюсь в святости и необходимости церковной иерархии – это вторая крайность, в которую впадают многие патриоты, утверждая, что «доверяют патриарху», но нескончаемо хулят установленную церковь иерархию и иереев.

В то же время, я не могу отрицать и того, что нужна империя и император, способные противостоять Антихристу – то, что апостол Павел в своём послании назвал «Катехоном».

Дело в том, что в православном пространстве – в Византии или России – величайшим вызовом для империи является необходимое равновесие Церкви и государства, их неслияние и не

очернение друг друга в глазах народа. Никому не удалось так глубоко осмыслить и описать эту трудность, как это сделал гениальный Лев Тихомиров в своем труде «Монархическая государственность», которая, на мой взгляд, должна быть настольной книгой каждого православного государственного мыслителя.

О форме сосуществования государств, подобных нашему, с единоверными империями, я подробно говорил в своем труде «Второй Иерусалим и третий Рим» (2), написанном на русском языке, который я прочел в виде доклада моим русским православным друзьям, как часть моих нескончаемых бесплодных усилий, внести вклад в примирение наших государств, что представляется мне невозможным без восстановления территориальной целостности Грузии.

В целом, спор о том, какой должна быть Церковь – нищей, отстраненной, аскетической и святой, или сильной, богатой, деятельной и помогающей в народе – ведется не только в восточной, праведно славящей Бога Церкви. Результатом того же спора в католической Церкви является школа последователей святого Франциска Ассизского, который, вдохновившись учением Христа, покинул богатую семью и снял с себя последнюю одежду, чтобы отдать ее нищему, и окончил жизнь в аскезе и подвижничестве, и школа последователей святого Доминика, называвших себя «доминиканес», что, благодаря игре слов, означает на латыни «господни псы» (домини канес), и считавших своим долгом, создать сильную и богатую Церковь, заниматься активной благотворительностью и миссионерством во всем мире. И то, к чему привела распря между францисканским и доминиканским орденами, – начавшись с крестовых походов и отрицания обоих Лютером, это продолжилось его протестом и сорокалетней европейской войной, погубившей почти половину населения Европы, окончившейся Вестфальским миром и созданием понятия национального государства, – то, в чьем модерне и постмодерне мы теперь дотлеваем, – всё это говорит о том, что эти две позиции будут существовать до тех пор, пока существуют человеческие общества. И какому-то недоумку, прежде, чем вмешаться в этот спор и болтать всякое против нашей Матери-Церкви, не мешало бы понять, что до того, как он высказал своё, т. н. личное мнение – которое чаще всего состоит из обрывков прочитанного в фейсбуке и его собственной горемычной жизнью в бетонной клетке – в этом мире уже кое-что происходило, и чем больше и глубже он ознакомится с этими событиями, тем меньше у него останется желания мычать, не промыв себе предварительно рта.

Что же касается подобных оппозиций в исламе – между шиизмом и суннизмом, а так же внутри этих направлений, а так же в иудаизме – особенно, после лжемессиянства Шабтая Цви (он же Савватей Леви, или Шабатай Цви) перед султаном, и интереснейших летописей этой дихотомии в иных религиях – конечно же, ни одна, ни десять глав «Дневника Немошного» не смогут всего этого вместить, тем более, что в последние дни я был так слаб, что с трудом смог написать одну главу за пять дней.

Пока я сегодня оканчивал эту главу, начатую вчера, супруга сказала мне, что Машу Саакашвили только что задержали в Батуми. Так что придется моему измученному взгляду, обращенному кверху, вновь опуститься вниз, как я писал в первой главе. Если мне хватит сил и настроения, я выскажу вам свое мнение и об этом очередном акте либерального спектакля, теперь же хочу пожелать всем спокойной ночи.

(1). Леван Васадзе: Телеобращение №17 «Двойная оккупация».

<https://www.youtube.com/watch?v=nQFaNZDLsng>

(2). Леван Васадзе – Второй Иерусалим и Третий Рим.

<https://www.youtube.com/watch?v=Io3TfP3gHWw>

© Леван Васадзе.

30.09.2021 – 01.10.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XXXI Глава. Неавторский перевод

Молодой человек – тем более, если он прилежный, работающий, всё равно, земледелец он, учащийся, подмастерье, или военный – в начале своего жизненного пути не всегда многословен. И всегда искренен благодаря генетике, которая сильно влияет на его личные свойства – которые потом развиваются или удручаются при его возвращении (აღზრდა – «агзрда», с мягким «г», которое мы применяем в картули вместо «воспитания» – которое этимологически происходит от «питания»).

Так он ведет себя и за работой в поле, и в столярной мастерской, и в школе, и в бою, и в игре в мяч.

Войдя в возраст, именно такие юноши становятся истинно мыслящими и духовными людьми, которым мы стараемся подражать.

Спаситель, покорно учившийся у отца столярному ремеслу, лишь к тридцати годам начинает свою проповедь, пока спустя три года мы не распяли Его, – и тот, кто думает, что сам он лично не причастен к Распятию и не несет вины, тот никогда не станет христианином.

Конечно же, с Ним никто не сможет сравниться, но этим опытом правильного взросления человечество обладало еще до Его вочеловечения.

«Только то, что есть в сосуде, то и выльется из него» (*прим. переводчика: перевод Шалвы Нуцубидзе с маленьким уточнением без оглядки на рифму*) – этот глубочайший и один из любимейших мной философских афоризмов из «Витязя в Тигровой Шкуре» именно об этом, и у каждого из нас есть свой случай из жизни, который он может рассказать по этому поводу.

Мой покойный дед, геофизик с мировым именем, профессор Леван Чантуришвили, чье имя я с почтением ношу, к нашему всеобщему удивлению, начал читать лекцию о Теории Гаусса на курсе по теории поля в высшей физике с этого афоризма. Я раскрыл рот и лишь к концу лекции понял, что этот афоризм в точности объясняет теорему Гаусса.

Но для того, чтобы что-нибудь вылилось из сосуда, он должен быть чем-то наполнен. И чем лучшим содержанием наполнит молодого человека семья, родители и он сам, тем лучше будет то перебродившее вино, что выльется из него в зрелом возрасте.

Если он, несчастный, оставленный родителями без внимания, подобно выставленному под открытое небо сосуду, ловит в себя лишь дождевую воду, пыль и насекомых, – занят «клаберством», непотребством, вливанием в себя всяческих отрав, – то из него не то что вино, даже уксус не выльется.

Его ждет загнивание – удручающая и омерзительная картина, которая и снаружи отображается на стенках такого сосуда в виде бессмысленных надписей, нацарапанных на нем. Ничего доброго из такого сосуда уже никогда не выльется.

Такой сосуд не внесут в приличный дом, никто не опрокинет его в надежде получить доброе вино, он до самого конца, до того, как разобьется, так и простоит в том болоте, которое ему кажется свободной жизнью, а если что-то из него и выльется, то это оттого, что он переполнен гнилью, а вовсе не оттого, что его кто-то опрокинул в ожидании чего-нибудь путного (взгляните на наших пожилых либералов, которым все вокруг твердят: «Хватит, уймись хоть теперь!» – но они не в силах замолчать, потому что переполнены гнилью), или, быть может, потому и льется из него, что от такой несчастной жизни весь он пошел трещинами и прохудился, вместо того, чтобы прослужить людям срок, положенный доброму сосуду.

Иная судьба у сосуда или кувшина, попавшего в хорошие руки. О нем сначала же заботятся – зная, как его вылепить, как чистить, чем наполнить и как получить вино, – и глина послушно исполняет всё, чего от нее требуют создатель и владелец.

Поэтому сам сосуд или кувшин имеет лишь малую заслугу в том, что в нем настоится – вино или уксус, хотя и это не совсем верно.

«Но напрасны наставленья, если человеку не поможет и природа» (*прим переводчика: цитата из поэмы Акакия Церетели «Наставник», перевод Б. Брика с маленьким уточнением без оглядки на рифму*) – это еще одна космическая мудрость грузинской культуры, указывающая на важность качества глины, из которой с незапамятных времен изготовляли сосуды (Квеври, Чури и Кувшины) в Шроша, в деревне Ткемловани близ Корбоули, или в нескольких деревнях Картли и Кахети.

Но важна и совесть гончара, то есть родителя, который, оставшись один на один со своим созданием, должен всем сердцем стараться вложить в него добросовестный труд по правильной его подготовке, а не второпях пытаться воплотить в нем собственное искаженное представление об успехе.

Так что, некоторые наполняются гнилью по другой причине. Создатели наспех лепят такой сосуд в надежде продать, менеджером, работником, карьеристом, или даже интеллектуалом – неважно, и поэтому, даже если впоследствии его наполнят добрым содержанием, он всё равно не сойдет, вино в нем не сохранится, не перебродит.

Он или треснет, или, из-за неправильного, недостаточного обжига, не сможет сохранить и явить миру доброе содержание, которым его наполнили родители, вечно думающие о деньгах, или о другом каком-то «успехе», от слова успеть и утерев в этом успевании истинную любовь и упование на Бога, уподобились Марфе, но в служении не Господу, а самим себе, Марию же и вовсе не считают своей сестрой.

Сотворение из человека подобия Адама, т.е. в Адамиани (примечание переводчика – ἀδαμίανη – «адамиани» – на картули человек, т.е. носящий качества Адама,) это непрерывное дело всей жизни, и каждая оплошность, каждый изъян навсегда остается запечатленным на нем, как на глиняной поверхности сосуда.

А всякое испытание, всякое пламя, которое ему предстоит пройти, это обжиг для принятия человеческой формы, для укрепления, и лишь Господь и с Его внушения слушающий его Родитель знают, с какой интенсивностью вести обжиг, когда сосуд готов и когда следует остановить обжиг.

Но вернемся к достоинствам молодого вина.

Вспомним, что афиняне впервые увидели Сократа юным воином, когда они, побежденные, убегали с поля боя. Их изумило спокойствие статного юноши, который в задумчивости, неспешным шагом следовал за своими убегающими соплеменниками, чтобы сохранить их честь хотя бы ценой собственной жизни.

Его любимый ученик Платон получил своё имя не из-за широких лобовых костей – это свойство у человека развивается с возрастом, по мере облысения и расширения черепа.

Платон получил своё имя еще в юности, в гимназиуме, где он был самым молчаливым и самым лучшим учеником в греческой борьбе, имея на плечах такое широкое *плато*, что выделялся даже среди своих не менее мужественных сверстников.

Поэтому не думайте, что тот, кто в молодости был воином или борцом, в зрелом возрасте не способен быть мыслителем. Юный воитель – это тот, кто, следуя наставлению родителей и учителей, умиряет и перебарывает себя, всё равно, где: в армии, в мастерской или за партой.

Пусть порой ему свойственны шалости и ошибки, но и тогда он не сворачивает со своей жизненной колеи, ведущей к конечной цели – с той линии стремления, которую Аристотель, главный ученик Платона и умственный внук Сократа назвал энтелехией (ἐντελέχεια). Это стремление всякого создания к цели, предназначенной ему Космосом (κόσμος), то есть красотой.

Трагедия же материи, по Аристотелю, заключается в том, что все эти создания в этом своём стремлении вольно или невольно сталкиваются друг с другом, тем самым создавая друг другу препятствия на пути к цели, к Тэлосу.

Оступившись со своего пути, – а это происходит с каждым, тем более в молодости: вспомним покаянные молитвы отцов Церкви, где говорится именно о грехах юности, – разумный юноша

всё же не теряет своей энтелехии и, приняв наказание как должное, выправляет свой путь напряжением воли и усиленным смирением.

А юношу, погрязшего в безделье и следующему только собственным желанием, вскоре сама жизнь поставит на место – только ему после этого уже не стать ни воителем, ни мыслителем.

Поэтому доброе вино получится из того, кто молча и терпеливо проливает пот на своей стезе ученичества и, не смотря на возрастающий успех, не теряет главного: любви к Богу и страха Божьего, что, в конечном счете, одно и то же. Это не страх наказания, а страх перед тем, чтобы не стать соучастником и продолжателем Распятия Господня, т.е. умножителем Его мучений.

Гнилью же наполнится тот, кто в юности не трудится, не молчит, хотя бы сам с собой, или тот, кто не замечает того, что без труда и учебы его «вера» пуста.

Из этих двух впоследствии получают бесы и мнимые патриоты. И те, и другие подступают к сосуду с молодым, еще не перебродившим, но добрым вином, силясь и его наполнить смрадом и мерзостью, или вовсе его уничтожить.

Так было, так есть, и так будет и в жизни наших детей, ибо «Только то, что есть в сосуде, то и выльется из него».

Леван Васадзе

04.10.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXXII Глава. Неавторский перевод

Продолжаю время от времени использовать свои труды прошлых лет и предлагаю вашему вниманию свои давние, слегка переработанные мысли о том, с чем мы боремся, на мой взгляд, ничуть не потерявшие актуальности.

Сегодня мы поговорим о том, что нам не нравится в Западе. Нас часто обвиняют в том, что мы боремся с Западом, не любим США, Европу и, соответственно, провозглашают нас «агентами России». Всё это ложь. Дело в том, что мы – те, кто любят традицию, национальные ценности, христианские святыни, самобытность (я причисляю себя к этим людям) – боремся против тоталитаризма, не миримся с тем многоликим, бесстыдным и глупым распутством, которое нам пытаются навязать.

Нам намного дороже право каждой отдельной страны, устроить свою жизнь по собственному желанию. Тоталитаризм это специфический термин, требующий разъяснения. Его основы берут своё начало 300-350 лет тому назад в Новом Времени, т.е. в Модерне, когда в уважаемых европейских странах зародилась идея того, что Бог не является центром вселенной.

На каком-то этапе западные народы отринули ту парадигму, тот закон, которому человечество следовало тысячи лет в различных религиозных системах, в разных географических условиях.

У этого были исторические причины. Каждая из этих культур шла к отрицанию Бога своим путем: Мартин Лютер, переведя Библию на немецкий, отступился от католицизма, начал реформацию и создал протестантскую церковь, и война между двумя церквями уничтожила 40% населения Европы, насильственным, жесточайшим путем произведя секуляризацию населения.

В Великобритании этот вектор проложили английские и шотландские просветители и реформаторы: за философией Джона Локка последовала экономическая теория его ученика Адама Смита и литература и философия Френсиса Бэкона. Это имело сильное влияние.

Во Франции, начатое Вольтером и Жан-Жаком Руссо, продолженное Маратом и остальными революционерами, всё это завершилось Французской Революцией, которая внесла в мир невероятные стандарты жестокости и т. н. прав человека. Чего стоит один лишь вандейский геноцид, когда женщин, детей и до 10 000 священнослужителей убили, искромсали и бросили в реку, таким образом утопив в крови противников революции, и так далее.

Иными словами, Традиционный Мир был опрокинут с ног на голову, именно в западных странах это приняло форму лавины, в конце концов, вылившись в либерализм, в центре которого находится искусственная концепция французского философа Рене Декарта об индивиде. Не думайте, что «индивид» это подлинная, естественная концепция, – она вымышлена, и в основе ее лежит искусственно созданное латинское слово, означающее «неделимое» – *individuum*.

Назовем это первым модернистским политическим пространством или теорией. Позднее, в 19-ом веке возникла вторая тоталитарная система, противоположная первой, и, можно сказать, аккумуляция ее произошла в учении Карла Маркса; правда, и до Маркса в этом направлении было много мыслителей, но в Марксе произошла, так сказать, кристаллизация этой идеи.

Представьте себе, марксизм зародился и укрепился именно в Западной Европе. Ведь и сам Карл Маркс был европейцем, немецким евреем (говоря это, я никоим образом не намекаю на антисемитизм, абсолютно чуждый грузинской культуре).

Маркс утверждал, то главное не индивид, а единство, но единство он понимал не как единство перед Богом, как это было в традиционной культуре: он так же создал искусственную концепцию – концепцию класса, классовой борьбы, буржуа угнетает пролетариат, да здравствует пролетариат! Так произошел марксизм.

Третья тоталитарная теория, явившаяся нам в виде фашизма в Италии и впоследствии укоренившаяся в Германии в виде нацизма, противоположна обоим предыдущим – господству индивида и господству класса.

Мы помним, в какую беду это вылилось, помним Адольфа Гитлера с его супрематизмом или превосходством одной расы или нации над другими.

Так вот, все эти три политические теории созданы одним и тем же автором.

Я в этом глубоко убежден и на днях, вероятно, будет выложена в интернете моя беседа с друзьями, которую мы назвали «Три всадника Апокалипсиса», и те, кто интересуется, смогут посмотреть видео. В этой беседе я постарался доказать, что во всех трех случаях явственно угадывается одна режиссура, у них один физический автор в лице некой общественной организации, и в ходе беседы я так же постарался обозначить, что ждет нас в будущем.

На мой взгляд, будет и четвертая тоталитарная теория, и вот, почему: все эти три идеологии, в сущности, близнецы и дружны между собой, не смотря на вражду, затеянную для отвода глаз.

Мы помним, как сперва первая и вторая, то есть либерализм и марксизм, уничтожили фашизм, а после первая убила вторую, то есть либерал-капитализм убил марксизм, представ нам последней, безальтернативной «красотой.»

Вот уже 25 лет, как вся планета, в том числе и мы, живем под гнетом этой тоталитарной гегемонии.

Отчего же все эти три идеологии являются тоталитарными и отчего они так похожи друг на друга, хотя, казалось бы, враждуют между собой?

Первый признак их родства – ненависть к христианству. Время от времени они обманывают нас: либералы станут утверждать, что они не против Христа, и фашисты ходили с железными крестами, и марксисты говорят что социальная справедливость именно в том, что говорил Христос.

Однако, на самом деле, все три эти идеологии уничтожают Церковь, борются против священников и религии, в первую очередь, против христианства.

Второе, в чем они похожи, как близнецы, это стремление к господству над всем миром. Кто-нибудь возразит мне, что и Александр Македонский и Наполеон, и любой император хотели господства над миром. Да, это так, но они хотели распространения по всей земле своей единоличной державы. Ни у кого из них не было идеологии и, как мы видим, их империи распались сразу же после их смерти.

Мы же говорим о воцарении идеологии. Каждая из этих трех утверждает, что она одна должна господствовать над вселенной, поскольку она самая лучшая. Каждая из них говорит, что освобождает людей – от семьи, от попов, от устаревших стереотипов: «Я принесу вам счастье, я охраню вас от двух остальных теорий и освобожу вас!»

И третье, чем они похожи, как близнецы, это обещания земного счастья. Этого не делает ни одна традиционная религия, которые мы почитаем – ни ислам, ни иудаизм, ни буддизм, ни индуизм, ни христианство.

Религиозные системы народов мира не обманывают человека, не прельщают пустыми обещаниями: «Иди за мной, еще немного, еще чуть-чуть, сейчас появится хороший лидер, осталось совсем немного, и счастье воцарится на этом свете».

Традиционная религия прекрасно знает, что это неправда. Повторим еще раз: эти три свойства – стремление к тоталитаризму, ненависть к христианству и обещание земного счастья – являются бесспорными симптомами того, что и либерализм, и марксизм, и фашизм это три разные вариации яда, приготовленного в лаборатории одного автора.

Так чего же мы хотим от Запада? Запад здесь не при чем. Они не верят, лгут, но нас же при этом считают агентами Кремля.

Я люблю культуру США и собираюсь говорить об этом в своих последующих телеобращениях (скажу без хвастовства: некоторые из нас знакомы с американской и европейской культурой, литературой и философией на таком уровне, какой либералам и не снился).

Лично я считаю, что от последнего оставшегося чудовища, – марксизм еще остался местами, на Кубе и в Северной Корее, отдельные формы фашизма тоже остались (об этом поговорим в другой раз), – но от гегемона, властвующего над нами последние 25 лет, либерал-капитализма, который провозглашают незаменимой, абсолютной «красотой», которая будет всегда, в первую очередь, страдает любимый мной американский народ, так же любимый мной французский народ (я очень не люблю слово «Европа», и об этом мы тоже поговорим в ближайшее время), страдают немецкий и английский народы.

Ни в коем случае не подумайте, что мне они ненавистны: как можно ненавидеть нации, создавшие такие великие культуры? Напротив, мы их уважаем, сочувствуем им и считаем, что все мы общими усилиями должны освободиться от этого чудовища.

Стоит только высказаться против этой идеологии, нас тут же называют агентами Кремля, или, обратите внимание, фашистами или коммунистами. Почему так происходит?

Это тоже вполне естественно. Тоталитарная идеология и люди, поддавшиеся ее гипнозу, или ее циничные шпионы всегда мыслят с одним и тем же подходом: если ты не находишься в их системе координат, то есть, если ты не либерал, то кто же ты? Разумеется, агент Кремля.

Даже Дональд Трамп «оказался» агентом Кремля, так какие шансы имеем мы, вступая в борьбу против либерализма и его убийственной идеологии?! Повторюсь: либерализм ежегодно убивает 45 миллионов детей в материнской утробе посредством абортот. Это намного больше числа убитых фашизмом и коммунизмом.

Ребенок в животе у матери живой, посмотрите на YouTube-е, что с ним происходит, когда внутрь входит нож, чтобы безжалостно вырвать его. Если взять Холокост и обе мировые войны, всё это вместе не дало столько жертв. С тех пор, как аборт стал средством массового убийства, на земле уже было уничтожено более полтора миллиарда детей.

А сколько убивает фармакологическая мафия, наркоиндустрия? Именно с этим мы и боремся. Невозможно объяснить это человеку, глядящему на тебя с сомнением, пока он сам не догадается (об этом я тоже собираюсь поговорить в своём телеобращении), с какой мошеннической идеологией имеет дело, и как она обманывает людей. До тех пор его, к сожалению, не убедишь.

Что поделаешь, мы всё равно должны говорить правду и стараться докричаться не фанатичными, агрессивными методами, а цивилизованной, разумной беседой.

Еще один пример: на пике своей гегемонии тоталитарная идеология маниакально контролирует средства массовой информации. Она утверждает, что хочет нашего счастья и свободы, уверяет, что она за плюрализм, но горе тому, кто осмелится не согласиться с какой-нибудь из ее доктрин. Плюрализм и разнообразие мнений сразу же забывается.

Помню, в конце 80-ых годов, накануне распада Советского Союза, в здание телевидения даже муха не смогла бы проникнуть, а журналисты коммунистической эпохи сразу же перебивали любого, осмелившегося сказать лишнее в эфире. То же самое происходит и сейчас.

Наши несчастные журналисты, приносящие нашей стране даже больше вреда, чем политики, прекрасно знают, что в рамках либерализма нет, и не может быть никакой свободы слова. Их так запугивают, так прорабатывают, что никто из них не посмеет объявить, что мужеложство это стыдно, что права человека и возвеличение собственного «я» не главное в нашей жизни!

Об этом я так же подготовлю отдельное телеобращение. Очень не люблю называть конкретные имена, и на этот раз воздержусь. Обращаюсь ко всем нашим знакомым и бывшим друзьям, тем, кто владеет телевидениями и творит столько бесстыдства под гнетом западного либерализма, попирают свободную мысль и подстилаются под диктатуру этой глупости.

Я обращаюсь к вам, мои бывшие друзья и знакомые, родственники тех, кто взял людей на рабочие места на этих телевидениях: либерализм рушится, и вы еще будете свидетелям обвала этой тоталитарной гегемонии.

Подумайте о том, как вы поступаете, как вы обманываете, травите и сводите с ума грузинский народ. Или покиньте эту систему, или не ведите себя так! Мне понятно, что делает с вами либерализм, находящийся на пике своего развития. Это временный пик, поверьте, он не продлится. Но ведь и вы должны хоть чего-то стоять!

Такое шутовство, такое подхалимство, такая трусость – это ведь стыдно! Другие народы хотя бы борются. А вы поступаете так же, как грузинские большевики, обогнавшие русских и еврейских большевиков. Вы тоже обогнали всех, махнув рукой на совесть и всё прочее. Уверяю вас, так нельзя. Ведь вам еще придется жить в этой стране, в пост-либеральную эпоху, которая близится, и о которой я вам обязательно расскажу.

Леван Васадзе.

07.10.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Вот уже третий день, как я, вернувшись из больницы после очередной химиотерапии, хожу в четырех стенах своей квартиры, не в силах промолвить слово. Трагедия, произошедшая в Батуми, лишила меня дара речи.

Сперва я был поражен отсутствием остроты своего переживания. Сперва я искал причину этого в крайней истощенности моего организма от воздействии лекарств.

Позже, помолившись, я почувствовал облегчение от ощущения поддержки свыше. И я стал думать, почему намного более страшные происшествия в других странах для меня лишь статистика, – неужели я такой националист? Почему в таких случаях моё отравленное сердце не чувствует сострадания?.. И снова и снова возвращался мыслями к этому ужасу.

Как будто предвидя случившееся, примерно пятью главами раньше я писал о нашей архитектурной идеологии и об опасностях ее нынешних заблуждений. Вспомнилась мне и моя статья 2015 года, написанная после нашей трагедии – оползня дороги на Цкнети и Самадло и наводнения в ущелье реки Верэ. Слова этой статьи так же поразительно сбылись. Вот несколько коротких фрагментов из нее и то, что я писал о Тбилиси, в принципе, в равной мере касается и Батуми:

«Самым обескураживающим признаком первых дней после трагедии мне кажется то, что наши средства массовой информации и наше государство, не смотря на заявления, не спешат разобраться в причинах катастрофы – ни технических, ни, тем более, метафизических.

В общей суматохе ни один из экспертов не взял на себя смелость назвать явную техническую причину оползня. Что касается сверхъестественных причин катастрофы, о них никто из мирского населения и не говорит...

... В ту страшную ночь у нас погибло несколько десятков человек, и еле избежали гибели еще несколько тысяч. Избежали не благодаря нашей предусмотрительности, а по милости Божьей...

... Пройдет и это несчастье, и мы вновь станем свидетелями того, сколько новых бесчисленных миллионов долларов, лари, эфирных минут и нервных клеток будет потрачено на оправдание пропаганды разврата, расширение прав курильщиков марихуаны, якобы искоренение бытового насилия, а на деле расшатывание института семьи, на заботы пучеглазых чиновников о том, чтобы извращенцы получили возможность менять пол, – и кто знает, на что еще, пока в стране сорок тысяч детей ежегодно погибает вследствие аборта, 75 тысяч погибает естественным путем и лишь 55 тысяч появляется на свет, пока триста тридцать тысяч поруганных и оскорбленных людей ждут справедливости, а страна обрушивается нам на голову, пока у нас в стране зарегистрировано 320 тысяч наркоманов и всего лишь 18 тысяч спортсменов, пока вместо 24% населения в наших горных районах, в опустошенных пограничных землях осталось всего 4%, а скоро и вовсе останется 1%, пока наш народ близок к вымиранию?! Сколько еще таких дорог-серпантинных и спусков, подобных Элбакидзе может обрушиться, сколько домов еще развалится,

и когда наши новые хозяева дадут нашему правительству возможность, время и пространство для заботы об этих проблемах?..

... На второй день после трагедии я смотрел новости на отвратительном теле-канале «Имеди». Пустые разговоры после того, как воз перевернулся: с места трагедии вещал репортер, не похожий ни на мужчину, ни на женщину, в студии сокрушались известные своей болтовней тяжелые дамы легкого поведения.

У перевернувшегося воза рассуждают теперь те, кому обычно не до хозяйства и реальных проблем нашей страны: ведь тихая забота о нуждах Родины – плохая почва для скандального гогота. Это те, кто бессмысленно тратят месяцы и годы существования нашей родины на бесконечные соревнования бездарных чиновников за ту или иную должность, будто их назначение хоть что-то изменит.

А в промежутках между их гогом реклама казино предлагает окончательно погубить себя несчастным грузинам, покинувшим свои сказочные земли и бесцельно втиснутым в техногенный Тбилиси, в своём неподвижном, бессмысленном существовании ждущие, кажется, лишь того, когда у них, не дай Бог, обнаружится рак, чтобы продать квартиру и всеми средствами попытаться продлить для себя этот ад, который они называют жизнью в Тбилиси.

Тбилиси полностью превратился в техногенный город. С момента распада Советского Союза (Слава Богу!), думая, что приближается к Европе, наша столица всё сильнее подвергается азиатизации.

Ни у одного из девелоперов не хватило ни фантазии, ни совести не строить высоких домов в старых кварталах, и без того тесных, а, вместо этого, заняться развитием комплексных жилых зон в пригородах и фабричных районах.

Не нашелся ни один политической лидер, чтобы учредить налоговые льготы для предприятий, желающих перейти из столицы на периферию, повысить пенсию пенсионерам, желающим переселиться из Тбилиси в деревню, а ведь это значило бы разгрузку города, заполнение регионов, улучшение здоровья пенсионеров и, соответственно, снижение государственных затрат на их лечение; ни у кого из муниципальных чиновников узкого профиля не хватило совести не поучаствовать в бытовом и эстетическом уничтожении города. Годы идут, а никакие разговоры, никакие претензии, встречи, аналитика и результаты опросов не помогают, не дают результатов. А всё потому, что нет соответствующего распоряжения с Запада...

...Продолжается архитектурно-бытовое самоубийство Тбилиси. Поставленные вплотную непрочные корпуса и торговые машины делают его похожим на Марракеш, Аман или Стамбул 70-ых годов, а вовсе не на какой-нибудь европейский город. Не хочу сказать ничего дурного об упомянутых городах: дело в том, что мы, избрав противоположный нам вектор и неорганичную для нас идеологию, в отличии от населения этих городов, получаем совершенно иной результат и, в итоге, строим неправильный социум. Наша этнопсихика, увы, устроена таким образом, что в

подобном социуме уже нет места деятельности, здоровью и семейному приумножению, здесь, как грибы, множатся лишь цинизм, взаимная ненависть и депрессивный страх перед будущим.

Тбилиси губит себя и, превратившись в демографический пылесос, губит и остальную Грузию. Нулевые архитектурно-девелоперские регуляции означают нулевые экономические регуляции урбанистической миграции, город превратился в гетто безработных и лишенных какой-либо социальной функции, а регионы вот уже 40 лет, как покинуты на произвол судьбы.

Похвальные сельскохозяйственные инициативы нового правительства – всего лишь капля в море на фоне нашей урбанистической дилеммы. Не видно ни лидеров, ни институций, готовых задуматься над этой комплексной проблемой. Миллионы наших сограждан, оставшихся в этой удушающей среде без смысла существования, то есть без идеологии, без светлых, здоровых жизненных целей, встав с утра, подобно скоту, вынуждены думать лишь о том, как бы прокормить себя.

Наряду с геноцидом нашего народа, под лжеевропейским, либерастическим знаменем происходит его культурное опустошение. Жрецами этого опустошения являются журналисты и представители негосударственных организаций, ради своей зарплаты готовые на всё.

... Но разве техногенные, уродливые, разрушительные тенденции присущи, увы, только грузинской урбанистике? Они, как метастазы, проникли всюду, пропитали всю материю обманутого, павшего народа и государства, избравшего ложную идеологию...».

Ссылка на полный текст статьи (на грузинском языке): <https://kvirispalitra.ge/article/25604-qmtheli-qveyana-tsarghvashiaq-rogor-gamoekhmaura-levan-vasadze-thbilisis-stiqias/>

Эти строки я написал 6 лет назад, а, кажется, с тех пор прошло все 60, однако в нашей стране с тех пор ничего не изменилось. По тону статьи видно, что тогда я ещё надеялся на какой-то исход в этой нашей бесконечной дихотомии «нацистов» и «мечтателей», мне всё еще казалось, что в этом проклятом оккупационном либеральном режиме меня хотя бы минет необходимость играть по их ложным «правилам» – иными словами, что мне, не смотря на любовь к Родине, не придется идти в эту поганую практическую политику.

В эти дни я не могу слушать политиков – ни с той, ни с этой стороны – однако очень хочу, чтобы мы, как никогда, сплотились все вместе – хотя бы в эти дни.

При виде изнуренных лиц наших парней-спасателей и слез родных и близких, меня холодила мысль о том, что самая жестокая война, это идеологическая война, ее результаты, как ничто иное, пагубны для народа: и архитектурный хаос, о котором я писал несколькими главами раньше, и экономически-демографический хаос – это головы одного и того же чудовища. Что же касается стихийных и других бедствий – в нашем падшем мире они не редкость.

Мне до сих пор не удалось узнать полный список имен погибших. Мой приятель Залико Лухуташвили, живший в том же дворе и потерявший друзей в этой трагедии – он потрясен

случившимся, находится сейчас в Америке, где защищает ученую степень, – сообщил мне имена некоторых пострадавших:

Живые: Рамаз, Деметрэ;

Погибшие: Инга, Анастасия, Эрекле, Николоз.

Сегодня наша Церковь отслужила панихиду. Если вам известен полный список жертв: и тех, кто погиб, и тех, кто сейчас мечтает разделить судьбу погибших близких, прошу сообщить его мне, чтобы нам всем вместе молиться за них.

Простите меня, сегодня больше ничего писать не могу.

Леван Васадзе.

10.10.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXXIV Глава. Неавторский перевод

Помощь, ниспосланная нам Невидимым и противостояние нам его извечного Врага – это наше ежедневное, ежеминутное жизненное состояние.

Человек, чье сердце закрыто для Невидимого, проживает всю жизнь, не замечая ни одного, ни другого; несчастный – всё чего-то копошится в пределах своей убогой «логики», и больше всего его мучат вопросы: «почему», «как», «для чего», и пр.

Его цель – ухватиться за видимый мир, «хорошо устроиться» в нем, всё остальное пугает его, раздражает и вызывает насмешку.

Поскольку для такого человека Невидимого не существует, то и он не существует для Невидимого. Как говорил Булгаков, каждому да воздастся по вере его.

Вторая крайность: человек, оторванный от Видимого, из-за своей неисправимой лени, или по какой-либо другой причине прячущийся от него и постоянно, в тщетной погоне за Невидимым кощунствует так же, как и первый, так как отрицает земной удел, данный ему Изначальным, отрицает возможность в земной жизни творить добро, а два этих слова, как мы уже говорили, в грузинском являются однокоренными («ბოჯობა ჯობობს» – «сикетис кетеба» – «творить добро»).

Можно сказать, что и такой человек, утешающий себя ложной духовностью, на самом деле тоже не живет, во всяком случае, для мира, для земной жизни. Он мнит себя служителем духовного мира, но в подлинном монашеском служении ему и дня не вытерпеть: его тут же разорвет Враг Человека, о чем повествуют в своих писаниях отцы Церкви.

Силы, враждующие с Невидимым легко обманывают и похищают такого несчастного и водят его за нос, обольщая ложной святостью и ложной духовностью.

Оба этих состояния касаются не кого-то отвлеченного, а каждого из нас и, в первую очередь, меня. Противостоять им возможно лишь путем поста и молитвы, лишь взяв свой крест и следуя за Спокойным Ведущим, лишь добрыми делами и служением в обоих мирах, до тех пор, пока мы прибываем в земной минутной жизни («წუთისოფელი» – «цутисофели» – минутное поселение, минутная жизнь) – с Божьей помощью, в той мере, в которой это допускает наш падший мир.

Отцы Церкви, в первую очередь, преподобный Иоанн Синайский (Иоанн Лествичник), подробно описали психологию человека, идущего этим путем. Вся квинтэссенция его святости и подвижничества, вдохновенного Святым Духом, дана в виде поразительной карты, открывающей перед нами полный список добродетелей, ведущих человека к Богу, и страстей, ставящих препятствия на его пути. Чтобы изучить эту карту целиком, человеку не хватит целой жизни, и, однако, она должна висеть в каждой семье.

Она показывает, какая страсть порождает еще большую страсть, и какой добродетелью она излечивается.

Можно сказать, что это не только анатомия человеческого духа, а атлас и анатомия всего человека в его целостности, ведь позитивистская «наука» постмодерна лишь в последнее время начинает догадываться о том, какая связь существует между духовным состоянием человека и его телесными немощами.

Эти первые шаги отображены в альтернативной медицинской теории бывшего немецкого богослова, а впоследствии врача Райка Герда Хамера (Ryke Geerd Hamer), за которую он в 80-ые годы получил Нобелевскую премию.

Как нам сохранить это равновесие, без которого быть человеком невозможно, как прожить зримую, земную жизнь в добре и, в то же время, верить в Невидимое и уповать на Него, так, чтобы не было перекоса ни с ту, ни в другую сторону? Как быть Человеком?

Это путь всей жизни, и я очень далек от того, чтобы правильно идти по нему, хотя желание к этому у меня велико, как, неверное, у многих. У нас перед глазами святейший пример в лице Патриарха, вырастившего целое поколение, это наполняет нас радостью; многим из нас примером служат выдающиеся родители, дедушки и бабушки, дяди и тети, другие родственники старшего поколения, хоть никто из них и не был безгрешен, но и в этом мы – счастливый народ.

С этим борется невидимый Враг уже в этом, видимом мире, и наш долг – не дать ему победить, ежедневно беседовать с нашими детьми о добре и зле и рассказывать им о наших старших.

Вернемся к духовной карте преподобного Иоанна Лествичника. Ее гениальная простота, как и его величайшее произведение «Клемакс» или «Духовная Лествица», которое каждый человек так же должен читать в течении всей своей жизни, содержит в себе одну опасность: все мы, и я – в первую очередь – настолько извращены Модерном, что эта гениальная простота кажется нам

скучной, в ней нет новизны, нет, как мы сейчас выражаемся, интереса – нам кажется, что всё это мы и без того уже знаем.

Видимо, неблагодарность – один из самых трудноискоренимых грехов человеческих. Я уже благодарил тех, кто оказал мне поддержку в моем положении (сознательно не назвав их поименно), а в одной из последующих глав я, если удастся, напишу о команде моих врачей, о каждом по отдельности, потому, что в том, что я до сих пор жив и, трудно и медленно, но всё же иду на поправку, конечно же, чудо Божье, но это чудо свершается руками этих людей, в первую очередь, моего приятеля-кахетинца, который, вот уже 30 лет, живет в Америке, и если бы у меня был брат-медик, даже он бы не смог быть рядом со мной на грани смерти, как это сделал мой приятель. Я расскажу вам и о нем, и о том, сколько заботы оказывает мне уважаемый всеми нами Лео Бокерия, и о других, если не сильно вам наскучу.

Помните, я говорил, что в старых записях обнаружил несколько своих стихотворений, в которых оказывается я просил именно о том, что со мной впоследствии и в самом деле случилось? Вот одно из этих стихотворений.

Очень прошу, не счесть, что стихи это о лениности нести бремя земного бытия, или об отказе от борьбы – хотя кто я такой, чтобы знать, какой из жизненных путей правильный. Пусть будет так, как угодно Богу.

А это – еще один урок мне ныне, в моей беспредельной тоске по моим дорогим детям, родителям, бабушке, родственникам и друзьям, по моей родине, и моей беспредельной благодарности за всё Всевышнему:

ПРОСЬБА

Пройтись бы под солнцем, чтоб время помехой
Не стало ни разу... крылом не задело,
Чтоб звукам нездешним я вторил как эхо,
Чтоб я умирал, а душа моя пела.
И то, что услышано мною в суровом
Пророчестве рока, пусть будет на деле
Всего сгоряча лишь сорвавшимся словом,
Стрелой бессильно упавшей у цели.

Тяжесть отнюдь не препона для взлёта,
Так может, и мне улыбнётся везенье –
В душе охладевшей затянет пустоты,
А ночью бессонной, неожиданной, весенней
Меня зачаруют платаны и тисы,
Застывшее время, терновник цветущий,
Необозримые бездны и выси
И всё, что меня ожидает в грядущем.

Так кто мы? И в чём оно – наше задание?
И сколько ещё Он нас будет лелеять –
Агнцем обрекший себя на закланье,
Неблагодарных любя и жалея?
Сколько ещё нам грешить, чтоб смогли мы
Понять, наконец, как добры Всеблагие.
Как долго нам лица под маской, под гримом
Скрывать, трепеща: – А что скажут Другие?

Чего мне бояться? Что может быть хуже
Промчавшихся бурь и текущего ада.
Бесчестье, подмена, бесправия ужас,
Уродство и страх за лепниной фасада.
Не лучше исчезнуть? Исчезнуть в надежде,
Что время отменит безумье и серость.
Оно так и будет? Кивните, утешьте,
Чтоб в мире незримом мне снова запелось...

Леван Васадзе.

13.10.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Перевод стихотворения “ПРОСЬБА” Паолы Урушадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXXV Глава. Неавторский перевод

Позвольте мне откликнуться на текущие события, как бы сильно это ни расходилось с главными целями «Дневника Немощного».

Добровольное возвращение в Грузию Саакашвили, якобы находившегося «в розыске» в течение 9 лет, не могло осуществиться без полит-технологического замысла глобалистских сил, управляющих нашей страной, и без определенных гарантий, данных ему этими силами.

Мы можем лишь рассуждать о различных вариантах этих планов, целью которых в любом случае является смена власти в нашей стране, мы так же можем гадать о том, суждено ли этим планам сбыться, и, наконец, о том, насколько руководство Саакашвили, составившее эти планы и давшие ему эти гарантии, искренно в своих обещаниях поддержать его и не принести его в жертву каким-то иным, собственным целям.

Помимо этих планов и гарантий, не следует исключать и безвыходное положение Саакашвили: в самом деле, до каких пор этот оставшийся в бездействии маньяк должен был бегать по крышам и ресторанам Украины?

Как я уже сказал, нет смысла гадать о том, какой поворот примут события вследствие возвращения в Грузию этого преступника, по той или иной причине. Эти события имеют свою логику, и со временем всё станет ясно.

Развитие событий, позиции внешних сил – будь то глобалисты или частично находящиеся под их влиянием соседние нам страны, способность нашего народа к самостоятельному действию и к определению правды и лжи, действия ключевых правительственных лиц, в интересах страны или в своих собственных, а, главное, воля Божья – всё это определит, что должно случиться в Грузии в ближайшем будущем.

Я могу лишь в виде кратких тезисов сформулировать всё то, что мне, в первую очередь, кажется правильным и справедливым для нашего народа и государства, а также какие последствия может вызвать приход ко власти Саакашвили или кого-нибудь из приверженцев его режима, если эти планы осуществятся.

Начну с первого:

- Во всём, что сейчас происходит, виноват лично Бидзина Иванишвили и режим «кохабитации,» выбранный его партией;
- С того дня, как их правительство возглавило страну, осуществился и продолжает осуществляться обман грузинского народа, поскольку справедливость не была восстановлена и преступный режим Саакашвили не только не понес наказание в соответствии с законами страны, а, напротив, все представители этого режима, за исключением одного-двух показательных случаев, были полностью легитимированы и оставлены на политических и должностных позициях, а частично были переведены в «Мечту» и получили повышение;
- Кроме того, последние 9 лет страна неуклонно следовала всё тому же политическому курсу либеральной республики, который проводили и Шеварднадзе, и Саакашвили, и вследствие которого за последние 30 лет:
 - население нашей страны сократилось от 5.4 миллионов до 3.7 миллионов;
 - число наркоманов увеличилось с 10 тысяч до 350 тысяч;
 - число граждан, зависимых от азартных игр, увеличилось с 10 тысяч до 700 тысяч;
 - посредством абортных учреждений умерщвлено, по меньшей мере, 1.5 миллионов младенцев;
 - страну покинули, как минимум, 1.2 миллион граждан;
 - в среднем личная задолженность граждан возросла с 10% их годового дохода до 100%;
 - внешний долг нашей страны увеличился, по меньшей мере, на 1500% и приближается к 70% ВВП, т. е. размеру всей экономики;
 - территория страны уменьшилась с 69 тысяч квадратных километров до 54 тысяч квадратных километров;
 - из Ближнего Востока и Африки в страну приехало, как минимум, 100 тысяч иммигрантов, для которых либеральный анклав, устроенный в Грузии, с его борделями,

наркотиками и азартными играми, представляет собой дешевый и легальный вариант Европы;

– ничего не было предпринято для разрешения проблемы российской оккупации Абхазии и Цхинвали;

– продолжается выполнение всех пунктов либеральной программы: будь то продажа иностранцам сельских земельных участков, пропаганда разврата в школах, наркоманизация молодежи и так далее;

- После всего этого в стране воцарилось чувство нигилизма и цинизма, население ощущает своё полное бесправие, что выражается и в недоверии к монополизированной выборной системе, и в поддержке «националов» назло Иванишвили и «мечтателям», чего лично я оправдать никогда не смогу, не смотря на то, что этот феномен не требует особого объяснения;
- Вред, приносимый этой политикой нашей стране намного превосходит личную благотворительную деятельность Иванишвили, и, несмотря на то, что я всегда призываю воздерживаться от личных оскорблений и ценить любое доброе дело, а, тем более, благотворительность таких масштабов, я всё же вынужден сказать, что его политика и политика его партии, это прямой рецепт к гибели нашего народа;
- Ни я и никто другой до конца не знаем степени того гнета со стороны внешних сил, под которым Иванишвили и его команда, предположительно, находились все эти годы. От его же окружения мы знаем о крупных суммах, незаконно отобранных у него в швейцарском банке, по которым сейчас идет судебный процесс, и, быть может, нам трудно представить, в какой опасности ему лично пришлось жить в течение этих лет, и всё же: ничто не может оправдать те вышеперечисленные беды, в которые его политика ввергла нашу страну, поставив ее перед реальной опасностью возвращения к власти Саакашвили и «националов»;
- Вот, что мы знаем наверняка: он окружил себя подхалимами, лизоблюдами и людьми, служащими ему исключительно ради денег, как руководитель страны он решительно не сгодился, а партию свою, за исключением одного-двух честных людей, наполнил такими же либералами, какими являются и «националы»; то же собой представляют и 15 партий, подписавших манифест ЛГБТ, и якобы согласованный им с глобалистами проект – Гахария в придачу с его заместителем, ЛГБТ-активисткой Мезвришвили;
- Помимо катастрофы, описанной выше, мы получили политическую систему, превращенную в караван-сарай многочисленных разрозненных, враждующих между собой партий, легко управляемыми извне;
- Исходя из всего вышесказанного, со дня принятия «мечтателями» антидискриминационного закона в 2014 году – в связи с которым я тогда же в открытом письме предсказал им всё, что с ними из-за этого случится (см. текст по ссылке: <https://drive.google.com/.../1QgaaW2J4u2wf94EyhZU.../view...>) – я не вижу никакой идеологической разницы между «националами» и «мечтателями», считаю их одной и той же бедой в стране, часть территории которой оккупирована Россией, в то время, как остальная Грузия находится под тотальной либеральной оккупацией;

- В создавшемся опасном положении необходимо сделать то, что должна была сделать «Грузинская мечта» девять лет назад:
 - наказать преступный режим Саакашвили;
 - наказать «кохабитационный» режим «мечтателей», легитимировавших «националов»;
 - отменить в Грузии либеральную республику,
 - создать государство основанное на ЭРИ в виде народного правительства, а не либеральной демократии, с сильным лидером, которого изберет народ, и который будет возвышаться над всеми тремя правительственными ветвями власти и сможет их контролировать;
 - все добросовестные и компетентные чиновники, так измучившиеся в условиях этих трех режимов и чудом не утратившие способность и желание честно служить своей стране, должны сохранить свои должности и раз и навсегда освободиться от нажима со стороны либералов;
 - Идеологическая, политическая и геополитическая стратегия должна быть повернута на 180 градусов, ее целью должно стать воссоединение Грузии, она обязана остановить сокращение населения страны и начать заботу о его росте;
 - О том, что и как необходимо сделать для достижения этих целей, я, не смотря на свою болезнь, дважды в неделю беседую с нашими сторонниками. Каждый желающий может принять участие в этих беседах, зарегистрировавшись на сайте www.eri.ge.
- Именно для этого и было создано движение «Единство, сущность, надежда» (ЭРИ), и ни странная болезнь, приключившаяся со мной ровно после основания этого движения, ни какое-либо другое препятствие не способны его остановить. Несомненно, внутри его будет и предательство, и разочарование, и многое другое, что присуще не только политике и нашему народу, но и в целом нашему падшему миру, но ясно одно: без уничтожения либеральной республики и строительства народного государства, которому в равной мере будут чужды и либерализм, и марксизм, и фашизм, наш Эри погибнет.

А теперь о том, что может произойти, если внешние силы взамен никудышной «мечты» снова навяжут нам «националов» или любую другую партию, управляемую либеральной матрицей.

Ничего – кроме продолжения в различных вариантах всё того же либерально-глобалистского курса, что, в свою очередь, неизбежно приведет к усугублению всех перечисленных гибельных показателей, еще большему распаду территориальной целостности и, возможно, окончательному краху нашей государственности.

Все мы – люди, готовые объединиться вокруг сущности нашей древнейшей культуры, которая без чужой указки знает, что такое настоящее миролюбие и милосердие – должны сплотиться и действовать с надеждой на победу. Уверен, что бы ни замыслили внешние враги и внутренние предатели различных ориентаций, Бог не оставит без своей помощи такой народ и даст ему силы.

Леван Васадзе.

19.10.2021

Перевод: Тамар (Тата) Котрикадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXXVI Глава. Неавторский перевод

Прошу меня простить: в эти дни писать не получалось. Чувствовал себя очень слабым, а редкие бодрые часы полностью уходили на лечение, семью и дела «Э.Р.И.».

И вот, обещанная глава о моих врачах.

Из конфиденциальных соображений, о некоторых вещах придется умолчать, однако, в ближайшие дни у меня будет новая медицинская информация, которая, к сожалению, видимо лишь укрепит версию о моём умышленном отравлении – независимо от врачей – и, если сочту нужным, исходя из ее специфики, изложу и ее максимально конкретно.

Вообще, как я уже говорил в этом дневнике, расследование версии отравления не входит в компетенцию врачей, их дело – поставить точный диагноз и назначить эффективное лечение, что они и делают в моем случае.

Но когда, в силу специфики моего клинического случая, волей-неволей, приходится хотя бы вскользь касаться возможных причин заболевания, мне доводится слышать такое, что порой возникает желание поделиться с общественностью – не с целью приписать себе какие-то политические очки, а, чтобы свести к минимуму досужие сплетни и донести до общественности достоверную информацию из первых уст.

Положит ли эта информация начало расследованию в нашей стране, находящейся под двойной оккупацией – на этот счет у меня не осталось никаких иллюзий, я давно махнул рукой и на наш чиновничий аппарат – так сладко спевшихся «националов» и «мечтателей», и на прибившихся к ним обитателей других партий – таких же рабов Матрицы.

Некоторые врачи – в том числе, из США, Германии, Англии, Израиля, России – с которыми нам приходится работать, не знают кто я такой, и не знакомы с политической составляющей моего случая – ни со странной хронологией событий, ни с нашей политической борьбой и необъяснимым журналистским переполохом, который бесы сами и подняли вокруг моего отравления, а после, когда я остался жив, все разом замолчали, о чем я писал в своей статье «Странные обстоятельства моей болезни» (см. статью: <https://cutt.ly/BTdVXEK>).

Эти врачи знают лишь мой возраст, мои анализы, у них в руках вырезанные частички сердца, костей и экземпляры костного мозга, которые мы переслали им в Европу, и, согласно этим данным и динамике анализов тяжелой трехмесячной химиотерапии, они ставят диагноз и делают прогнозы.

Основываясь именно на их объективном, научно-практическом мнении, как пациент я делюсь и буду делиться в будущем всем, что посчитаю примечательным для общественности, таким образом, чтобы никак не навредить этим врачам.

И если мой ближайший консилиум выявит какой-либо дополнительный подобный факт, я и о нем расскажу с такой же объективностью.

Я уже говорил и о том, что моя психика упрямо не желает верить, что меня отравили, и ищет основание для доказательства обратного.

Если сказать, что меня это очень печалит – тоже будет неправдой, и мой духовный отец посоветовал мне то же самое, и я с первых же дней был согласен: на все воля Божья, да славится имя Его и за все благодарю Его!

У меня вообще нет ни времени, ни сил и ни желания, чтобы вести расследование. Просто порой, когда подобные анализы и медицинское обсуждение выявляют нечто явно аномальное, рассудок, вольно или невольно, возвращается к этому вопросу – спокойно, не очень нервничая или переживая.

Что касается упомянутого мною искреннего нежелания поверить в версию моего целенаправленного отравления, то я не думаю, что оно обусловлено страхом – а что со мной сделают впредь? – поскольку, в таком случае, получается, что заказ не был осуществлен до конца.

Если бы это было так, то я вообще остановился бы на этом пути, и меня бы поняли, но нет, думаю, здесь мы имеем дело с нежеланием простого человека – даже такого недостойного христианина, как я – верить в существование подобного безжалостного зла.

Кому не случалось видеть жестокость собственными глазами – не по телевизору, а непосредственно, и все-таки не верить тому, что мы увидели. Это доказывается и тем, что даже в те дни, когда версия отравления кажется мне достоверной, меня не охватывают ни чувство гнева, ни желание отомстить. Если бы это касалось кого-нибудь другого, то, наверное, такие чувства могли бы возникнуть, но, я только молюсь за людей, которые возможно совершили это зло и молю Всевышнего простить их, если они и правда существуют. Не потому, что я какой-то великий христианин, но потому, что того хочет сердце наедине с иконами.

Эта глава дневника совсем о другом. Я просто хочу поблагодарить моих врачей – благодаря также и им свершилось настоящее чудо, что я до сих пор жив.

А об одном человеке я хочу поговорить особо.

Это мой кахетинский друг, работает в Америке и когда я ему сказал, что должен о нем написать в «Дневнике Немощного», он по-кахетински отрезал, слушай брат, отстань, что может быть лучше, чем скромно работать и молиться. Но будет несправедливо не рассказать о нем, и я гуриец, отвечу здесь ему по кахетински-же, не хочу оказаться в росли осла, от которого нет толка ждать благодарности (примечание переводчика: известная в Грузии древняя картли-кахетинская

поговорка о скупом человеке: «ვობო მადლიო» – «виро-мадлио» – от осла-благодсть,) поэтому несмотря на его не-желание, считаю правильным рассказать о нем и о других врачах, о чудесных событиях, произошедших в последние месяцы, о людях посланных мне Всевышним.

Этого друга зовут Гела Мчедлишвили, уже 30 лет как он живет в Америке вместе со своей красивой грузинской семьей, там он учился и сейчас работает, вначале был кардиохирургом, затем стал нефрологом, сейчас работает в Лос-Анджелесе.

Гела настоящий кахетинец, мы познакомились, когда примерно одновременно приехали в Америку на учебу, но подружились всего несколько лет назад.

Я уже тогда слышал о нем, что есть такой вундеркинд из Телави, который самостоятельно подготовился к сложнейшим американским высшим медицинским экзаменам, не выезжая из своего Телави и попал в высший процент мировых результатов, сдал и что у него ненормально высокий показатель IQ и невиданная работоспособность, которая удивляет даже американцев.

Доктор Кен Уолкер (если вы помните, я посвятил его кончине отдельное теле-обращение: <https://www.youtube.com/watch?v=xXEX0wEY7Ss>) благодетель многих грузинских студентов – среди них и мой – был в восторге от Гелы и помог ему устроиться учиться на медицинском факультете в одном из лучших университетов США, в университете Эмори, где я тоже учился на магистра бизнес-администрирования.

За последние месяцы, в тяжелейший период для нашей семьи, Нино и я (супруга тоже очень любила Кена, – он несколько раз в году приезжал в Грузию и всегда приходил к нам) не раз говорили, что насколько легче было бы нам принимать эти мои тяжелейшие решения в связи с лечением, если бы Кен был жив. Сейчас я понимаю, что с легкой руки Гелы дело Кена продолжается.

Мой дедушка, профессор Леван Чантуришвили, крестил Кена в православного и при крещении его нарекли Петром, потом раб Божий Петр стал крестным отцом моего второго сына Георгия.

Я до сих пор в долгу перед Кеном, за все его добрые дела, за все что он сделал для меня и для многих грузинских студентов на протяжении многих лет.

Очень жаль, что большинство из них, продолжая свою медицинскую деятельность, не смогли вернуться в Грузию, и не из-за финансов, а из-за отсутствия соответствующих для них медицинских условий. Но многие из них издали, по возможности, помогают жителям Грузии и вместе с другими эмигрантами мечтают о времени, когда можно будет вернуться на Родину.

Наша дружба с Гелой началась несколько лет назад. Гела написал мне, я такой-то и знаю, что несколько лет назад ты вернулся в Грузию и «завидую» тебе, если помнишь меня, давай встретимся когда приеду в Тбилиси и выпьем по бокалу. Я, конечно, помнил его, и обрадовался. Так мы и встретились.

Сели в «Агараки» на Самадло (около Бетании), накрыли братскую Супру и Гела от чистого сердца высказал некие хвалебные слова в мой адрес – которых я не заслуживаю – за то, что я делаю на Родине.

Но во время Супры, я почувствовал с его стороны ту любовь к Родине и переживание за нее, которые испытывает каждый достойный грузин, и тут же понял, что этот человек мне брат.

После той встречи мы переписывались раз в несколько месяцев. Я все время уговаривал его вернуться в Грузию, но какие уговоры нужны от меня такому человеку, который также как и все патриоты-эмигранты, и так скучает по Родине.

О моем несчастье он узнал из бесовских телеканалов, которые, не объяснимо откуда, подняли скандал о моем отравлении, о котором я сам тогда и не подозревал и – просто, в частном порядке летел на проверку из Батуми в Стамбул, о чем знали лишь моя супруга, секретарь, да и глава охраны – а затем, когда я выжил, замолкли. Об этом я подробно писал в своем письме «Странные Обстоятельства Моей Болезни», (<https://cutt.ly/BTdVXEK>), которое потом бесы же схлопотали стереть с Фейсбук нашей страницы Всемирного Конгресса Семей X, а саму страницу до сих пор держат впредь в т.н. «красной категории», таким образом резко ограничивая пользователям делиться материалами с нее.

Итак Гела, узнавший о моем положении из СМИ, перепуганный позвонил мне сразу, мол, что происходит.

Я уже был в Турции, в шоке от предварительного первого диагноза и в безнадежности, от того, что не могу вернуться в Тбилиси до известных событий 5 Июля.

Но тот турецкий врач по фамилии Гултекин (гули – «გული» – по-грузински «сердце», я потом назвал его «გულთექიმო» – «Гултеким» – «врачом сердца»), кардио-эхоскопист, получивший образование в Австрии и который совершенно случайно первым осмотрел меня, потому что опасений за сердце не было, он точно поставил предварительный диагноз. В том же, упомянутом мной выше письме рассказывал о том, как врач переполошился, позвал коллег и сказал, что это очень редкое заболевание, о котором он читал в книгах и не является специалистом в этой сфере, но сердце находится на грани останковки, никто не знает, когда это может произойти и лучше завтра же сделать пересадку, наверное, вместе с печенью, а то жить останется всего месяц...

Все это я рассказал Геле и с этого момента началось участие этого замечательного человека в моей судьбе – это участие ежедневное и говоря честно, я ни с чем подобным не встречался.

Нино тоже сказала, что если бы у меня был сын или брат врачом, таким беззаветно верным врачом он не был бы...

Я здесь не буду докучать вам восхваляя Гелу, рассказывая все детали, это и физически невозможно, но несмотря на 12-часовую разницу во времени с Лос-Анджелесом, я нахожусь под постоянным контролем врачей, которых он помог выбрать и протоколом лечения, он с

невероятной дипломатией координирует врачей, проживающих в разных государствах. И постоянно молится за меня.

Часто получаю его фото с семьей – слышали бы вы как его сын поет грузинские песни – с подписью: «Мы были сейчас на вечерней службе, и всей семьей молились за тебя. Все будет хорошо, вот увидишь!»

И несмотря на то, что сам Гела не является специалистом этого заболевания, мои лечащие врачи признаются, что удивлены его детальным знанием заболевания и некоторыми новыми деталями, которые узнают от него.

Но здесь важно не его отношение к делу, а его согласие сердца с разумом, то, что делает его настоящим «картвели» («ქართველი» – грузином) (смотрите: Леван Васадзе и друзья – беседа №3 – «Иберийский логос» – <https://www.youtube.com/watch?v=vFnmMzA6QGY>).

Кроме него, помимо турецкого врача, я не могу не вспомнить и не поблагодарить моего главного лечащего врача и еще нескольких человек. Позвольте сделать это легко и последовательно, чтобы не наскучить вам.

Во время моего пребывания в Стамбуле мне повезло, познакомиться с местным гурджи («гурджи» – грузин, от перс.) представительным, дворянского рода, великолепным кардиологом Исметом Микеладзе, его другом, Джемалом Агаишвили, председателем грузино-турецкой бизнес ассоциации со стороны Турции и с его супругой Улку Микеладзе.

Это был тот вечер, когда мы с Нино, ошеломленные диагнозом похожим на приговор, сидели в гостиничном номере и говорили о восьмерых детях – о мужественной и ангельской личности Нино я здесь даже писать не буду.

В это время с нами связался господин Исмет, посол Турции в Грузии Фатма Джерен Язган узнала о моем пребывании в Турции, сообщила Джемалу Агаишвили и он пригласил нас на ужин.

Мне и Нино, было не до ужина, но мы отправились на встречу и прекрасным вечером на террасе одного из ресторанов на берегу Босфора познакомимся с этими прекрасными людьми.

Любовь и тоска этих гурджи в третьем поколении, изгнанных с Родины, тосты, сказанные с нежностью – это отдельная поэзия, и несмотря на наше состояние (я больше беспокоился за Нино, чем о своей физической кондиции), эти слова согревали наши сердца.

Наше общение продолжилось и на следующий день, уже дома у господина Джемала, где мы познакомимся с еще одной прекрасной парой гурджи, такова была воля Божья, чтобы в эти тяжелейшие субботу-воскресенье мы не были бы одни и вместе с этими хорошими людьми перенесли тяжелое известие.

Я не мог скрыть своего положения от столь внимательных хозяев и по возможности мягко объяснил, что происходит. Я и Нино никогда не забудем их волнение, помощь, поддержку, они

посылали меня к альтернативным врачам и слова «с Божьей помощью все будет хорошо» – поддерживали нас в эти дни в Стамбуле. Если бы мы были одни, нам было бы труднее перенести случившееся, несмотря на то, что ни я, ни Нино не из робкого десятка.

За это время я несколько раз беседовал с Гелой, он конечно знал, что такое амилоидоз, сказал, что не может быть, чтобы у такого здорового человека внезапно с такой интенсивностью возникло это заболевание. Тем более, что он видел мои апрельские медицинские анализы и я был абсолютно здоров. Мы начали думать, что делать.

Стало ясно, что нас ожидали трудные и длительные специализированные исследования, вопрос ставился где и как их проводить – исходя из критического состояния моего сердца и нескончаемых ковид-ограничений в период перманентного закрытия разных стран.

Как выяснилось позже улучшился показатель сердечной фракции, т.е. индикатор сжатия и выброса кислорода, чего нельзя объяснить никаким мочегонным (см. упомянутое письмо).

На встрече с моими сторонниками в Гурии-Аджарии у Сосо Манджавидзе, Шота Глурджидзе и Левана Дадиани начался такой же удушающий кашель, как и у меня, который у них прошел быстро и без осложнений (Слава Богу!), мы расстались – когда я 16 июня перелетел из Батуми в Турцию, а они вернулись в Тбилиси к семьям, надеясь, что в Стамбуле я быстро пройду медицинское обследование и вернусь в Тбилиси до 5 июля.

Так как была опасность остановки сердца в любую минуту, и рекомендация по срочной пересадке, я спросил Гелу, может мне перелететь в Москву к Лео Бокерия, так как он возглавляет Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева, где в год проводят 6 тыс. операций на остановленном сердце, т.е. больше чем где-либо в мире.

Гела ответил, что Бокерия и его центр являются мировым авторитетом в этой сфере, в студенчестве он учился по его трудам, изучал мерцательную аритмию и один раз даже встретился с ним; это хорошая мысль, находиться в его центре пока будут проходить бесконечные исследования.

Я связался с господином Лео, он внимательно выслушал меня, сказал, что работает в этой сфере уже 50 лет и таких случаев было всего два, предложил приехать – «не думаю, что у тебя это заболевание, приезжай и все выясним».

С этого момента начинается удивительное внимание и забота Лео Бокерия ко мне. Он приставил ко мне одного из своих заместителей, замечательного армянина Артака Испириана из Ниноцминда, учившегося в Тбилиси. Он – воплощение спокойствия и воспитанности, полный любви к Грузии, обладающий прекрасным чувством юмора. Специалисты центра им. Бакулева за несколько дней сделали почти невозможное и комплексно исключили возможность существования сердечных заболеваний другого типа... Не буду вдаваться в детали...

Это был интенсивный комплекс исследований, который провели там же, например, помимо прочего, не усыпляя меня, через сонную артерию ввели биопсионные щипцы и вырезали из сердца 6 частичек, чтобы переслать их в институт им. Тареева специализирующийся на исследовании редких заболеваний, профессору Моисееву – в Первый Медицинский Институт им. Сеченова.

Исходя из моего возраста, состояния здоровья и клинической картины, профессор Моисеев и его коллега, профессор Рамеев, также недоверчиво отнеслись к первичному диагнозу от турок, но, к сожалению анализ частиц сердца, проведенный в специализированной лаборатории, вместе с углубленными анализами крови подтвердили диагноз.

Я узнал, что действительно болен амилоидозом, и что существует его три основных типа и что тип AL самый агрессивный и опасный для меня, но зато он не передается генетически – о чем я переживал, чтобы болезнь не отразилась на детях и их будущем.

И когда это случилось – исключили другие типы (слава Богу!) и подтвердился тип AL приобретенный тип – естественно я принял это как великий подарок и облегчение и благодарил Бога за это.

Тут же появилось сомнение в существовании второго заболевания, рака крови, который называется множественной миеломой, и которая так же была подтверждена позже.

Амилоидоз вырабатывает в теле ядовитые белки, которые оседают в разных органах – как правило в почках, затем в печени и реже в сердце – и постепенно убивает их, а миелома, т.е. рак крови локализуется в костном мозге и вызывает разрушение костей.

Но вот что важно и я об этом уже писал в вышеупомянутом письме: как правило, в случае такого сочетания, первичным является рак крови – во время развития заболевания у пожилых пациентов в результате многочисленных сеансов химиотерапии и других препаратов назначается диализ, это мучение длится годы. И после этих сеансов со временем в почках развивается амилоидоз данного типа, ядовитые белки откладываются на стенках почек.

А у меня миелома, обнаружилась в начальной стадии, как первичное заболевание, которое в том числе может появляться и в результате радиационного облучения и отравления, при этом никак не коснувшись почек и печени, но атаковав прямо сердце, да так быстро, что чуть его не остановило.

И все это происходит в то время, когда я в узком кругу в марте-апреле начал говорить о желании начать политическую деятельность. Именно в это время у меня начался необъяснимый кашель, затем ухудшение состояния здоровья и все это происходило в условиях, о которых я говорил в письме.

А как только я покинул Грузию отложение ультра-агрессивных белков амилоидоза в сердце само по себе остановилось.

И пока я полтора месяца исследовал эта ли болезнь меня атаковала, она не развивалась. Несмотря на тяжелейший шок, который я получил узнав о диагнозе, я не лечился и не принимал никаких медикаментов, кроме единственной таблетки мочегонного препарата. Все это выглядит весьма странно.

В связи с этим предлагаю вам просмотреть письмо Кристины Пушоу, тогда главного координатора бесов Восточной Европы и стран бывшего Советского Союза (которое она опубликовала в мае 2019 года после событий в «парке Вера») обо мне, где говорится, что меня надо обязательно остановить: <https://cutt.ly/VTdCShS>

Но вернемся к моим врачам.

Не могу не упомянуть моих двух близких друзей в Москве – это Леонид Меломед и Владимир Гурдус (я крестный отец любимой Александры, дочери Владимира).

Оба они по образованию врачи, но занимаются бизнесом. Вместе с ними я работал в компании «Система», начальником по стратегии и четырнадцать лет назад ушел оттуда. Это происходило до того, как Сечин, конечно не без санкции Кремля, отобрал половину бизнеса у корпорации и отправил руководителя Владимира Евтушенкова под домашний арест на несколько месяцев.

Леонид и Владимир остались моими друзьями на всю жизнь. Сейчас они вместе занимаются медицинским бизнесом. Когда они узнали о моей болезни, и что я лежу в Москве в клинике, так же, как и Гела, окружили меня заботой и вниманием, помогая в организации лечения и принятии тяжелейших решений.

Так совпало, что в прошлом году мы чуть не потеряли Владимира из-за острого медиастинита. Мы молились о его выздоровлении. Галина, супруга Владимира, одна из главных организаторов в России домашнего образования.

Мои друзья, под чутким руководством Гелы из штатов, нашли мне необыкновенного лечащего врача в Израиле – Паулину Поточенко, которая является воплощением профессионализма и воспитанности, сейчас она руководит сложнейшим процессом моего лечения. Я безмерно благодарен ей!

При выборе протокола лечения (был российский вариант и был международный – мы выбрали международный) и первого этапа, т.е. выборе места проведения тяжелой химиотерапии (уже четвертый месяц с трудом переношу эти сеансы) на длительный период, высказывалось много разных предложений людьми намного образованнее меня, где это делать, но в результате споров вопрос всегда от врачей и друзей возвращался ко мне: Леван, ты не глупый и должен принять решение, на кону твоя жизнь.

Намного тяжелее месяца исследований и ожидания подтверждения страшного диагноза, на меня повлияла именно эта неделя, в течении которой проходили консилиумы и конференции по данному вопросу. Если бы не Нино, я бы не знал, что делать. Но здесь я ничего не буду рассказывать о ней.

Наконец, истощив все возможности разума я опять помолился, обратившись к Господу: «Помоги Господи, принять решение, видишь мой разум не может охватить всего!» В ту ночь я спокойно выспался, Господь услышал мою молитву. На следующий день я безболезненно принял все решения. И здесь победили грузины. Бокерия устами Артака сказал, чтобы я никуда не уезжал: «Поверь, не дай Бог что-то случится с твоим сердцем, я ничем не смогу помочь...» И Гела по-кахетински настоял на альтернативном протоколе.

Без проблем мы нашли в Москве клинику, которой руководит моя давняя подруга Лена Брусилова. Она прикрепил ко мне двух прекрасных русских гематологов, профессора Алексея Борисовича Федорова и его заместителя, Радиона Валерьевича Тарновского, которые присоединились к Паулине и Геле и вместе с ними ввели меня в это тяжелейшее и длительное море лечения.

В этом процессе бывают и споры, и напряженность, но это настоящее чудо, что я до сих пор жив и есть надежда на улучшение, благодаря Матери-церкви и молитвам стольких людей и необыкновенной деятельности этих врачей.

У меня есть утренние и вечерние часы, когда я похож на человека, когда я могу помогать другим и заниматься делами, в это время так же провожу регулярные онлайн встречи с людьми, поддерживающими нас, с учеными разных отраслей, на тему как помочь Родине и всем, кого интересует что-то конкретное, а не «что с нами будет?» или «пропащая наша отчизна» и написание ободряющих комментариев – за что сердечно благодарю. Но я рекомендую вам зарегистрироваться на веб-странице <http://eri.ge/register/>, здесь вы узнаете много интересного: как вы можете внести свой вклад в народное дело, независимо от ваших возможностей, возраста и только по вашему желанию – давайте, исключая пустые возгласы, будем делать вместе что-то нужное. Каждая конференция в «Zoom»-е вмещает не более 100 человек, поэтому может вам придется немного подождать, но, если вы регистрируетесь, мы обязательно встретимся и я с моими друзьями ответим на ваши вопросы.

Возвращаясь к моим врачам, я в огромном долгу перед ними и прошу вас помянуть их в своих молитвах!

Если вы помните, я поблагодарил несколько человек, которые в этот тяжелейший период оказали мне и материальную помощь, тихо, по мужски, никому не трезвоня об этом.

Тоже ирония судьбы, что мне оказавшему помощь тысячам незнакомым мне людям, когда у меня была на это возможность, самому она вдруг понадобилась.

Но это отдельная тема, и, если вы помните я специально не назвал людей, оказавших мне помощь, чтобы не создавать им проблем. Я знаю, что случается, сколько людей обращаются за помощью и многие из них аферисты.

Надеюсь, с Божьей помощью, я, со своей семьей, «отплачу» этим людям и как можно скорее, не останусь у них в долгу, но невозможно забыть их добра. Сам я естественно ни у кого ничего не просил, эти люди сами пришли и спросили, чем могут помочь, я ответил, что приму помощь,

только если мне позволят ее вернуть, как только смогу. Каждый, как один, смеялись... Первым, кто помог, был супруг моей ближайшей подруги, которую знает вся Грузия, он сказал: «Ты бы на моем месте поступил бы так же, ты всю жизнь только и делал, что помогал...»

И опять Всевышний показал мне теплоту нашей чудесной страны и уже который раз объяснил мне недостойному, что «Все, что отдал – то твое, а что нет – потеряно», так пишет наш вдохновенный Господом мировой гений, Шота Руставели.

Прошу помянуть в молитвах раба Божьего Гелу и моих врачей, впереди нас ждет долгая борьба, сколько бы я ни боролся, все в руках Божьих, да будет воля Его!

Люди окружающие и помогающие, поддерживающие меня – все рука Божья, кроме тех досточтимых отцов, которые дома проводят, окормляют, соборуют и причащают меня и молятся за меня, что безусловно является моим главным лечением, без этого все будет напрасно.

С надеждой, до завтра.

Леван Васадзе

28.10.2021

Перевод: Елена Рухадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XXXVII Глава. Неавторский перевод

Нино полетела в Тбилиси (на сколько родители могут оставлять 8 детей на бабушек с дедушками, как бы при этом сестры и братья не помогли друг другу). А ухаживать за мной прилетела любимая сестра, Тата.

Это еще один подарок из-за этой странной болезни. Мы с Татой вместе в последний раз жили после того, как нам пришлось перебраться в Цхнети с родителями, когда во время братоубийственной войны сожгли наш дом в Тбилиси, находящийся позади Первой школы и Парламентом. В Цхнети мы жили (питаюсь серыми макаронами) с многими беженцами из Абхазии в 92-94 годах, пока Тата не вышла замуж за моего прекрасного зятя, Левана Муджири.

Затем я отправился учиться в Прагу и в Штаты... Затем в Россию, а после – в Англию и несмотря на то, что мы в течение года виделись несколько раз, радости пожить под одной крышей давно не было.

Тата, как младшая сестра и как человек всегда была лучше меня во всем – будь то внешность, внутренний мир, характер... Так и сейчас. Она – мой ангел.

Когда после событий 9 Апреля, 1989 года в Тбилиси, в Крцанисской глазной клинике меня перевели из реанимации в палату, из-за полученных травм и шока у меня наступило время психореакции.

Меня беспокоили видения, которые много лет не оставляли меня. Днем, когда я «бодрствовал», чтобы мне три раза в день сделали очень болезненный укол прямо в глаз, из-за перенесенной боли моя нервная система была на грани, и я, прости меня Господи, никого не пускал в палату

Разрешал войти только Тате и дедушке Левану.

Не переносил проходящих ко мне делать фото молодых типов из национального движения и друзей, многие из которых впоследствии использовали политику для своей выгоды и вконец извратились. Можно сказать что, тогда-то я и возненавидел политику.

Из-за моего психического состояния я не мог принимать ни членов семьи, ни друзей. И не знаю причиной тому было, что я живой оказался среди трупов в импровизированном морге в «Доме художников,» или же причиной был газ, которым я надышался, или же мясорубка, которую пришлось пройти в рукопашной с солдатами, пока не потерял сознания.

И только Тата кормила меня, лежащего с перевязанными глазами, с ложечки и иногда я слышал, как она тихонько плакала.

Однажды пришел дядя Бату Кевлишвили, мой крестный отец. Он также является отцом и учителем всех достойных регбистов Грузии.

Я не мог показаться таким перед ним и претворился спящим. Хотя в душе обрадовался его приходу, его львиной ауре. Я слышал, как дрожали его плечи от рыданий, но пока он не вышел, глаза не открыл. Кто бы мог представить плачущего Бату Кевлишвили?! У него такие пальцы, что, если в кармане не было карандаша, он не мог позвонить по телефону (по старому дисковому телефону).

Между прочим, тот либеральный, демократический дух, который внедрился недавно и в регби: потеря уважения младших к старшим, наглость, стремление к наживе и постам – все это в первую очередь было направлено против дяди Бату даже в прошлом году, что очень огорчило нас. Слава Богу, что им ничего не удалось и на этот раз!

Помню, когда дядя Бату вышел и в палату вошли мои два лечащих врача, чтобы провести очередную процедуру, я, наполненный горечью, спросил, когда смогу опять играть в регби.

Господин Ива Берадзе окружил меня тогда особым вниманием, его врачи всячески заботились обо мне в медицинских условиях того периода и ничего не скрывали от меня, 18-летнего юноши.

Врачи переглянулись и один из них тихим голосом мне сказал: «Леван, о каком регби идет речь, ты и бегать-то не сможешь. Даже если забыть про глаз, ты получил двадцать четыре тяжелых ударов по черепу и по позвоночнику. Из осмотренных живых пациентов, ты самый тяжелый. И если бы не твои занятия регби, мы не поверили бы, что человек после перенесенного может выжить».

Помню, как из-под бинта из здорового глаза скатилась горькая слеза, и я немного дерзновенно сказал, что через год приглашу его на мою игру. И правда пригласил, хотя начинал тренировку с гимнастики для стариков, у меня правда был нарушен координационный баланс, и я не мог нормально ходить.

В гости к нам приехала первая студенческая сборная Франции, я занес попытку французам, когда Гуга Гегенава ввел меня на замену, и моя капроновая майка осталась в руках француза. Мне дали новую майку и произошло чудо, я опять прорвал линию французов с нашей с 22-ой зоны, и кто бы меня догнал, но я почему-то упал сам. Потом годами мне снилась эта не занесенная попытка.

Я это рассказываю, не для того чтобы похвастаться, какой я джигит, а просто вспоминаю, что там же получил удивительный урок Божьей воли.

Если бы не последующие травмы от регби, обидные до смеха, которые я получил в решающие моменты, я бы остался в своем любимом спорте.

Травмы и правда были абсурдными и смешными, но для меня слезными.

Например, еще до распада Советского Союза, в Кисловодске, на олимпийской базе был первый зимний сбор грузинской сборной и Бендиашвили пригласил и меня.

Моей радости не было границ, но в зале, во время упражнений с тяжестями, у кого-то из наших с грифа штанги слетел 20 кг «блин» и как гильотина упал мне на палец и все мои регбийные планы опять разрушились. И т.д.

Если бы не эти травмы, и будь моя воля, я бы – помимо проговоренной мне от рождения поэзии – по сей день был бы тренером по регби, так я люблю это наше воинское искусство – взамен всего, что менее увлекает меня.

Но сейчас я понимаю, что это была воля Божья идти другим путем и служить Ему.

Так как я пишу этот дневник надеюсь, что его прочитают и молодые люди и так как эта глава об взаимоотношениях братьев и сестер, хочу сказать, дети мои, чтобы вы свои удивительные таланты и стремления не растратили впустую. То, чем вы наполняетесь сегодня – этим будете жить в будущем.

В годы поисков не позволяйте себе совершить нечто, из-за чего потеряете свою человечность, когда у вас пройдет ваш гормональный «взрыв».

Не опешите своего сердца так, чтобы потерять способность к верности.

И что самое главное, чтобы вы не хотели, как бы вы не хотели достичь какой-либо цели, помните, что существует ваша воля и существует воля Божья, которая стоит за пределами времени и Он знает, что для нас лучше в любую секунду.

Сейчас то же самое, например, происходит с моим Николозом, которого из-за его сильного характера сестры и братья называют сваном.

Кстати и видимо не зря, как-то зимой мы были с ним, совсем еще мальцом, в Сванетии, в Местии, и ныне покойный Тезо Джапаридзе попросил меня: «Этот мальчик наш, прошу оставь его на одну зиму у меня».

Никуша в последние годы сильно увлечен боями без правил. И происходит то же, что и со мной было в молодости.

Его так увлекла цель, что он спросил: «Пап, а можно оставить школу и переехать к Хабиб Нурмагомедову в Дагестан, чтобы тренироваться? Что скажешь?» Исходя из его характера, понял, что дела обстоят очень серьезно.

К сожалению, позже он на тренировке повредил поясницу, которая никак не излечивалась. Показали его мы всем врачам, и все говорят одно и то же – ничего нет, это возрастное, он очень быстро растет и обязательно все пройдет.

Я тут же догадался, в чем дело и сказал ему: «Сынок, Бог попустил это над нами потому, что в последние пару лет в школе, видимо тебе следует несколько отступить от этой твоей сильной страсти к спорту и продолжить усердно учиться!»

Он человек слышащий и сразу же послушался меня, опять стал усердно заниматься физикой, математикой, и недавно я узнал, что он опять стал одним из лучших учеников в нашей школе. Это самое хорошее, что он мог сделать и для меня, в моем-то состоянии.

По вечерам я видел, как проявляется его сванство, мужественность, как текут слезы горечи, когда он все-же, как может, подтягивается на турнике и брусьях, да еще и младшего Илико тренирует.

Я знаю, как только он преодолет этот барьер, выполнит обязанности, связанные с учебой, у него пройдет спина, и из-за его характера он может снова вернуться в свой любимый спорт или в что-либо подобное, например, может заняться тем-же регби, в который играют сейчас его старшие братья Ика и Гио, в высшей лиге Большой Десятки.

Но благодать здесь в том, что он послушался отца, а тот, кто выполняет волю отца, тот всегда побеждает.

Я так свободно рассказываю подобные истории о моей семье, потому, что считаю всю Грузию семьей и наше разьединение, и разобщение по кланам во все времена было результатом действий врагов нашего народа.

Мы должны делиться хорошим друг с другом, с детьми, а с плохим должны бороться, стыдить и помогать друг другу победить зло. Сейчас же в этой либеральной тюрьме у нас все наоборот.

Если мы вернемся к лету после 9 апреля, когда наконец-то меня выписали из больницы, я поднялся в Кикети, был поражен свежей зеленью леса, встретил Нино и влюбился. Нино – бальзам моей души.

Тата, как сестра – тоже мой бальзам.

Наверно все согласятся со мной, что так легко, как ты говоришь с сестрой или с братом, так с другим невозможно – понимаете друг друга с полуслова, мельком вспоминая прошлое и радуетесь.

К сожалению, как в эпоху коммунизма, так и в либерал-урбанистической современности у большинства из нас, как правило, один брат или сестра. И только сейчас начинаем понимать сколько мы потеряли.

Модерн и пустой рационализм обманывают человека, говоря, что сначала нужны деньги, накопления и потом уже семья.

В действительности же все наоборот.

До того, как мы с Нино создали семью, я крутился как белка в колесе, у меня не было отдыха, все что получал не имело смысла, оно пропадало где-то; а как только мы создали семью, появилась возможность ее содержать, конечно в результате труда и терпения.

Когда появилось больше возможностей, тогда же знал, что должен делать что-то полезное для людей и для Родины. Только помогать нужно тем, кого эта помощь не погубит и не потопит в собственной неблагодарности и зависти (к сожалению, такие тоже мне повстречались). Помогать нужно тем, кто и так честно трудится и это будет благодатью для них.

После этого сколько раз мне было трудно, сколько повстречал неблагодарности, клеветы, предательства, оскорбления, среди них было всякое и от близких людей, но я никогда не жалел, что иду по этому пути.

Поэтому, любимые дети, те кто остается в миру и не уходит в монастырь – не всем достичь этого уровня – как можно скорее создавайте семьи, рожайте как можно больше детей. Усердно трудитесь, пытайтесь покинуть город и будете счастливы на этом пути.

Все остальное – ложь.

Как раз самые богатые нации и самые богатые части урбанистического общества и имеют малую рождаемость и когда гибнут их культуры, их места занимают другие.

Посмотрите, что происходит в обезбоженной западной Европе – несчастный Рим и Париж переполнены перемешанными тысячами народностей и запахом мочи, такого будущего вы хотите? Или, вы хотите дом на земле, где-нибудь в сказочной Грузии? И жить в нем, и трудиться, хоть за компьютером, хоть трактористом, хоть специалистом по лизингу техники, хоть в

винограднике – и после работы вечером вместе с семьей отправиться в гости к похожим на вас людям, сесть у костра и слушать голоса ваших детей?

Если вы этого хотите, то готовьтесь к этому уже сейчас, не дайте себя погубить городу и возрасту блудного сына, выбирайте себе супругу по любви и верности, – но не перепутайте этого с тем, что у вас чешется ниже пояса – и подарите как можно больше детей Грузии.

Чем больше детей будет у вас, тем легче будет их растить, так как, они помогают друг другу расти, и несут часть вашего груза и у вас будет сладкая старость – поверьте мне, знаю, о чем говорю.

Преследуйте ложь этих аферистов, которую впихивают в ваши головы в этих оккупированных университетах вместо настоящего образования и – не дай Бог – вас ждет скука и одиночество.

Это те люди, кто в свое время были в компартии, а сейчас стали либерал-западниками, или же были такими «лузерами», что даже в 80-е не смогли попасть в грузинскую компартию, стоя в очереди, и проникли во власть, когда совестливые коммунисты после 9 апреля сдали партбилеты и квоты освободились.

И если, не дай Бог, завтра здесь загромяхают русские танки, эти прозападники и достанут из сундуков свои партбилеты и будут кричать, что столько лет их ждали, – а я и подобные мне буду вновь как Джокла (прим. Переводчика – герой поэмы Важа Пшавели.)

Я первый, кто хочет установить с Россией достойные взаимоотношения, для того, чтобы объединить Грузию и дружить с ней – но не так, чтобы этот наш навоз снова всплыл на поверхность, как вечный род рабов и предателей своей Родины.

Так будет всегда, как учит нас апостол, сей мир лежит в грехе, но Каиниты, такие как Каин, никогда не будут так счастливы, как Абелиты и Сифиты, и вы должны сделать выбор кем вам быть – человеком или не-человеком – адамиани или ара-адамиани.

И если вы хотите быть адамиани, поверьте, единственный путь к этому, это не быть индивидом, а быть личностью. Индивид – изолированная свинья, «я», а личность – обязательно является частью семьи.

Поэтому, чем быстрее вы создадите семьи и чем больше сестер-братьев будет у ваших детей от верных родителей, тем крепче будут ваши сыновья и дочери, и тем счастливее будет ваша жизнь, – чтобы ни происходило, как бы не нападали и в чем бы не обвиняли бы вас бесы.

Леван Васадзе

31.10.2021

Перевод: Елена Рухадзе

В последнее время в нашем обществе спор о развитии сельского хозяйства вновь стал актуальным. Причины, вызвавшие его, наверное, нужно искать в политических кругах, но независимо от вызвавших причин, тема, конечно же, очень важная и широкая с народной и общественной точки зрения.

Примечательно, что в современной Грузии с трудом можно найти такого политика или общественного деятеля, который бы посмел открыто признать незначительность сельского хозяйства, но в недрах т.н. экспертных и неправительственных организаций все равно виден саботаж этой отрасли, уже не говоря о 18-летнем циничном и лживом отношении к данной теме, как со стороны саакашист-либералов, так и со стороны бидзинист-либералов, что является прямым следствием их общей либералистической идеологии.

Цель настоящей главы «Дневника Немощного» (или письма) предать логической анафеме подобную антинародную алогичную позицию, популярным языком защитить идею обязательного развития сельскохозяйственного сектора и оставить поиск путей развития сельского хозяйства предметом более компетентного обсуждения.

Для этого необходимо разработать многолетнюю программу интегральной стратегии и ее реализации. Наше общественное движение – «Единство, сущность, надежда – Э.Р.И.» вместе с ведущими экспертами страны на этой неделе начинает работу над данной программой, и результаты работы так же, как и 19 других отраслевых Совещательных Палат мы представим общественности посредством телересурса «Э.Р.И.-медиа», который несмотря на мое тяжелое заболевание скоро заработает.

На каждом отраслевом совещании – а в каждом из них планируется провести минимум 3 конференции – насколько Бог даст мне сил я буду модератором. Вся эта работа охватывает примерно тысячу ученых и специалистов этих отраслей.

Эта работа продлится несколько месяцев и будет представлена общественности по частям – пока эти наши либерал-меинстримовцы подсчитывают итоги голосования по осенним муниципальным выборам посредством «подаренных» западом и Иванишвили электронных машин Dominion и делят между собой стулья.

Нам хорошо известны контраргументы скептиков по развитию сельского хозяйства и в их представлении почему-то это они носят характер догм.

До того, как мы начнем перечисление и опровержение этих догм, необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что часть молодежи, недавно увлеченная либеральной демократией, не готова отличить компоненты пропагандистской идеологии от науки – будь то экономика или социальная политика. Таким образом она часто становится жертвой своей необразованности, доверчивости и наивности, так как молодежь считает эту очередную новую идеологию, временно залетевшую к нам, бескорыстной и истинной.

А аргументы скептиков развития сельского хозяйства хорошо известны:

1. Для эффективного развития сельского хозяйства в Грузии нет достаточного количества земли.

Из всех контраргументов этот самый циничный и высосан из пальца, поэтому мы начнем с него.

В первую очередь нужно разобраться, что здесь подразумевается под сельским хозяйством и площадью.

Начнем с первого и скажем, что если грубо разделить термин «сельское хозяйство» на животноводство (включая птицеводство и рыбное хозяйство) и растениеводство, мы обнаружим, что вышеуказанный аргумент можно использовать в отношении лишь одной под-отрасли животноводства, а в частности дикого, степного скотоводства, да и то с большими оговорками.

Понятно, что в отличие от таких стран как Аргентина и Австралия, в Грузии меньше возможности кормить скот путем свободного выпаса, но то же самое можно сказать и про малые европейские страны, северные или южные (будь то Португалия, Бельгия, Нидерланды или же Норвегия), которые своей площадью похожи на Грузию.

Они же, кроме молочной отрасли, смогли прекрасно развить и отрасль производства мясных пород в стационарных фермах – как для внутреннего рынка, так и на экспорт.

А говоря о Грузии, где идеальный климат, почва, и огромные ресурсы воды, аргумент о трудности развития животноводства в Грузии мы считаем полностью безосновательным.

А что касается других отраслей животноводства (опять-таки в широком нехрестоматийном значении этого термина) – свиноводства, овцеводства, птицеводства, рыболовства и др. здесь вообще нельзя использовать аргумент малого размера.

В стране, где почти 7 млн. гектаров еще по стандартам советского времени 1,5 млн га были отведены под сельхоз угодья, что по масштабам Советского Союза составляло одну из самых больших пропорций.

Добавьте к этому современную аграрную технику и технологические преимущества и реально эта цифра только возрастет, хотя никто не проводил такого интегрального анализа.

Пропаганда негодности сельского хозяйства Грузии, якобы из-за малой площади, звучит особо цинично, когда мы вспоминаем пример Израиля, где сельскохозяйственные угодья меньше земель в Кахети, Израиль по производству и экспорту фруктов и овощей в Европу занимает одно из ведущих мест. Кто бывал на Святой Земле знает какая она каменистая и безводная. Или Нидерланды – Голландия (в переводе низкие земли), здесь большая часть территории ниже уровня моря и весной земли покрываются водой – затопляются. Несмотря на это страна представляет собой флагман сельского хозяйства в Европе.

2. Сельское хозяйство удел отсталых стран и это не является желательным стратегическим курсом для Грузии.

Исходя из путаницы и неточности этого аргумента нам придется привести несколько контраргументов, чтобы выпутаться из этой паутины.

В первую очередь для успокоения сознательных или несознательных либерал-радикалов скажем, что забота о комплексном развитии аграрного сектора вовсе не исключает развития других отраслей в стране или их подавление и игнорирование за счет сельскохозяйственного сектора.

Вообще развитие отраслей в экономике происходит не за счет подавления какой-нибудь отрасли, а говоря языком ведущей в мире консультационной компании McKinsey & Company, благодаря правильному использованию этой страной т.н. конкурентного преимущества (competitive advantages), которого в сельском хозяйстве Грузии достаточно.

Второе, развитие любой отрасли означает движение вперед страны, а не регресс. Это настолько простой аргумент, который вроде и вовсе не нуждается в дальнейшем пояснении. Но из-за наших антинародных радикалов, мыслящих определенными клише, грубыми и необразованными, нам придется опуститься на этот примитивный уровень, чтобы ответить на их необоснованные, ошибочные фобии и псевдо-аргументацию.

То, что в Зимбабве (несмотря на опасные эксперименты проведенные Робертом Мугабе) и в Израиле развит сектор сельского хозяйства вовсе не обуславливает соответственно неразвитость или развитость «Хай-Тэк» индустрии или развитие военно-промышленного сектора в этих странах.

Здесь этот аргумент либералов вроде бы мог бы быть частично оправдан необходимостью рациональной приоритизации трат ограниченных государственных ресурсов. Но это кстати сразу

приведет нас к необходимости спросить, а насколько оптимально ведутся эти затраты сейчас, но это не является предметом нашего письма.

Но даже самый поверхностный анализ делает ясным, что сельскохозяйственной отрасли Грузии нужны не столько бюджетные вливания, сколько – продуманная государственная стратегия и поддержка отрасли, адекватная налоговая система, таможенная политика и поддержка со стороны банковского сектора, также как и образовательная и информационная работа в этой сфере (если же мы, конечно не хотим, не дай Боже опять строить коммунистическо-социалистическую страну, где государство все финансирует а частная инициатива переходит в сферу воровства этих средств).

Вернемся к аргументу сельского хозяйства как участи отсталой страны и противопоставим следующий факт: не существует ни одной развитой страны или государственного образования без развитого сектора сельского хозяйства (Гонконг, Сингапур и Свальбард являются исключением, по понятным причинам) и, в то же время существует множество неразвитых, т.н. развивающихся стран, у которых нет развитого и современного сельского хозяйства.

Таким образом, к великому огорчению скептиков, мы приходим к постулату: хотим быть развитой страной – у нас должно быть развитое сельское хозяйство.

Кто скажет, что в развитых странах потому развит аграрный сектор, что у них есть необходимые для этого ресурсы солжет, так как хронология каждой отдельной страны говорит об обратном.

Тот, кто скажет, что это произошло в XIX и XX вв. и в будущем эта последовательность потеряла актуальность – солжет, так как хронология второй половины XX века, когда все мега-процессы уже состоялись в развитии индустриализации и аграрной технологии, говорят о том же в случае любой успешной страны – будь то Израиль, Чили или Южноафриканская республика.

3. Рыночная доля сельского хозяйства ВВП (Валовый внутренний продукт) развитой экономики не превышает в среднем 10% – когда же мы достигнем этого, поэтому нет смысла идти этим путем или стараться конкурировать, или же тратить на это серьезные ресурсы.

Этот контраргумент является хорошим примером поверхностного отношения к проблеме и псевдо-аналитики.

Начнем с рыночной доли аграрного сектора в развитой экономике и зададим ряд вопросов, который покажут убогость вышеприведенного контраргумента:

- кто-нибудь считал какое влияние оказывает на французскую экономику туристический сектор, которого не существовало бы если бы не было сказочного французского села? Гостиницы, рестораны, потребность в производстве постельного белья и посуды, и пр. Прелесть французских сел в свое время положительно повлияла на экспорт французских вин. Процентный эффект лучшего здоровья у сельского населения по сравнению с городским повлияло на экономию здравоохранения, прямой эффект сельской инфраструктуры отразился на росте потребления строительных материалов, из-за культурной аутентичности приходят инвестиции в неожиданные отрасли, такие как киноиндустрия – для съятия фильмов едут на село и т.д.
- кто посчитал эффект голландского аграрного сектора, на отрасль машиностроения в Голландии? Его последующий эффект на экспортный потенциал – в голландскую экономику пришли миллиарды от консультационных служб голландских экспертов по всему миру; деньги поступают от студентов, желающих получить образование в этой отрасли и т.д.
- кто-нибудь посчитал эффект аграрного сектора Германии на индустрию удобрений и необходимого оборудования для этой индустрии?
- кто-нибудь посчитал эффективность аграрного сектора Испании для финансового сектора – существование агро-страхования, одного из лучших в мире?
- и т.д.

Добавим, что вышеприведенные примеры (по конкретным причинам) мы связали с конкретными странами, в настоящем же каждая из них подошла по всем примерам, это касается всех европейских стран, включая, т.н. Новую Европу.

Если не касаться стран Прибалтики, Беларусь занимает все большее место в аграрном секторе как на внутреннем рынке, так и на экспортном.

Таким образом провозглашение незначительности сельского хозяйства для любой экономики суть акт полной глупости.

Более глубокий анализ показывает, что комплексное значение этого сектора для экономики страны гораздо выше. И, если мы серьезно говорим о некоем потенциале отрасли грузинской военной промышленности на примере собранного бронетранспортера (что само по себе неплохо), давайте задумаемся насколько больше нашего потенциала непосредственно в аграрном секторе и в связанных с ним отраслях для развития нашей экономики.

Что касается достижения уровня развитых стран, что это за аргумент для такой страны как наша? Тогда найдем отрасли, в которых эти страны не опережают нас. Туризм? Банковский сектор? Строительство? Тяжелое машиностроение? Легкая промышленность? Торговля? Сфера обслуживания? Ископаемые? Или что-либо другое? Если так, давайте сложим руки на груди и похороним себя в вечной отсталости? Нет? – Тогда почему мы так относимся к сельскому хозяйству?

- 4. Для нашего неконкурентоспособного сельского хозяйства необходимы субсидии (но денег у нас нет) или же защита от таможи импортной продукции (это повысит цены на**

продукты и ударит по нашему населению, которое и так находится в бедственном положении). Мы же, являемся последователями либеральной экономики и мировоззрения и это нас погубит.

В нашей действительности этот аргумент самый безосновательный, или же намеренно циничный.

Для общества он представляет собой квинтэссенцию постоянного экономически-политического диспута между правыми и левыми. Это трагедия – стоять на позиции ультра-правых на протяжении стольких лет и так обрезать сельское хозяйство страны в этом конкретном вопросе.

Если мы поверим в наивность этой позиции, тогда нижеприведенные аргументы показывают инфантилизм нашего государственного мышления и тогда предательство своего села Нико из Урука, главного героя романа Отара Чиладзе, его увлечение мировой революцией, на этом фоне кажется ничем.

А если поверим, что эта позиция грузинского государства в новейшей истории не случайна, тогда мы должны подумать об авторах и их системе мотивации.

Для иллюстрации примера этой длительной и горькой политики подойдет очередной трагический эпизод, который ранее произошел пред нашими глазами, когда еще при режиме Саакашвили началась «борьба» с объектами уличной торговли и жертвами интересов политиков-бизнесменов второго-третьего уровня стал очередной сегмент сельского хозяйства – уличные ярмарки-базары.

Массовые запреты удивительно совпали с развитием сетей супермаркетов. В этих сетях большая часть продуктов питания завозится из Турции и других стран. В тот же период примитивное сельское хозяйство сел, которые снабжали Тбилиси, они итак еле держались на плаву, пережили тяжелейший шок, так как снабжали уличные рынки своей продукцией.

В те же годы (2005-2007) из таких сел как Душети, произошел массовый исход населения, оставшегося без работы. В основном уехали женщины – работать нянями, уборщицами, обслуживающим персоналом – в Турцию и Грецию. За детьми пришлось ухаживать мужчинам. Поднялся уровень пьянства (были случаи самоубийств на депрессивной почве), случая бытового криминала, в школах итак низкий уровень образования стал еще хуже. Работая в Турции нянечками, служанками грузинские женщины присылали деньги, добытые тяжелейшим трудом, своим опустившимся мужьям и детям, оставшимся без присмотра. Эти деньги с растущей пропорцией оседают в маркетах села, где на них приобретают турецкие продукты питания, так как сами сельчане почти ничего не производят.

Как можно сравнивать сотни продавцов, устроившихся в супермаркетах с мечтой купить лучший мобильный телефон и десятки миллионов долларов, которые получили несколько дельцов, чтобы купить за границей дома и отправить туда учиться своих детей, с теми убытками, которые понесла страна? Как можно вести в этом секторе балансируемую экономическую политику на протяжении стольких лет, так чтобы и волки были сыты, и овцы целы?!

Попробуйте везти в Турцию, член НАТО, везти сельскохозяйственную продукцию из Грузии. Продайте там грузинское игристое вино без межгосударственной квоты (400 импортный акциз!!!), или найдите какой-нибудь путь для «Боржоми», «Ликани» или же «Набеглави», которые пьются как эликсир жизни, по сравнению с их брендом ERIKLI на вкус горьким. Оттуда сюда можно, но отсюда туда – ни в коем случае.

И если так происходит с соседней Турцией, что мы можем сказать о Западной Европе?! Поэтому открывая все двери-окна и принимая все в ожидании дружелюбия, восклицая милости просим, мы либералы, читали ваши книги и посмотрите, как мы внедряем ваши теории на практике, в обмен ничего не ожидая, веря, что в один прекрасный день вы примите нас в Европу – не напоминает ли вам эта позиция танцующих бандерлогов перед Каа из книги Редьярда Киплинга?

Профессиональный менеджмент одной из ведущей компании грузинского виноделия, принадлежащей автору этого письма, последние десять лет тратит миллионы лари для представления грузинской винной продукции на международных рынках, не пропускает ни одной международной выставки и конференции в Лондоне, Дюссельдорфе, Пекине, Сан-Франциско, Гонконге и т.д., но в итоге на этих рынках (США, Германия, Британия, Турция и Китай) продается в 6 раз меньше продукции, чем в одной Украине.

Вернувшись к трагической миниатюре о Душети, пересчитаем, на скольких не функционирующих горожан повлияло якобы попытка не повышения цен, сколько появилось безработных и нефункционирующих в сельской местности.

Добавим, что в действительности в этот же период в Тбилиси и других городах произошло повышение цен, в этом сыграли большую роль супермаркеты, что же остается, чтобы как-нибудь оправдать случившееся?

В конце скажем, что конечно же кто может быть против хаотичной и несанитарной уличной торговли в стиле Кабула в Тбилиси, конечно украшение городов и сел современными маркетами – прекрасно (хотя параллельно, что может быть лучше чистых и ухоженных базаров-рынков), но спросим себя, что мы сделали для того, чтобы сделанная работа исходила из интересов страны?

И даже если протекционизм последнее убежище для грузинского сельского хозяйства, (хотя это не так) что лучше: временное повышение цен на яблоки для нефункционирующих горожан и за этот счет восстановление функции сел, или уничтожение фермы в Душети, чтобы не дай Бог не подорожал омлет у фешен-поваров Тбилиси?

Если, защищая интересы одного потребителя, у нас второй потребитель умирает от голода и рушится семья, кто определит, чьи интересы были более важны для страны? Тех, кто в процессе урбанизации разрушает интересы семьи и страны, или же тех, кто сохраняет все это и размножает несмотря ни на что?

И неужели говорить о грузинском сельском хозяйстве можно только с точки зрения такого искусственного и примитивного противостояния села и города?

И что лучше: зависеть от кредитов и денег эмигрантов, (где, как показывает мировой опыт после эмиграции первого поколения этот поток денег резко прекращается, так как у поколения детей эмигрантов не остается, родственников на родине о которых они хотят заботиться,) или восстановить богатство нашей земли, в условиях роста численности населения планеты, чтобы она давала нам продукты первой необходимости и растущий экспортный потенциал нашей сказочной страны, у которой один из первых в мире объемов по запасам даже качественной питьевой воды, которая стоит дороже нефти, не говоря о других дарах нашей земли.

- 5. Средняя площадь земельного надела на селе в Грузии составляет семь соток и из-за его необходимого укрупнения, развитие сельского хозяйства вызовет миграцию в города, которые итак перегружены и еще более опустошит село.**

Логика, приводящих этот аргумент, вообще не понятна. Для начала, что получается, мы искусственно не развиваем села, чтобы сельчане были пригвождены к земле и даже не дергались в сторону города?

Эти цифры поверхностны, опираются на данные государственного реестра и слабо отражают действительность.

За последние тридцать лет из-за урбанистических миграционных потоков состояние села сильно изменилось. В распоряжении оставшихся активных сельчан гораздо больше чем семь соток земли в среднем.

Сейчас трудно сказать, насколько превышает это количество приведенные среднестатистические данные, но существуют две основные причины увеличения площади земельных наделов:

- родственники-знакомые, переехавшие в город, как правило, оставляют свои земли в безвозмездное пользование (очень редко сдают в аренду), оставшимся в селах, и естественно это никак не отражается в официальных данных реестра;
- земли, т.н. общего пользования, пастбища и др. – распределены между сельчанами в устной форме и это тоже никак не отражается в реестре.

Нужно установить точные масштабы такого де-факто укрупнения и регионы отчетливо отличаются друг от друга.

Например, в опустевшем Тушети и Пхови один житель может использовать такое количество земли, которое пожелает, но в менее опустевших селах, которые находятся ближе к Тбилиси, например, Табахмела – такое укрупнение происходит в меньшей степени.

Но отрицать факт укрупнения невозможно. (Здесь, для точности статистического анализа, обязательно нужно учитывать рост компактности населения из-за временно потерянных территорий Абхазии и Самачабло, за счет 400 тысяч беженцев. Хотя эта компактность в основном произошла в городах, а не в селах, поэтому эта погрешность будет незначительна по отношению к сельской местности).

Думаю, можно предположить, что сейчас в Грузии площадь среднего надела не менее полгектара, плюс к этому у каждого в среднем есть по гектару-два от бывших коллективных госземель, что никак не отражено в реестре и есть состоявшийся факт в устной форме в каждом селе.

Да, и этого мало, но это уже размер земельного надела, который при использовании техники обеспечивает семью, и так и происходит – как же иначе выживали эти тридцать лет сельчане без перерабатывающей отрасли, или сколь либо продуманной государственной политики в сельском хозяйстве?

И напоследок, для чего всем владеть землей, чтобы заниматься сельским хозяйством? Можно же быть владельцем 700 кв. м. и работать на более крупного владельца на земле, с техникой или на производстве, иметь семью, собственный дом и быть хорошо обустроенным крестьянином или же коренным жителем провинциального города? И что мы пристали к этой императивности укрупнения, если бы это не случилось частично в действительности, по-другому нельзя что ли развивать село?

6. У скептиков по поводу возрождения сельского хозяйства имеются ещё другие горе аргументы:

- мы высококультурная и высокоинтеллектуальная нация (а кто отрицает?) и поэтому быстрее будем развиваться в других отраслях;
- население, оставшееся в селах нетрудолюбивое и неспособное, если мы и научимся чему-либо новому это ожидаемо больше от горожан;
- грузин – ленивый и как бы мы ему не помогли, на земле лучше азербайджанца работать не будет;
- Россия все равно закрыта и где нам продавать продукцию и т.д.

Этот перечень глупостей заведет нас далеко и не будем на него тратить времени.

Но кроме рассмотренной экономически-социальной аргументации, существует не менее значительная этнокультурная аргументация в пользу восстановления сельского хозяйства. Может это вообще не заинтересует наших горе-прогрессистов и с этого места текст может им наскучить (если еще так не случилось). Но задача нашего общества заключается в том, чтобы, управляя и принимая решения видеть реальность, а не доказывать что либо либерал-прогрессистам.

В Тбилиси в начале 90-х годов, когда кипело национальное движение и рушился Советский Союз, среди профессуры факультетов география-геологии, экономики в ТГУ и ГПИ, был популярен термин «тавкомбала калакеби» (თავკომბალა – в переводе головастик, т.е. «города головастики»).

Здесь подразумевался вред урбанистического дисбаланса, за счет опустошения сел. Потом, уже в середине 90-х годов этот термин устарел, «оказалось», что количество сельчан не определяет продуктивность сектора.

«Случайно» узнали аргументы о том, что всего 3% населения США занято в сельском хозяйстве и свободно кормит страну и продает на экспорт, и до наших урбано-руральных пропорций, оказывается нужно как раз повышение в сторону города.

С такими аргументами произошла маргинализация рассмотрения проблемы развития сельского хозяйства и опустошение сел, и в либерально-мыслящих кругах обсуждая пришли к выводу что это идея участь ретроградно-черносотенцев.

Формат этого письма не дает возможности полностью проанализировать те опасности, которые угрожают существованию нашего ЭРИ при опустошении села.

Если не говорить об опасной зависимости от импорта продуктов и нашей ничтожного экспортного потенциала, можно посвятить отдельную статью отрицательным факторам, таким

как: социальная истощенность без функциональных урбанистских гетто, колоссальный процент наркомании, пьянства и криминала, такие граждане готовы пойти на все ради денег – будь то криминальный или политический заказ, резкое падение среднего показателя здоровья населения, исчезновение этно-культуры нашей уникальной страны, своеобразие диалектов, исчезновения разноречий диалектов, входящих в мировую сокровищницу и фольклора, уменьшение потенциала сельского туризма и замена более низшим рекреационным туризмом, ослабление силы национального большинства необходимого для силы государства, падение семейной культуры, резкое уменьшение выносливости аутентичной самобытности перед иностранной культурно-идеологической пропагандой, бесконечный рост зависимости страны от якобы бескорыстных иностранных кредитов, ожидание ужасных результатов от распорядителя элитной коррупции (посмотрите на Грецию) и т.д.

Может стоит перечислить и все то хорошее, что последует за восстановлением сельского хозяйства в Грузии:

- оздоровление торгового баланса страны;
- ускорение многостороннего роста экономики;
- уменьшение зависимости от долгов;
- частичная и здоровая дезурбанизация;
- усиление института семьи;
- освобождение человека от характерного для города болезненного, гипертрофированного культа погони за деньгами;
- появление для него альтернативных жизненных целей;
- оздоровление течений искусства;
- повышение нравов;
- установление в стране спокойствия, счастья и ощущения безопасности.

Можно сказать, что в условиях современной Грузии, усиление и оздоровление нации равно восстановлению сельского хозяйства, но не за счет упадка города, а за счет его разгрузки в сторону правильной дезурбанизации.

Естественно, что для сельского хозяйства и населения не прошли бесследно почти столетний период убийства традиционного уклада села:

- годы коллективизации (которые немного сбалансировались в 30-е годы, и в 40-е и начале 50-х массовыми, не всегда целенаправленными аграрными инвестициями) и
- полная бесхозность в постсоветское время, и может в шестом пункте один из вышеприведенных контраргументов о средней трудоспособности сельчан имеет под собой некое основание.

Но неужели это может стать причиной пренебрежения развитием сельского хозяйства нашей страны?

Наш народ такой же плодотворный, как и наша земля и достаточно создать нужные условия осмысленными действиями – результатов не придется ждать.

Наверно будет неправильно работу в этом направлении оставить только на милость государственных структур.

Что касается живущих в городе, мы сами должны в первую очередь захотеть вернуться к нашей земле и восстановить сельское хозяйство.

Если эта тенденция усилится, а я вижу обнадеживающие знаки, тогда это отразится и на действиях наших политиков.

Вообще, приток части городского населения в поисках сельскохозяйственной деятельности не невероятен в условиях сегодняшней Грузии.

По всей видимости для наших городских студентов не найдется столько рабочих мест в качестве менеджеров банков или представителей зарубежных компаний фирмы в городе.

И вообще это отдельная тема безработных людей в городе, которые имеют опыт работы и здоровы. Части старшего поколения, даже после 45 трудно найти работу в городе – по объективным и порой, по абсолютно неприемлемым субъективным причинам.

Таким людям вместо хождения на прогулки вокруг Черепашьего Озера, сидения дома в депрессии, или игры в нарды, намного интереснее было направить свою энергию на восстановление родных мест, или же использовать свои знания и профессиональный опыт в других селах и районных городках.

В последние годы можно заметить подобные тенденции и, хотя они выражаются пока только в сотнях, не исключено, что движение приобретет массовый характер. В связи с этим вопросом было бы интересно создать общество «Вернувшихся на Село», члены которого посредством современных коммуникационных технологий помогали и поддерживали бы друг друга.

Венцом этого движения было бы создание министерства, или агентства дезурбанизации, которое помогало бы гражданам советами и ресурсами.

Можно разработать перечень типовых, индивидуальных проектов («Восстановление родных мест», «Прием на работу на селе по профессии» и т.п.), сотрудничать с микро-кредитными

организациями, приглашать на работу старшее поколение, которое вырастило детей и осталось без работы.

И что главное, появится новый вектор общественного развития и цели. До каких пор мы должны быть обществом, которое отправляет детей учиться за границу, которое жадно до денег и как их достать, обществом, чей эпицентр сознания и социально-культурных амбиций находится везде, кроме Грузии; и в действительности для страны носит центробежный и нигилистический характер?

Будем оптимистами и будем надеяться, что раз мы дошли до сегодняшнего дня и кое-как выжили, впредь мы двинемся вперед и будем развиваться.

Но это не произойдет само по себе и будет зависеть от способности нашего уникального ЭРИ, которую мы проявляли с Божьей помощью в критические периоды не один раз.

Леван Васадзе

02.11.2021

Перевод: Елена Рухадзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XXXIX Глава. Неавторский перевод

Эта глава должна была быть не 39-й, а 6-й, и написал я ее еще в августе, но тогда я пощадил своих родных.

Теперь же, раз уж я остался жив (хотя мне и предстоит долгий и полный опасностей путь), я уже могу опубликовать ее, надеясь на то, что не слишком огорчу родных мне людей и не разобью им сердце. Я заменил пару фраз и публикую ее почти без изменений, так как убежден, что именно эта глава поможет тем, кто тяжело болен. Здесь будет повторяться кое-что, о чем я писал в последующих главах, но это в данном случае неважно. Главное, чтобы это помогло больным и немощным, в каком бы тяжелом положении они ни были.

Недавно заболела Ирма Чкадуа. Каким-то образом в соцсетях оказалось мое телеобращение о ней, которое я записал и выложил на нашей странице в закрытом доступе буквально на пять секунд. Потом я передумал и удалил его, но кто-то (понятия не имею как) успел скачать, вероятно, взломали пароль моей страницы. Прошу прощения у Ирмы и, в первую очередь, именно ей посвящаю эту главу. Я глубоко убежден, что она преодолет все трудности и продолжит свою необыкновенную деятельность на благо семьи, друзей и Родины.

Быть может, в будущем я буду очень сожалеть о написании этой главы, так как знаю, что некоторые в частном порядке воспользуются этим весьма недобросовестно. Но пишу я эту главу ни для людей, которые даже в этом положении насмеются надо мной и ни для тех, кто вообще

не имеет своего мнения, и ни для своих близких и родных людей. Я просто пишу это для тех, кто болеет или заболит в будущем, дай Бог всем здоровья.

Слышал, что один из лучших актеров всех времен, Евгений Евстигнеев скончался так: в Лондонской кардиологической клинике перед операцией врач рассказал ему, что именно сделают с его сердцем во время операции, как его остановят, как распилят ему грудную клетку, как извлекут оттуда сердце, как разрежут, как наложат швы, как вернут сердце на место, как заставят его работать вновь. И вот Евстигнеев, как сын восточной культуры, услышав от врача с англо-позитивистской вежливой точностью изложенные подробности своей операции, скончался на месте, так как его сердце не выдержало. Возможно, если бы его просто уложили и сделали операцию, он бы выжил и, наверное, здравствовал еще долгое время.

Я не буду рассказывать вам эту тяжелую историю таким образом. Знаю, что в принципе у моих родных, как впрочем и у других близких мне людей, не случится разрыва сердца, так как все понимают, насколько Господь облегчает молящемуся все испытания и боль. И это я хочу подчеркнуть в конце данной главы.

Вообще, в нашей восточной культуре не особо принято говорить о недугах и, тем более, рассказывать о них в подробностях. Модернистский позитивизм отвергает этот подход, на самом же деле в этом восточном подходе есть большая мудрость.

И я тоже не стал бы так много беседовать на эту тему, если бы не тот необъяснимый телевизионный переполох, который либерасты устроили по поводу моего отравления в тот же день, когда я без каких-либо предварительных заявлений вылетел в Стамбул. Но это их поведение и сомнительные обстоятельства, которые я уже публично описал, изменили эту историю, что, теперь уже к сожалению, отражается на всем, в том числе и на этом дневнике.

Как я сказал в первой главе, я стараюсь писать это конкретное произведение таким образом, чтобы каждый раз хоть чем-то помогать людям. И сегодня я еще раз хочу попытаться сделать это для всех недугующих или даже для всех людей, которые могут столкнуться с серьезной болезнью в будущем. Да сохранит Господь всех.

Как видите, основная часть этого дневника не обо мне, но кое-где приходится иногда говорить и о себе, ведь это все-таки дневник.

Представьте себе такой калейдоскоп: мое сердце, потерявшее гибкость мышц, с осевшим на стенке миокарда светящимся амилоидным ядом, не может справиться даже с обычной жидкостью и отягощается даже при принятии воды. Поэтому мне следует пить лекарства, выводящие жидкость, и тем самым облегчающие работу сердца. Это, конечно, дает мне возможность почувствовать облегчение, но, после того, как начали вводить химию, для выведения из организма ядов, негативно воздействующих на печень и почки (они могут не выдержать), стало необходимо принимать много жидкости.

И получилось, что, то, что полезно для сердца, губительно для печени и почек. Поэтому постоянно следишь за этим хрупким балансом (сколько миллиграммов жидкости выпил в целом,

сколько потерял, постоянно контролируешь дозу таблеток, выводящих жидкость, регулируешь потребление жидкости) между тяжестью в сердце, болью в печени и показателями почек.

Не хватало этого всего, так еще вместе с химией вводят нарушающие этот баланс диуреза стероиды, которые, в свою очередь, иногда усиливают задержку жидкости, а иногда из-за повышения уровня сахара в крови приводят к стероидному диабету. В таких случаях вкалывают инсулин и говорят, что это временно, а ты от непривычки то пребываешь в эйфории, то с трудом доходишь до кресла, чтобы отключиться.

Между тем главная битва идет в костном мозге – между ядом заболевания и ядом этой химии.

Ее ураганы достигают и тебя, и имя им – Легион. Временами они наносят удар по нервной системе и бьют по сердцу, и тогда тебя раздражает буквально все, начиная от звука текущей из крана воды, заканчивая действиями близких людей.

Иной раз начинаются в разных местах спазмы или судороги. Впервые это произошло в кардиореанимации после первого переливания химии. Меня бросило в дрожь, скрючило. Из Израиля пришло предписание срочно остановить переливание. Пока останавливали, я пришел в себя и процедуру продолжили медленным темпом.

Бывает, иногда сидишь, и вдруг кисть руки начинает дрожать, потом как змея скрючивается, теряет привычную для кисти руки форму, выпадают черные вены, и появляется такая судорога, что хочется кричать. А потом вдруг все проходит, помотришь, как будто ничего и не было.

Потом выворачивается ступня к голени, и ты пытаешься вытерпеть, ведь все равно нет никакого смысла жаловаться.

Смешанное чувство гриппозного состояния и похмелья сопровождает тебя постоянно.

Бывает сидишь, пишешь и внезапно, как будто пуля Маузера проходит через твой позвоночник и почки.

Потом, вдруг, на консилиуме объявят, что придется тебя все-таки разрезать и поставить дефибриллятор, так как установленный прошлой ночью аппарат Холтера зафиксировал опасную для жизни аритмию и чрезмерные экстрацистелы, а значит, без дефибриллятора обойтись невозможно, потому что он должен ударить тебя током в случае внезапной остановки сердца. Потом начинаются споры на консилиуме: кардиологи по классу повреждений сердца считают, что можно обойтись и без дефибриллятора, «спецы» по амилоидозу утверждают, что я не простой пациент с больным сердцем и что у меня тяжелейшее заболевание и я прохожу курс химии, а ты все ждешь приговора. Ладно, отложат установку дефибриллятора, но каково потом спокойно спать без него.

Потом окажется, что апноэ-тестер во время сна выявил заболевание задержки дыхания. И опять консилиум и споры о том, надо ли лечить аритмию путем снятия апноэ. Затем назначают аппарат сипап, и с этого дня я должен спать только в пластмассовой маске этого аппарата, при этом

советуют сбрить бороду, ссылаясь на то, что аппарат не так будет беспокоить. А ты отвечаешь, будь другом, оставь меня в покое, ведь все равно не избежать мучений, и нет никакого смысла, а потом они же удивляются тому, что ты первый, кто сразу же приспособился к этому аппарату, да еще и с бородой.

А потом психиатрия. Проходишь тестирование у главного психиатра зарубежной психиатрической клиники (у нас ведь эти сумасшедшие закрыли все психиатрические больницы), четыре сессии, наблюдают за тобой в течение месяца, проводят собеседования, проверяют на всевозможные психические расстройства и говорят, что у этого человека такая психика, что он сам способен лечить кого угодно. Выдадут абсолютно положительное заключение и назначат легкое органическое успокаивающее. А гематологи сочтут все это весьма смехотворным и скажут, что это лекарство для женщин-истеричек, а этому человеку, перенесшему гигантские стрессы, нужно полное подавление нервного обострения, чтобы беспрепятственно бороться с самой сложной органикой амилоидоза сердца, и назначат более сильные успокаивающие средства, не вызывающие привыкания, не нужные тебе с психотерапевтической точки зрения, но необходимые твоему организму как медикаменты, помогающие в органико-механическом плане.

И все это происходит между тремя странами, несколькими врачами, которые высказывают разные мнения.

И в это самое время можешь случайно поцарапать палец о страничку книги и так горит, будто цианид налили на открытую рану. Бывает, подстрижешь ногти, и вдруг заусенец вырастает, чего раньше никогда не случалось, и начинает гноиться. И начинаются рассуждения, каким раствором, каким порошком, какой мазью надо лечить этот пустяк и что и чем надо заменить в химии. В общей сложности в день принимаю более двадцати таблеток и растворов, не считая химии.

Между тем также подтвердился диагноз множественной миеломы или рака крови. Она еще не начала поражать кости, поэтому имеет статус «тлеющей» и, быть может, и не начнет, но впредь, в двух вещах сомнений нет:

(1) в этой комбинации первичной является именно миелома, как форма рака крови, а амилоидоз – это вызванное ею вторичное более опасное и агрессивное заболевание;

(2) в возможных причинах, вызывающих миелому, черным по белому написано: облучение и радиационное отравление.

И спрашивать, что ждет тебя впереди – еще слишком рано. Прошло всего четыре месяца после химии. Впереди долгий путь и как пройдешь эту стезю никто не знает, и я не буду беспокоить вас разговором об этом.

И все это выпало на долю человека, который был совершенно здоров именно перед самым приходом в политику согласно комплексному исследованию, проведенному и задокументированному в апреле.

Говорю это не для того, чтобы похвастаться, а просто хочу заметить: сколько лет мне было, столько раз в день я подтягивался на турнике, столько же раз на брусьях, делал в три раза больше отжиманий от пола, полкилометра плавал только лишь для того, чтобы разогреться, летом с шести утра до десяти вместе с детьми косил траву, приезжали «Юнкеры», и мы вместе строили Регби-клуб и ферму, потом до обеда были тренировки по регби, затем обедали и работали до шести вечера, вечером я писал и читал до того, как рассказать детям сказку или почитать поэзию перед сном. И все это в один «прекрасный» день закончилось.

Врач второй больницы в Турции, специалист по амилоидозу, осмотрел меня, сразу же подтвердил высокую вероятность диагноза, и сказал мне, что этот день для меня особенно тяжелый, потому что видит, какой образ жизни я вел до сих пор. Только теперь я понимаю, что он имел тогда в виду.

Первая фаза реакции на такую новость (когда сообщают, что тебе осталось жить месяц или необходимо пересадить сердце и печень, а потом посмотрим, что будет), это отрицание и неверие.

Уже потом, когда в течение месяца выясняешь, есть ли у тебя в действительности эта редчайшая болезнь, приходит молитва с надеждой на то, что, быть может, у тебя этого и нет. В то же время тебе совестно, что об этом просишь распятого на кресте Христа.

Потом, когда я уже почти на 100 процентов убедился, что болен амилоидозом и надо было определить, какой именно тип заболевания у меня, я узнал, что, если это генетическая форма, то она легче поддается лечению, а если типа AL (который у меня и оказался), то она гораздо агрессивнее.

Я молился, чтобы у меня была именно вторая агрессивная форма, чтобы это не стало опасностью для моих детей, и эту радость подарил мне Господь.

Потом узнаешь, что все обстоит не совсем так, выясняешь, какие новшества есть в этой сфере, зарождается надежда на выздоровление, хотя все, конечно, индивидуально, и мой случай тяжелый, так как сердце, непонятно как, очень быстро оказалось пораженным.

Следующая пытка – это принятие решения о том, как, у кого, по какому протоколу лечиться, что делать с ковидом (этого я уже рассказывать не буду).

Потом, когда все решения уже приняты и ты находишься в руках врачей, тебе остается только молиться и выполнять все предписания, и ты оказываешься в том калейдоскопе, сотую часть которого я описал выше.

Из-за Короны каждый мой выход из дома в клинику в этом уродливом скафандре, каждое пребывание в коридоре клиники, будь то скан легких или пет-скан скелета представляет собой серьезный риск для жизни.

Вдобавок ко всему над тобой, как туча, висит то, что других больных почти никогда не отягощает: было ли все это организовано преднамеренно, или это случайное совпадение (это я никогда не смогу определить).

И еще в придачу ко всему этому необходимость принятия решения, как жить дальше: предать столько людей, которые с надеждой обратили на тебя свой взор, или продолжить борьбу.

В день я получаю сотни сообщений: «Как ты, Леван?», тысячи молитв и добрых пожеланий: «Выздоравливай быстрее! Пора спасать Родину».

Как только начинаешь думать о стране, опять камень на сердце, только настоящий камень, не дающий возможности дышать. Порой хочется скрыться от всего и просто быть больным, иногда становится стыдно за такие мысли.

О насмешниках, телевизионных шаржах и тому подобном я уже ничего не говорю: «Да, благословит вас Путин, батано Леван», «Что ты делаешь в Москве, что здесь лечиться было нельзя?» «Расплачиваешься за свои грехи, русофил («русетуме») предатель?», «Убежал, рыцарь! Аферист!», «Если ты мужчина, почему в твоей школе обучение так дорого стоит?» (и это о школе, на существование которой я потратил в два раза больше, чем на ее строительство, которая не входит даже в двадцатку самых дорогих частных школ Грузии, которая стоит на первом месте по среднему баллу, полученному учащимися на единых национальных экзаменах, это о школе, для содержания которой, из-за кризиса, мне пришлось два раза закладывать собственную жилую недвижимость, чтобы взять кредит, это о школе, которая является единственной частной школой в Грузии, которая не представляет собой бизнес для ее учредителя) и не знаю, сколько еще разных безрассудств. Иногда задумываешься, неужели эти люди действительно верят в то, что пишут или просто выполняют чей-то заказ, или какое нутро заставляет их говорить такие вещи?!

Как выдержать все это? Только посильной попыткой подобия благодарности Иова Господу Богу за все, что он нам ниспосылает.

Эталонами для меня являются мои родители: отец, который вот уже 50 лет живет с самым тяжелым диабетом, приобретенным в горах в результате того, как сорвался со скалы и который ни разу не пожаловался, и мать, благодаря которой он до сих пор жив, являющаяся воплощением силы, добра, радости и надежды.

Его Святейшество, который вот уже столько лет на своих плечах несет нашу Родину, а некоторые из ближайших ему людей, которых он сделал людьми, тяжело оскорбляют его, а он ни разу даже не посетовал, сеет добро и только добро и еще и защищает этих людей.

Потом наш ЭРИ, численность которого в течение нашей же жизни сократилась вдвое, и не смотря ни на что, он ни разу не устраивал бунта из-за материальных невзгод, его возмущают только несправедливость и безнравственность, т.е. нет в мире другого такого народа.

И ты есть сын всего этого.

Затем твои друзья, некоторые из которых сами, без лишних слов, пришли, спросили, что нужно, и поддержали, так как знали, что я не был готов к этому всему, в том числе и материально, хотя, кто поверит в это в моем случае.

Пришли и сделали свое дело сами, потому что, никому не известно, во сколько обойдется все это лечение в конечном счете, сколько пересадок органов может понадобится (если до этого дойдет дело) – начиная с пересадки костного мозга или других органов, сохрани всех Господь.

Придет время, когда я «отплачу» им за эту добродетель, они будут отказываться, наверное, будут и ссоры, но я все равно верну этот долг (я или моя семья), но надо же было случится такому провидению: в течение многих лет сотням незнакомых людей ты оказал помощь, потратив на это миллионы, а когда ты стал нуждаться в помощи, другим пришлось помогать тебе. Но ты не просил об этой помощи, сами пришли настоящие мужчины и молча сделали то, что делает в это время настоящий Человек.

Или мой друг-кахетинец, доктор из Америки, Гела Мчедлишвили, с которым я познакомился всего лет десять назад и который мне выражал незаслуженную мной благодарность за все, что я, дескать, делал для нашей Родины. Когда он узнал мою историю, всполошил всю западную медицину, сам не спит ночами, готов отправиться за мной в могилу. Иногда мне даже хочется с ним повздорить, настолько строго он контролирует меня, следит за работой им самим же выбранных врачей и упрямо по-кахетински не отступает ни на шаг.

Какое право есть у тебя жаловаться, ведь стольким людям тяжело, свирепствует корона, у стольких людей болеют дети, до скольких не дошли твои руки и скольким не смог помочь из-за этих бесконечных кризисов и перепадов.

И вообще какое значение имеет материальное, можно подумать, что все во Вселенной решают врачи и лекарства. Вот нагрянуло испытание, логические параметры которого весьма плачевны, а его духовная сторона поразительна и утешительна.

«Все на свете – сон, Леван», – сказал мне один из моих отцов, когда я впервые беседовал с ним на эту тему. Он и поделился со мной мыслью великого богослова: «На этом свете стабильна только нестабильность». Так и есть на самом деле.

Сегодня я что-то искал среди записей в одной из записных книжек и остолбенел: четыре года назад, находясь на Афоне, я оказывается практически в поэтической форме мечтал о том, что со мной собственно и произошло. На днях я постараюсь завершить это стихотворение и, может, и его выложу в Фейсбуке на страничке «Поэзия и проза».

Тепло и мягкое утешение, исходящие из уголка моих икон, никак не может быть вызвано самовнушением. Как только стану перед иконами, мне сразу становится хорошо, отойду – и мне опять плохо.

Наверно в такое время любые молитвы Ему слышны, даже такие недостойные и рассеянные как мои. Тепло, покой, я с тобой.

Главное у меня впереди. Почтительное, благоговейное, исполненное благодарности, но все-таки желание познания, зачем мне это ниспослал Господь? Это я узнаю или на этом свете или на том.

И я не собираюсь здесь устраивать Голливуд или кичиться и бравировать. Помогите мне, Господи, прими мою благодарность и дай мне силы бороться, потому что, только в борьбе за исполнение Твоей Воли грузин бывает счастлив, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Аминь!

Леван Васадзе

20-21.08.21 – 03.11.21

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. XI Глава. Неавторский перевод

Вот уже сороковая глава «Дневника Немошного». Закончились четыре месяца химиотерапии и сколько курсов впереди, еще точно неизвестно... Как быстро летит время!

Посмотрел на дату первой главы... 14 августа. Получается, что прошло почти три месяца, как пишу дневник. На написание одной главы уходит примерно три дня, что, оказалось больше, чем я предполагал.

Если вы помните, я заранее извинился, что в день химии, с большой вероятностью не смогу писать, но провалы оказались куда серьезнее, чем я ожидал, в том числе и из-за неумолимого ослабления организма в результате воздействия химиотерапии, которое особенно ощущается в течение последнего месяца.

Когда чувствую себя бодро, в первую очередь, забочусь о семье (что, как известно, подразумевает немало обязанностей) и об общественном движении (Э.Р.И.), а для поддержания духа, будь то дневник, чтение книг или музыка, нахожу время в последнюю очередь.

Молиться могу и в те дни, когда чувствую себя плохо. Это помогает мне вернуть силы. Что касается лекарств, не поймешь что мучительнее действует на мое самочувствие: эти лекарства или сама болезнь.

Мой отец оказался в больнице. По-видимому, его организм не выдержал нервного напряжения, и тяжелая форма диабета дала о себе знать. Прошу вас упоминать раба божьего Шио в своих молитвах.

Когда беседую с ним, он старается держаться молодцом, но я знаю, как он в действительности тяжело переживает мое положение. Как бы втайне от нас он стал больше курить, вот и случился этот удар. Последний такой удар у него был 4 года назад. Именно тогда ему и понадобилась операция на открытом сердце и шунтирование.

Я пока не беседовал с врачами лично, но они просили передать мне, что положение у отца тяжелое. Не буду вдаваться в детали.

Очень жалко маму, которая разрывается в этой сложной ситуации.

Вот этих родителей, не говоря уж об остальных, оказывается я и обманываю по версии либерастов, – которые на тему моего заболевания то ставят «комедийные шоу», то выкладывают посты в социальных сетях и утверждают, что я «точно симулирую».

По сей день в московской квартире за мной ухаживала моя сестра, пока Нино находится на Родине с детьми, но сейчас мы решили, что будет лучше, чтоб Тата для поддержки мамы вернулась в Грузию. Вчера через Ереван она отправилась в Тбилиси (то, что больше нет прямых рейсов из Москвы в Тбилиси, это ведь тоже «заслуга» «бесов»). И вот остался я в одиночестве в Москве со своей любимой «Пятницей» – Ирмой и благодарен Богу за все, что он мне ниспошлет. Все мы живем в этом мире, который является мигмом испытаний и подготовки к переходу в вечность.

Состоялся т.н. “second opinion” – «Консилиум второго медицинского мнения» с участием ведущего профессора известной европейской клиники и консилиума наших врачей. Если помните, этим консилиумом руководит мой лечащий врач из Израиля. «Консилиум второго мнения» готовился в течение двух месяцев. С целью вторичной перепроверки в Европу были отправлены частицы моего сердца, экземпляры позвоночной кости и спинного мозга и т.н. слайды, т.е. стеклянные пластины с химическими анализами.

Кроме этого, в базу данных этой ведущей европейской клиники были загружены все анализы, которые я сделал за последние месяцы, а также все документы двухдневного комплексного исследования, проведенного в клинике академика Лядова в апреле (до моего прихода в политику), по результатам которого я был полностью здоров.

Перед видеоконсультацией с профессором были проведены индивидуальные консультации с различными специализированными группами этой клиники. Это были патологоанатомы костного мозга и сердца.

Здесь следует подчеркнуть, что специалисты этой ведущей европейской клиники, естественно, ничего не знают о моей личности и о странных обстоятельствах моего заболевания, они просто знают мое имя, фамилию, пол и возраст и руководствуются только клинической картиной и динамикой внезапного развития и прекращения заболевания, объективные данные которых им представлены. И здесь произошло нечто очень примечательное. В результате этих предварительных консультаций возник вопрос: «Был ли у пациента контакт с ядовитыми веществами или источниками облучения?»

Кроме того, было названо семейство веществ под названием Agent Orange (Агент «оранж» – оранжевый реагент), следы которого были впервые обнаружены во время войны между США со Вьетнамом и которые вызвали частые случаи множественной миеломы у участников тех сражений – рака крови, который, как вы помните, был диагностирован и у меня как первичное заболевание, в ряде случаев вызывающее амилоидоз типа AL. Именно амилоидоз типа AL, в свою очередь, очень быстро поразил и чуть не остановил мое сердце, когда я находился в Грузии.

Но все это (я имею в виду войну во Вьетнаме) было 50 лет назад, до изобретения компьютеров и нанотехнологий, а, как вы знаете, 50 лет в технологиях – это то же самое, что 500 лет в обычной жизни.

Естественно, у меня нет доказательств подобных фактов, и поэтому мы просто продолжили мое лечение.

Профессор Европейской клиники подтвердил правильность текущего протокола лечения, предложил моим врачам несколько изменений, часть которых была принята во внимание, а часть отклонена. Он также подтвердил, что на данный момент мое сердце не выдержит пересадки костного мозга и сослался на довольно высокую вероятность летального исхода в таком случае, что, так или иначе, совпало с мнением консилиума моих врачей.

Поэтому я остаюсь на текущем протоколе химиотерапии до полугода, а что будет дальше одному Богу известно. Лично я благодарен моим врачам за организацию этого консилиума “second opinion” и продолжаю свое лечение бодро, спокойно, с надеждой на Господа.

Больше писать об этом я не буду, а озвучу этот факт в своем телеобращении в эти дни, когда мне станет немного лучше. Поскольку я давно махнул рукой на возможность возбуждения любого расследования этого дела нашим либеральным псевдогосударством, я буду просто информировать общественность о текущем статусе моего тяжелого лечения.

Уверен, что если бы я был частью либеральной матрицы, «караулил» колючую проволоку возле Цхинвали, стоял там с опущенными штанами или был бы “доктором Важей” (примечание переводчика: грузинский врач Важа Гаприндашвили, который был задержан «пограничниками» на территории оккупированного Цхинвальского региона), стоило бы мне как-то странно кашлянуть, следствие началось бы очень давно.

Несмотря на свое состояние, я не могу не видеть того беспорядка или безумия, которые опять царят в Тбилиси в эти дни. Какая-то черная туча нависла над нами и сквозь эту тучу будто бы не пробивается солнечный луч. Куда ни помотришь, эти тучи все больше сгущаются, а под ними возятся люди, бросающиеся друг на друга.

Это явно что-то от лукавого, и в этой главе я попытаюсь объяснить, как я понимаю суть двух верхних сфер, которые соответствуют следующим над нами двум слоям атмосферы и которые явились причиной текущих событий. Условно назовем их стратосферой и экзосферой. Между этими двумя сферами еще есть мезосфера и термосфера, но я не буду перегружать дневник ненужной символикой.

Под стратосферой, как и в аллегории, которая начинается непосредственно после нашего слоя, то есть слоя тропосферы, я подразумеваю геополитику правящей внешней силы нашей страны и действия других региональных сил (т. е. глобалистского Запада, с центром в США, и все более и более борющихся с ним Россию, Турцию и Иран).

Под экзосферой, да простит меня Господь, я подразумеваю уранополитику или небесную политику, о которой мы, погруженные в нашу материалистическую энтропию, почти никогда не беседуем.

Начну со стратосферы и скажу, что все три политические теории эпохи так называемого «модерна», то есть последних 350 лет: либерализм, марксизм и нацизм (как я неоднократно отмечал) одинаково неприемлемы для нас. Они обладают тремя общими признаками, бесспорно свидетельствующими об их родстве и о том, что они являются бастардами одного незаконного родителя.

Этими признаками являются:

1. Желание править всей планетой;
2. Ненависть к религии, особенно к христианству;
3. Обещание мирского счастья людям.

Вот почему я назвал их Тремя Всадниками Апокалипсиса и сделал несколько докладов на эту тему в разных странах.

Если вас заинтересует эта тема, можете посмотреть нашу беседу с друзьями (видео на грузинском языке):

Часть 1 #1: https://www.youtube.com/watch?v=QzJSh2zq_cI

Часть #2: <https://www.youtube.com/watch?v=pd2cdSmbPjQ>

Тот факт, что эти три бастарда уничтожили друг друга в XX веке, также является характерным признаком бастардизма: незнание общего родителя и демоническая резня друг друга.

Но, помимо этих трех общих признаков, которых вполне достаточно, чтобы доказать, что они являются чумой, созданной на одной кухне, они также обладают удивительными общими техниками и характеристиками, над идентификацией и анализом которых я работал не один год.

Этот дневник не сможет вместить все, и в этой главе я использую только одну, актуальную для объяснения текущих событий в Тбилиси.

Это тактика каждой из этих трех политических теорий, которую я назвал «технологией перехода от террора к миру».

Все три – как глобально, так и индивидуально на уровне страны – приходят в виде террора, и, если им дается время, стараются обрести «гуманное» лицо и убедить людей, в том, что те, первые были плохой примитивной псевдо-версией и вызвать благодарность в испуганных и измученных людях тем, что уже не терроризируют их посредством нового лидера, хотя в действительности

по своей сути этот лидер является таким же приверженцем их идеологии, каким был предыдущий модернист-террорист.

Мы можем привести множество примеров, но, чтобы глава не показалась вам скучной, думаю одного примера для каждой теории будет достаточно.

Начнем с самой древней – с либерализма.

Взятие Бастилии 1789 год, либеральная революция, лозунг: *liberté, égalité, fraternité* (Свобода, Равенство, Братство) – что по своей сути является маразмом, так как там, где есть свобода (*liberté*), равенство (*égalité*) существовать не может, и за ним следует жесточайший террор, подобный которому цивилизованный мир еще не видел.

Если за все время своего прогнившего столетидесятилетнего существования испанская инквизиция лишила жизни в общей сложности 100 000 человек, эти либералы убили более 200 000 человек всего за несколько дней во время геноцида Вандеи, включая женщин, детей и около 10 000 священников.

Это были те французы, которые заступились за традицию, отказались принять либеральный строй и проявили преданность по отношению к традиционной, монархической, католической Франции.

Потом были последующие волны этого террора и утопления в своей же крови Робеспьера, Марата и других. Это именно те люди, которые придумали концепцию «Прав человека».

И только потом «доброе» лицо либерализма, отреагировав на реставрацию, всего за 200 лет полностью уничтожило великую французскую культуру, вынудило ее утратить свое единство, свою сущность и надежду и привело на грань политического, экономического и демографического исчезновения.

То, что будет во Франции в будущем в результате этой «доброй» фазы, больше не будет Францией.

Приведем второй пример. Вторая политическая теория модерна – марксизм.

И здесь абсолютно то же самое: кровавая революция, построенная на теории Маркса, полностью основанной на лжи (ибо, согласно его «Капиталу», она должна была произойти в наиболее индустриальных странах, где «эксплуатируемый пролетариат» составлял высокий процент населения, а в действительности она произошла в стране, где в то время менее 1% населения составлял рабочий класс) и последовавший за этим красный террор.

Здесь тоже было несколько волн, жертвой которых стал не только народ, но и первые террористы, как и в случае с Французской либеральной революцией. А затем ее «доброе» лицо: хрущевская «оттепель», брежневский «застой» и горбачевская «перестройка».

Результат тот же: попытка создания нового человека завершилась крахом, распад системы и последовавшие за этим распадом многочисленные жертвы.

Третий пример. Третья политическая теория модерна – фашизм, или нацизм, или национал-социализм.

Совершенно то же самое и здесь: в случае Муссолини и Гитлера – жестокие революционные тактики прихода к власти, террор чернорубашечников, многочисленные жертвы среди населения Германии и Италии, а затем «доброе» лицо нацизма или фашизма в пределах своих стран. Мобилизация и обращение агрессии к мировой гегемонии.

Результат точно такой же: полный крах системы, величайшие жертвы и трагедия собственного населения.

То же самое происходит повсюду и на примере миниатюрных, маленьких государств, будь то Кастро, Польша или любой другой. То же самое произошло и у нас.

Либеральная революция 2003 года, жесточайший террор и пришедший ему на смену «добрый» либерализм, «удививший Европу», который, по сути, даже превзошел либеральный террористический режим «нацев» на пути либерального уничтожения нации, будь то либерализация наркотиков, продолжение/завершение процесса обнищания населения и много других бед, о которых мы не раз беседовали.

«А то вернутся «веники!» (1). Это часть спектакля, идеологемы которого пишутся в одних и тех же институтах и лабораториях, а затем приводятся в соответствие с местной этнопсихикой. Их вполне достаточно для того, чтобы обвести вокруг пальца население и заставить его пребывать в иллюзиях.

Такие примитивные штампы, как:

– А что, хочешь обратно в 90-ые?

– Отнятое войной, можно вернуть только войной!

– Не хочешь этого, а что, хочешь быть рабом России?

И так далее. Людям искренне кажется, что это «их собственное мнение», в действительности же – это отражение фейсбучно-клипового мышления, которое в течение многих лет действует на их подсознание как двадцать пятый кадр.

Завершая разговор о происходящих в стратосфере процессах, зададимся вопросом: почему же на этот раз «мечтателей» (имеются в виду представители партии «Грузинская мечта») крушат посредством «нацев» (имеются в виду представители партии «Национальное движение») все те же силы, которые устроили «кохабитацию» и спокойно продолжили этноцид нации рукой «коцев»?

А потому, что один из постулатов либерализма (а здесь он отличается этими признаками от своих близнецов – марксизма и нацизма) – это неизбежная постоянная переменчивость. Прошло 9 лет правления «нацев» – их заменили, прошло 9 лет правления «коцев» – их заменят, и абсолютно неважно, кто: «Лело», «Гирчи», снова «нацы» или Гахария. Выбор велик. Главное, чтобы т.н. «замена» тоже была рабом матрицы, подписавшимся на либеральную политику.

В этой реальности приемлем любой метод, а поскольку «нацы» из-за широко распространенной публичной ненависти не подойдут для этой цели, необходимо осуществить переворот любым способом. Для этого будет достаточно и того, чтобы глобалисты «прикончили» Саакашвили в камере (помоги ему, несчастному, Господи!), что сейчас является вполне реальной угрозой для этого маньяка. Можно использовать и любой другой способ.

Стоит упомянуть еще один фактор стратосферы.

Монополия в стратосфере закончилась. Сирия и люди, выпавшие с шасси самолета в аэропорту Кабула, яркое тому доказательство и, к сожалению, это только начало.

Поскольку глобалисты по частям сдают и уступают регион, делают они это, конечно, в ущерб противнику в максимально возможной степени, как проигравшая битву армия, которая уходит с поля боя и оставляет его заминированным.

Именно это и произошло в Афганистане, когда после потери страны и уничтожения российской авиацией ИГИЛ, было создано практически второе ИГИЛ посредством передачи в дар талибам бесчисленного количества оружия и опиумных плантаций, о чем я подробно писал в пятнадцатой главе «Дневника Немощного» и что обязательно даст о себе знать, после того, как в ближайшем будущем разразятся новые войны по соседству с нами. (См. ссылку: <https://cutt.ly/JTIQSFo>).

По этой логике вполне объяснима даже искренняя попытка глобалистов вернуть «приверженцев веников». (2). Это потому, что, если есть что-то, в чем они превосходят «коцев» в либерализме, то это не террор, фазу которого они уже завершили (у них на это больше и не будет права), а их постоянная готовность к тому, чтобы остатки Грузии опять напрямую принести в жертву России.

А это дает возможность глобалистам (если использовать метаморфозу Збигнева Бжезинского в терминологии Сэра Хэлфорда Джона Маккиндера), в условиях неподдержания удушающей евразийской «дуги анаконды», просто разжечь хотя бы еще один костер, а сколько грузин сгорят в этом костре, естественно, их не волнует. При таком сценарии Миша или тот, кто выживет, снова найдет убежище в метрополии на деньги, заработанные на войне, и Грузия развалится еще больше. Но это программа-максимум, а программа-минимум – это обеспечение постоянной переменчивости.

Шотико Глурджидзе, которому свойственен необыкновенный юмор, после многих обещаний Миши вернуться в Грузию назвал его «не дошедшим до дома». В ответ на что я назвал Бидзину «не ушедшим домой» – и теперь этот дуэт находится в заключительном акте своей оперетты.

К сожалению, с очень большим опозданием, «не ушедший домой» осознал то, что мы говорили ему на протяжении стольких лет, что при в состязании по либерализму «приверженцев веников» (З) ему все равно не победить, что его срок истечет и он будет свергнут и что единственным выходом для страны и для него лично является перевод государства на путь национальной идеологии.

Это объясняет недавнюю риторику и политику Ираклия Гарибашвили в отношении суверенитета. И, хотя я лично поддерживаю Ираклия, к сожалению, я не думаю, что это будет иметь какие-либо серьезные последствия. Это потому, что Ираклий не имеет народного мандата, он фигура, назначенная «не ушедшим домой», и в этом смысле нигилизм и недоверие народа по отношению к нему гарантированы.

На этом завершим разговор о стратосфере и в двух словах коснемся экзосферы, то есть вопросов уранополитики. Это тот слой, в котором царствует мир идей и правит Господь и который, как любой верхний слой атмосферы, имеет решающее влияние на нижний слой.

Когда мой дед, профессор Леван Чантуришвили, беседовал со мной, как с одним из своих учеников в области геофизики, о проблематике глобального потепления (это было примерно тридцать лет назад), у него, как у ученого мирового масштаба, было очень интересное видение этой проблемы, правильность которого, на мой взгляд, с годами все больше и больше подтверждается.

Он считал, что глобального потепления, как процесса, вызванного воздействием человека, не существует и что существуют лишь длинные циклы и микроциклы потепления-похолодания.

Говоря о длинных циклах, он имел ввиду то, что мы знаем из археологии. Что касается микроциклов, их продолжительность он считал предметом научных дискуссий. По его расчетам, продолжительность этих циклов составляет период около 63 лет. Он детально разъяснял суть этих циклов, но здесь я не буду занимать ваше внимание подробным рассказом на эту тему.

На мой вопрос, отрицает ли он какое-либо влияние человеческой деятельности на климат планеты, он отвечал, что есть много примеров этого воздействия в тропосфере, особенно на поверхности земной коры, но в стратосфере это влияние носит незначительный характер в виде тысяч тонн космического мусора, который вращается вокруг Земли. Он считал, что, несмотря на бесспорный приоритет стратосферы над текущими процессами в тропосфере, невозможно научно рассчитать этот фактор и объяснить глобальное потепление именно им.

Я вспомнил это, чтобы подчеркнуть то, что знает любой геофизик или теолог: верхнее царство управляет и определяет текущие события в нижнем царстве, а не наоборот.

В теологии это называется иерархией небесных сил, в геофизике – законами космоса или, если перевести с греческого, законами красоты или иерархией. А *égalité* («равенство») находится в подземелье, в демонократии, пытаясь подняться на поверхность Земли (особенно в последние 350 лет), путем разрушения космоса или иерархии. Иногда кажется, что ад уже пуст, а все его

обитатели вышли на поверхность земной коры. Это особо ощутимо, когда слушаешь наши телепередачи и смотришь на наш политикум.

Вернемся к экзосфере, и выделим простую мысль о том, что как бы уродливо ни вел себя попавший в тропосферу и застрявший там человек, сколько бы гроз и бурь не было бы запланировано в его отношении обитателями нашей аллегорической тропосферы, это не представляет собой препятствия для экзосферы, если она еще видит обращенный к ней с Земли искренний дух, молитву и, самое главное, последующие действия со стороны такого человека. Действия, в которых человек не боится жертв и готов к бою.

Платон определяет три уровня, или три предмета, или три цели политики. Это:

1. Город Свиней, Свинополис. (Низший), где весь дискурс политикума посвящен тому – кто нас лучше кормит.
2. Слава. Слава нации, государства или человека. (Средний). Не совсем свинский.
3. Благо (Высший).

Здесь слово «благо» в разговоре с учителем Платона, Сократом, определяется очень конкретно: состояние, когда все на своих местах. То есть на нашем языке, когда каждый делает свое дело. Эту идею уже развивает Аристотель, любимый ученик Платона и наставник Александра Македонского: каждое создание, будь то камень или человек, призваны занять свое единственное и идеальное место во Вселенной. Чтобы описать стремление к этому месту, Аристотель ввел слово «энтелехия» (Εντελέχεια), что означает способность стремиться к цели (телосу).

Согласно Аристотелю, трагедия материи заключается в том, что существа при реализации этой энтелехии намеренно или непреднамеренно сталкиваются друг с другом и создают друг другу препятствия в этом стремлении.

Поэтому вся физика и философия Аристотеля – это не механицизм или нечто неодушевленное, а выражение стремления созданий, чтобы осуществить вложенный в них промысл Божий.

Более примитивные латиняне позже неверно истолковали его как «интеллект», сделали его синонимом разума и дошедшие до нас его злосчастные версии привели нас к этому свинополису, в котором мы безвыходно живем.

подавляющее большинство мыслителей платонизма во главе с его основным толкователем неоплатоником Плотинном полагают, что верхний руководит нижним. Руководствуясь этой логикой, заботясь о втором предмете политики, то есть о славе, вы автоматически налаживаете свинополис. По той же логике – заботясь о благе, вы обретаєте не пустую, а благодетельную божью славу, не говоря уже об автоматическом успокоении свинополиса.

Но, если ты вечно копаешься в свинополисе (то, что делают все три политические теории модерна и как можно назвать нашу политическую жизнь не только в течение последних тридцати, но, я бы сказал, как минимум 150 лет), ты не сможешь наладить даже свинополис, и твой народ погибнет.

Вот почему необходимо вернуть в наш политикум вертикальное измерение, даже если никто в мире не задумывается над этим.

Применив нашу аллегорию к трем предметам политики Платона, для определения нашего политического выбора мы можем поставить следующие знаки равенства:

1. Свинополис = пребывание в тропосфере и продолжение копошения в грязи = окончательное уничтожение нации;
2. Слава = вмешательство в стратосферу, наше возвращение в Абхазию и Цхинвали = резкое улучшение ситуации в Свинополисе;
3. Благо = направление политики к экзосфере стремлением и действием = ликвидация либеральной республики и создание на ее месте национального государства, нахождение соответствующего геополитического места в стратосфере, автоматическое решение вопроса Славы, превращение Свинополиса в обитель для человека.

В отличие от геополитики, в уранополитике субъектом является не человек, а Господь. Но, если человек не доверит ему свою волю и не будет действовать вместе с ним, Господь не станет насильственно принуждать человека доверить ему эту хваленную свободную волю.

Следовательно, как уткнувшийся рылом в землю обитатель Свинополиса далек от Господа, так далек от него попусту молящийся и ничего не делающий человек.

Так как, даже на грани жизни и смерти, я продолжаю работать, не будет ли лучше, чтобы вместо того, чтобы писать комментарии: «Да исцелит тебя Господь!» и «Да умножит Бог таких, как ты!» (за что я премного благодарен), каждый человек, который читает эти строки и считает себя нашим единомышленником, избавился бы от приевшихся фраз: «В чем же спасение» и «Эх, погибшая моя Родина!», не поленился бы, прошел регистрацию на встречу сторонников на сайте www.eri.ge, чтобы узнать, какой личный вклад он может внести в наше общественное движение независимо от его возраста и возможностей?! Думаю, так будет лучше.

*** (1), (2), (3) – В Грузии веники стали своеобразным символом «тюремного скандала» 2012 года, при власти Саакашвили. Тогда в СМИ опубликовали видеозаписи пыток и насилия над заключенными с применением веников в период правления «нацев».

Леван Васадзе

10.11.2021

Перевод: Меги Коберидзе

«Не бойся, Георгий, Я с тобою!»

Недавно я осознал нечто ужасное: между двумя праздниками – днем памяти колесования великомученика Георгия Победоносца и днем его обезглавливания почти полгода. 10 (23) ноября особо отмечают только грузины, а 23 апреля (6 мая) весь православный мир. Здесь два чуда, и оба вызывают скорбь: первое – это, то, что деспот истязал Георгия более шести месяцев, а второе – что только Георгиане почитают это мученичество дважды, в его начале и в конце.

Православная иконография свободна от страсти, она обособлена от всего земного, потому что изображает мирскую жизнь святого в вечности. Поэтому мы должны видеть ту действительность, которую передает нам икона, не как совокупность страстей, а сообразно нашей совести и чуткости. Как они снимают с нас одежды, привязывают к колесу и начинают его вращать. Как кружится голова, как от страха задыхается наша плоть, как обрывками предстает перед нами картина приближения колеса к заточенным лезвиям, как соприкасаясь с ними мгновенно все сильнее и сильнее разрывается вращающаяся плоть. Соленый пот и несоленая кровь обжигают и холодят раны, плоть разрывается в клочья вся без разбора – от стоп ног до корней волос и ногтей на пальцах.

За что все это, Георгий, мой любимый предводитель, какую «ошибку» ты совершил, скажи, что «ошибся», возвращайся к богам Рима – Аполлону и Посейдону, Зевсу и Гере, Скамдросу и Артемиде, сядь у трона и все земные сокровища окажутся у твоих ног.

Каким был мир эти шесть месяцев, Георгий? Быть может, осень и зима на востоке были протяжнее, золотые листья дольше плакали на деревьях и на земле, вода замерзала и таяла медленнее, луна наполнялась кровью, а солнце больше не красовалось? Может, вкус и благовоние куда-то испарились, как и радость жизни.

Вкус медовой тыквы уподобился вкусу соломы, вожженные смирна, ладан и фимиам не могли ничего облаговонить в дымчатой картине. После омовения в Иордане волосы девы больше не благоухали ни лавандой, ни сиренью и ни олеандром. Быть может, полевые цветки, «взросшие среди осенних холодов» трепетали не от холода, а от жалости, а орлы низко реяли, чтобы с близкого расстояния хуже видеть происходящее во дворце.

Быть может, граждане империи, не посвященные в происходящее с тобой, той зимой и осенью больше обычного болели, плакали и горевали, чувствовали необъяснимую скорбь и вздыхали. Быть может, их младенцы чаще обычного, плача, просыпались по ночам, испуганные во сне еще не пораженным тобой змием и жалостливо прижимались к матерям. Быть может, избитые и плачущие на Рождество, весной растения больше не хотели расти на земле?! Опять плакала на берегу озера спасенная от змия дочь Селиния, царя Ласии? Или она вовсе не знала, что учинил над тобой Диоклетиан, и беззаботно заливалась смехом в своем ониксовом дворце, тобою крещенная и просветленная?

Как измеряли твои мучения, Георгий? Раз в месяц? ... Раз в две недели? Как они боролись с всевозрастающей в народе любовью и как они чувствовали, что чем дольше оставляли тебя живым, тем нужнее им было тебя сломить? Как тянули они дни твоего земного бытия и после каких мгновений твоих мучений посчитал деспот, что, даже если он тебя сломит, убийство твое все равно неминуемо, так как после всего происшедшего ты все равно не сможешь быть воеводой и его преданным слугой?

Обнаженный телом пред их глазами отторг ты занесенный над тобой меч деспота, распяли тебя на колесе мучений и бросили тебя на этом же колесе обессиленного, сочтя умершим. Но предстал ты перед ними в капище невредим телом, бросили тебя на три дня в обложенный камнем ров с негашеною известью, чтобы тайно навечно зарыть кости твои, и ты вновь явился перед ними исцеленным, били тебя воловьими жилами до тех пор, пока плоть с кровью не прилипла к земле, и исцелился ты, как и прежде, обули тебя в железные сапоги с вбитыми в подошву раскаленными гвоздями и гнали с побоями до темницы, и ты опять остался невредимым. Что думали обо всем этом Диоклетиан и Магнетий? Какое величайшее богохульство они совершали, когда просили тебя воскресить мертвых, и ты воскресил волхва, рассказавшего им о страданиях в геенне и обратившегося на их глазах в веру Христа. Какие же адские глубины демагогии вынуждали их убеждать себя во лжи вновь?

Был бы Диоклетиан таким же упрямым, если бы царица Александра не обратилась в христианство в те месяцы с десятками тысяч других. Была ли история землепашца Гликерия, у которого умер вол и который вместе с другими пришел к тебе в темницу, знаком для нас, грузин, Георгиан, твоих почитателей? Ведь вол – этот источник радости для земледельца (примечание переводчика: «ბაბო» [хари] – бык. груз., «ხარება» [хареба] – радость, благая весть. груз.), и то, что ты вернул радость Гликерия, не было ли знамением для обращения грузин в христианство, как это сделал впоследствии и Гликерий?

Что есть превозмогание, Георгий? Каков ты? Какой у тебя голос? Как ты, столько раз истерзанный и исцеленный, обращался к своему мучителю в течение этих шести месяцев: с преклонением или с заботой, с гневом или с мольбой. И чему приписывали несколько раз услышанный с небес голос Спасителя, обращенный к тебе, в этом дворце слез?

Что тебе помогло выдержать, Георгий? Годами раньше во время первого гонения за христианами в мученичестве погибший отец ваш? Как вынесла все это овдовевшая мать твоя или твоя внучатая племянница Нино (примечание переводчика: Святая равноапостольная Нино, просветительница Грузии), которая была совсем маленькой и не знала, что через несколько лет должна была вступить на путь обращения Георгии в истинную веру. Или голос Христа, услышанный тобой после пыток в сапогах с железными гвоздями: «Не бойся, Георгий, Я с тобою».

Из устного предания, которое моему другу в детстве передала его бабушка, жительница Илори, знаю, что лет за десять до твоего мученичества, наверное, совсем еще молодым, стоял ты у нас со своим войском, в Илори. В дар местным жителям ты преподнес икону Господа, которой сам молился, горн архистратига и стрелу из твоего колчана.

Именно там и был основан один из первых твоих храмов в Грузии. Более чем через тысячелетие, во время Дидтуркоба – нашествия турок-сельджуков, там произошла одна история, которая очень похожа на те, как ты освобождал пленных и которую по своей глубине можно сравнить с историей Авраама, когда он был готов принести в жертву Богу Исаака.

Во время литургии в Илори, находясь в алтаре, священник услышал известие о том, что его сын был похищен тем утром турками из ближайшего леса. Святой отец не нарушил правила, не прекратил богослужения и полностью доверился Господу.

Со слезами на глазах, весь поседевший, предстал он перед прихожанами и обратился к ним с проповедью с амвона, причастил всех верующих, в глубокой скорби вышел из храма вместе с другими и изумился от радости, увидев плачущего и испуганного своего сына во дворе церкви.

Мальчик рассказал, что, когда похитители увозили его, вдруг появился всадник, порубал турок и обратил их в бегство. Затем посадил мальчика на коня, взлетел в небеса, опустился во дворе храма, погладил мальчика по голове, улыбнулся и сказал: «Не бойся, Господь любит твоего отца». Изумленный радостью, отец подхватил сына на руки и подвел его к алтарю, чтобы прославить Господа, а ребенок, увидев твою икону на стене, сказал, что это и есть его спаситель.

Неужели и тогда, когда обрадованный Диоклетиан опять ввел тебя в капище для поклонения идолам и когда от твоих слов все они разом сокрушились, а пораженная Александра призналась в своем христианстве, ты надеялся на то, что мучители обратятся в истинную веру и спасутся? Или же ты знал, что все, кроме молитв за них, было бессмысленно? Мы не можем простить друг другу даже малейшего злословия, а ты...? Что есть преодоление, Георгий?

Мое время ужасно, Святой Георгий, наверное, также, как и времена всех других. Мне говорят, что все ужасы впереди, но до этого... до этого, Георгий, чувствую своим недостойным сердцем, что стану очевидцем удивительного просияния моей Родины. Все, что делало меня счастливым, снова сделает меня счастливым, все, что наболело, будет объяснено. И я никогда не смогу вместить это также, как я никогда не смогу молиться пред тобою, так, как тебе подобает. Я настолько бессилен и грешен, что мне стыдно даже обращаться к тебе. Но ты не оставляй меня, Георгий, ведь ты никогда не оставлял своей родины – ни земной, ни небесной. И если в таких эллинизированных регионах картвельского мира как, например, Каппадукия, имя Георгий означало «мужчина из земледельческого племени», быть может, мы тоже будем вознаграждены в это ужасное время малой толикой твоего мужества.

Жизненный путь мой, путь солнца и луны, исполнен моим безрассудством и милостью и терпением Господа. Будь моим предводителем на этом пути, Георгий, потому что, несмотря на все грехи мои, я тоже Георгианин, желающий быть воином и, стыдящийся своей никчемности и доверившийся твоей деснице в моей службе Родине, и слава Всевышнему и за это!

14 февраля, 2013 г. Кикети

Леван Васадзе
23.11.2021

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XLII Глава. Неавторский перевод

После Гиоргоба до сегодняшнего дня по причине кончины моего отца и крайнего ухудшения состояния моего здоровья, я не смог продолжить писать «Дневник Немощного».

То, что я не смогу писать этот дневник линейно и по-европейски, было для меня очевидно в самом начале, и еще в первых главах я заранее попросил у читателей прощения.

Но столь тяжкое испытание и вызванное им дальнейшее мое ослабление, конечно же, выходит за рамки обычного течения событий, и выход из этого положения и его осознание – теперь для меня еще один вызов.

Я не смогу описать здесь все свои страдания со страстной образностью и глубиной, просто напишу немного скупое, а тот, кто должен понять все остальное, поймет и сам.

Для любого человека потеря отца — это сильнейший удар, тем более такого, как мой.

Моему отцу было 22 года, когда в день его рождения, 20 декабря 1970 года, как бы ему в подарок, появился на свет я. В том же году мой отец, вместе с тремя другими альпинистами в одной связке с ним, сорвался со скалы в горах. Его друзья погибли, а отец 3 дня находился в коме, а когда пришел в сознание, у него диагностировали тяжелейшую форму приобретенного сахарного диабета.

Под чутким руководством моей матери мы всю жизнь боролись за его спасение, и, кстати, в том числе и именно поэтому я, поэт, стал заниматься даже предпринимательством, ибо с детства боялся что не смогу помочь отцу в его болезни.

Всю свою жизнь отец подавал нам пример мужества и терпения, ни разу не жаловался, никогда не ныл. Лишь изредка во время мучительной боли был слышен его тихий и сдержанный стон.

Он очень любил моего дедушку и мою бабушку, своего тестя и тещу, не говоря уже о своих родителях. Семья была для него важнее всего.

Как-то отец рассказал мне про моего деда, своего тестя. Гуляя вечером по Мтацминде, дед спросил крестьянку, приехавшую из Окрокана: «Калбатано, последний вагон на Фуникулер скоро отходит, видимо, вы не успеете продать эту корзину подснежников, и они завянут.» «Что я могу сделать? – ответила крестьянка – Вы правы, батано». «Продайте мне эти подснежники», – сказал дед и на свою небольшую зарплату непартийного профессора купил целую корзину подснежников у этой женщины. Отец, удивленный, держал меня на руках и смотрел на деда. Женщина благословила деда и быстрым шагом пошла по улице Ниагварской (т.е. Потопной – рус.) к фуникулеру. Вдруг дедушка догнал крестьянку, подарил ей купленные от нее же цветы и сказал: «Это вам от меня за ваш труд».

Я не знаю, чей образ ярче прослеживается в этой истории: образ моего дедушки или образ моего отца, который рассказал мне эту историю как пример поведения настоящего мужчины.

А вот еще одна история о прогулке по Мтацминда. Ее я уже знаю от деда. Была зима, и по той же улице Ниагварской (окно моей спальни смотрело прямо на ее конец, которая вела прямо с горы Мтацминда к нашему дому, это то самое место, где в конце фильма «Покаяние» Верико спрашивает: «Скажите, эта дорога приведет к храму?») отец с дедом везли меня в детской коляске к дому.

Вдруг со стороны улицы Дзержинской (так она тогда называлась, ныне улица Ингороква) свернул фургон «Москвич», и машину занесло на февральском льду. Дедушка рассказывал, что в этот момент он подумал, что автомобиль раздавит всех нас троих насмерть. Отец же мгновенно сорвался с места, по-регбистски сбоку столкнулся со скользящим по льду москвичом и перебросил его в бок.

Отец был очень красивым мужчиной во всех отношениях — и внешне, и внутренне. Первые воспоминания у меня связаны с Сирией, где он работал по советскому геологическому контракту. Мне было 3 года, когда он нас с мамой и с сестрой взял с собой на 3 года. Он проводил месяцы в пустыне в поисках воды для арабов и уставший возвращался домой, в нашу квартиру в Хомсе. На голове у него был «пробковый шлем» британских колонизаторов, а на шее красовалась палестинская «арафатка».

Он никогда ничего не заставлял меня делать насильно. Когда в Хомсе во время полуденного зноя начиналась арабская сиеста, я не мог заснуть, и папа с мамой позволяли мне просто спокойно сидеть в тишине в завешенной занавесками квартире. Именно тогда, в течение тех трех лет, в тихие часы укрытия от сирийской жары, многое родилось и развилось в моем поэтическом мире. Иногда у меня возникали видения гарема халифов, иногда Кавказских гор, оставшихся где-то за тридевять земель, и разум превращал все это в моем воображении в стихи и картины.

Из-за диабета отец уже не мог ходить в горы, так, как ему этого хотелось, хотя все альпинисты его поколения были его друзьями: Девико Тархнишвили, Залико Кикодзе, дядя Шалико Кирикашвили, Дато Баидаури и другие. Помню, раз в год, как правило, в конце сентября, он обязательно отправлялся вместе с ними на студенческие альпиниады.

Однажды ранней осенью, когда я пришел из школы домой, то увидел, как отец складывает свою палатку и спальный мешок. Тогда мне было лет десять. С детской завистью и мечтательностью глядел я на него. Вдруг он посмотрел на меня, улыбнулся и спросил: «Хочешь поехать со мной?». Я онемел от счастья. «Отпусти его, Ир, на три дня, потом он догонит одноклассников, если отстанет».

Ту ночь я впервые в жизни провел в спальнике на заднем сидении нашего экспедиционного «Колхозника», в жужжании ветра в щелях стекла автомобиля и в звуке приглушенного гула из здания альпинистской базы, сейчас там одно из зданий наших пограничников. Это именно то

место, где находится Дарьяльский монастырь, где отец познакомился с мамой на альпиниаде и куда они отправились также в свадебное путешествие.

Ничто не случайно пред Господом, и в видении деда нашего патриарха, что в пустынном Дарьяле будет воздвигнут сей славный монастырь, наверное, как малая толика, возможно должен был быть и такой, как я, недостойный грешник, родители которого именно здесь познакомились и, который, возможно, именно здесь и был зачат во время свадебного путешествия. (1).

Наша семья никогда не отличалась материальным благосостоянием. Потомки репрессированных и расстрелянных бабушек и дедушек со стороны матери и отца стыдились вступать в партию, а вступление в партию было залогом повышения уровня материального благосостояния.

Отец и его друзья время от времени занимались каким-то мелким предпринимательством, которое было запрещено в советское время, но это никогда не было торговлей, это всегда было попыткой что-то создавать и производить. Поэтому, то в нашей ванной месяцами стоял запах химикатов, которыми обрабатывали мех добытого зверя, то при пошиве «пуховых» курток наша любимая квартира на улице Шевченко на несколько месяцев заполнялась гусиным пухом. И происходило все это из-за устанавливаемого в условиях любой империи строгого морального ценза, определяющего, что можно и что нельзя делать порядочному грузину, заботясь о семье.

Увлечение отца народным целительством явно было следствием его бесконечных страданий от диабета. Медицина в то время была очень неэффективна в лечении диабета, и отец постоянно мучался от боли. Болезнь давала осложнения на разные органы. Болезни почек, глаз, гангрена, частичная ампутация конечностей – через все это пришлось пройти нам на протяжении многих лет.

Как известно, лечение мочой или уринотерапия является частью любой народной медицины, а немцы возвели ее в степень науки и, кажется, у них даже есть нобелевский лауреат.

Отец основательно изучил уринотерапию, каким-то образом смог побывать на симпозиумах за границей и начал практиковать ее в Тбилиси. Лечение заключалось в основном в диетических ограничениях и употреблении строго определенных травяных и овощных соков, иной раз в сочетании с уринотерапией.

Благодаря его удивительному красноречию и, как видно, эффективности метода, наша жизнь вскоре полностью изменилась. Естественно, тогда не было никаких условий для организации его практики народной медицины, и тысячи людей приходили к нам в дом и лечились у моего отца.

Помню, на протяжении лет, когда я приходил домой из школы, очередь пациентов уже стояла на улице и во дворе дома. Отец, как правило, читал одну и ту же лекцию о методах терапии, а затем, исходя из индивидуальных анализов пациента, назначал больным диету и лечение. Стоимость лечения не была установлена, и сколько раз я слышал его ответ на вопрос о стоимости лечения: «Кто сколько желает, столько и может пожертвовать».

В семье никогда не было больших денег – да, на еду и основные потребности хватало, но, как оказалось, большую часть денег отец тратил на благотворительность: например (позже я обнаружил документы), он купил 27 домов для экомигрантов, переселенных из Аджарии в Джавахети, и помог многим нуждающимся.

Его диабет не позволял ему нести такую большую общественную нагрузку, я часто видел, как он раздражался повторяющимися бессмысленными вопросами на этих публичных лекциях и потом раскаивался в этой неконтролируемой раздражительности, вызванной диабетом. Дело дошло даже до того, что мы просили его бросить практику, так как беспокоились о его здоровье. Но отец говорил, что его метод помогает многим людям и он не имеет права останавливаться.

И действительно, дома хранились книги, заполненные письмами благодарных пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями 4 стадии, недугами, связанными с обменом веществ, желудочно-кишечным трактом, сердечно-сосудистыми заболеваниями. Всех этих безнадежно больных людей отец спас от смерти. Пожар нашего дома во время братоубийственной войны и утрата нашей семьей всего (в том числе упомянутых выше благодарственных книг) — стали первым и закономерным ударом по текущей врачебной практике отца.

Вместе с вынужденными переселенцами из Абхазии нашей семье предоставили жилье в Цхнети. Когда мы пришли в себя, мой отец продолжал принимать там больных и, кажется, арендовал помещение для этой цели и в Тбилиси. Я уже готовился к учебе за границей во второй раз.

А потом, вдруг, приехав из-за границы, я узнал, что он полностью отказался от практики, а когда я спросил, почему, он ответил: «Сынок, часть нашего народа очень жестока и неблагодарна, из-за моей деятельности они превратят твою жизнь в кошмар и будут смеяться над тобой». Вот такой удивительный пример заботы отца о сыне дал мне мой отец. И действительно, по сей день не проходит и месяца, чтобы какой-нибудь глупец не оскорбил меня по этому поводу в публичном пространстве, несмотря на то удивительное добро, которое мой отец на протяжении многих лет сеял для людей.

Моя общественная активность очень беспокоила отца, однако он понимал, что то, что я делал, исходило от сердца, и я до конца наивно верил, что смогу избежать практической политики.

Естественно, он, как и все члены моей семьи, был против моего прихода в политику, однако, предположить, с какой скоростью будут развиваться события, отец, конечно, не мог. Однажды он мне с любовью сказал: «Сынок, ну какой же из тебя выйдет правитель страны, я знаю тебя с детства, человек твоего сердца никогда не сможет обречь другого человека на тюрьму»... и где-то он был прав.

Когда я видел его в последний раз, я собирался в Гурию и Кобулету на встречу со сторонниками. По патриаршему благословлению, я попросил отца благословить меня и поцеловал ему руку. Тогда я и представить себе не мог, что делаю это в последний раз.

Когда меня поразила эта внезапная болезнь и мы только начали в ней разбираться, мама сказала мне по телефону, что больше всего ей больно смотреть на отца, который все время ходит за ней и заглядывает ей в глаза.

Я подбадривал его, как мог. Уже во время видеозвонков из Турции и потом из Москвы мы оба вели себя одинаково: старались не смотреть друг другу в глаза. Я видел, как ухудшается состояние его здоровья, и говорил, что чувствую себя хорошо и что сейчас главное, как чувствует себя он.

Его организм не выдержал стольких переживаний, сначала отказали почки, мы думали, что сердечные шунты вышли из строя, но, все обошлось, потом его перевели на диализ, потом ввели в искусственную кому, потом он заразился Ковидом, а потом он скончался.

В ту ночь Нино, будучи в Москве, вдруг необъяснимо начала рыдать, и только позже мы узнали, что именно в это время отец ушел из жизни. Было раннее утро среды, я, ни жив ни мертв, надевал свой скафандр и собирался на очередную химию. Нино вошла в комнату с изменившимся лицом и сказала, что видела плохой сон об отце. Я попросил ее позвонить, а сам подошел к иконам и начал молиться. Во время молитвы я посмотрел в сторону приближающейся Нино, она кивнула мне головой, мы обнялись, и я отправился на химию.

Я, нарушив нормы обходительности, сказал врачам, что меня ничего не интересует и чтобы они в срочном порядке сделали мне уколы, повышающие иммунитет, так как я должен поехать на похороны. Что им было делать?! Приуныв, они сделали мне укол иммуноглобулина и вторую прививку от Ковида.

Потом я устыдился своего упрямства и позвонил с извинениями своему духовному отцу. Что он мне мог сказать, зная мой характер? Он попросил, чтобы я еще раз посоветовался с врачами и только после этого принял бы решение. Врачи уже ничего не стали мне запрещать, и так я окончательно вознамерился ехать.

Тем временем мама каким-то образом узнала, что я собираюсь приехать, и позвонила мне. Помимо соболезнований, мы с ней спокойно беседовали в течении часа, и чем дольше, тем более были слышны в ее голосе те отзвуки стали, который я унаследовал от нее, а не от отца. Она напрочь запретила мне приезжать, сказав, что это лишь удвоит ее бремя, ибо помимо оплакивания отца, она будет переживать за меня, и мне пришлось вконец ей подчиниться и отказаться от поездки домой.

Как только я смирился с этим несчастьем, я сразу же обессилел. Не знаю, было ли это вызвано подавлением воли, или химической реакцией моего изнеможденного организма на введение дополнительных лекарств, или и тем и другим вместе.

Я не буду описывать подробностей, скажу только то, что мое тело сжалось до обессиленной, дышащей на ладан, оскорбленной плоти, после которой уже ничего не остается. Что значит лезть на стены от боли, я узнал именно тогда, что такое потеря духовной воли, я осознал именно тогда. С тех пор я нахожусь в таком состоянии – иногда мне бывает немного лучше, иногда немного

хуже. Тем временем завершился шестимесячный курс 24 химий, и, как подействовал этот курс и что ждет меня впереди, я узнаю через три недели, так как через неделю у меня должны взять анализы. Говорить о том, идет ли процесс выведения ядов и утихания боли, пока рано.

Все мои попытки найти пару часов в день, чтобы выглядеть по-человечески, каждый раз заканчиваются крахом: будь то разговоры со сторонниками по зуму, попытки заняться гимнастикой, изучение нового иностранного языка, чтение. Утешаюсь я только в молитвах, и то, скрючившись и сидя в кресле, а иногда только своими словами, вместо того, чтобы выполнять правило. Этот мрак озаряет лишь образ отца и бесспорное знание того, что существует вечная Грузия, быть сыном которой научил меня именно он, существует Грузия, в недрах которой есть то, к чему стремится моя душа. Да будет каждый день моей жизни таким, каким желает Покровитель этой вечной Грузии, ныне и во веки веков, аминь.

P.S. Если смогу и как смогу, иногда я буду продолжать писать дневник. Просто мне хотелось донести до вас отсюда этот голос, эту радостную весть: не существует боли, за которой не стоит большее облегчение от Господа, не существует никакого одиночества. Все мы, кто этого желает, едины в недрах вечной Грузии, и как больно бы нам не было и кого бы мы не теряли, мы все равно воссоединимся там, где боли больше не будет. И если мы понимаем это, пока мы здесь, давайте сделаем все для того, чтобы и этот мир стал похожим на тот: заботясь друг о друге, отказываясь от собственных желаний, неся бремя друг друга, кто как может, кому сколько не жалко.

(1). Дарьяльский монастырь Имени Архангелов Михаила и Гавриила на границе Грузии и России воздвигнут по благословлению Святейшего и Блаженнейшего Каталикос-Патриарха Всея Грузии, Архиепископа Мцхета-Тбилисского и Митрополита Сухумо-Абхазского, Ильи 2-го, по видению его деда и данном монастыре. Леван Васадзе является ктитором данного монастыря.

Леван Васадзе

13.01.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XLIII Глава. Неавторский перевод

Обыватель многого не поймет в этом Дневнике, и тем более эту главу.

Этот заимствованный из русского языка эвфемизм («обыватель») точно отражает сущность человека, который прикован только к быту и думает, что только после того, как упорядочит свой быт, найдет время для возвышенного. Чем больше он погрязает в этой своей низменности, тем больше он сомневается не только в необходимости думать о возвышенном и стремиться к нему, но и в самом его существовании, и, таким образом, он некоторое время пытается превознести все земное, видимое. В этой гравитационной тюрьме у него обрываются сухожилия, и вдруг, изнеможенный этой бессмысленной и с самого же начала обреченной попыткой, он предпочитает снова погрязнуть в этой мелкотравчатости.

Нельзя назвать правым и человека, который отрицает все видимое и данное свыше, и, одержимый мыслью о бытии с невидимым, пренебрегает всем мирским – он так же труслив и эгоистичен, как и первый, и, быть может, еще хуже и зловреднее.

Человек – это создание, призванное быть милостивым, то есть богоподобным, и именно это выразил Спаситель, облагородив невидимым видимое. Цепляться за одно или другое состояние и упрямо застревать в нем – это и есть пример предательства и отрицания сущности человечности.

К сожалению, большинство членов человеческого общества таково, вернее, каждый из нас постоянно впадает в одно из этих двух состояний, и это называется грехом.

Грех – не верить и отрицать невидимое и стремиться только к мирскому, и грех – пренебрегать видимым и пребывать в упоении полета на крыльях неземного.

Пока мы в этом мире, мы обязаны находиться в обоих состояниях, и вызванные этим мучения – это и есть сама человечность.

В действительности, в этой муке заключается истинная сладость и легкость, о которой Спаситель беседует со своими апостолами. Более всего это нужно человеку: знание того, что ничего не является бессмысленным и случайным в его жизни и даже если его ограниченный разум не может уловить причинно-следственную связь между видимым и невидимым, все всегда происходит чьей либо рукой по какой-либо причине. И единственной целью этого некто является спасение человека и забота о нем, даже если он этого не понимает, как не понимает ребенок, принимая горькое лекарство.

Господь многое дал человеку для того, чтобы облегчить эту муку и суметь достойно нести этот крест. Примерами тому служат и плуг, и поэзия, и колесо, и музыка. Жаль, что и этим человек пользуется чаще для поощрения своего греха, чем для доказательства своей человечности.

Он так совершенствует плуг, чтобы будущие поколения не знали цену и вкус хлеба, он так развращает поэзию, что она становится пригодной только для возбуждения похоти. Вместо того, чтобы использовать колесо для наслаждения созерцанием мира, он использует его для порабощения других народов, и вместо того, чтобы посредством музыки укреплять свое единство с Богом, он создает из певца слащавого, а на самом деле грязного и развратного идола.

В этом состоянии очень трудно писать на первичном, допотопном языке, который принадлежит нам, картвелам, и делать это так, чтобы написанное было понятно читателям, особенно молодым.

Я упомянул поэзию, и она является моей судьбой. В ней у меня все сбылось и сбудется и у меня, и у других. Не существует стихотворения, запечатленного поэтическим талантом, которое не отобразилось бы в жизни любого человека как отпечаток действительности.

Упомянутое в последней главе мое стремление во что бы то ни стало попасть на похороны отца и мое несмирение с окружающей реальностью и ее подчинение: моих врачей и их лекарств, мое

упрямое непослушание даже по отношению к моему духовному отцу и последовавшая за этим моя встреча с непоколебимой волей моей матери, которая все это перевешивает и запрещает осуществить задуманное является ничем иным, как встречей с поэзией.

В индоевропейско-яфетическом логосе – это позор, в строго вертикальном, патриархальном действии – это поражение. Человек находится на пути на похороны собственного отца, и на этом пути он не подчиняется воле врачей, ради вежливости заставляет согласиться с собой духовного отца, а по сути не слушается его, но действует в соответствии со строго определенной (возможно, несколько вышедшей за грань) патриархальной парадигмой, а потом сталкивается и подчиняется женской воле, будь то даже воля матери.

Но в яфетическом же, но не в индоевропейском, кавказском, картвельском логосе, который я называю Не Ищущим Логосом, все ясно: этого противостояния между мужским и женским не существует, как не существует (как часто ошибочно у нас принято говорить в тостах) превосходства женщины над мужчиной. Есть только твердое знание Не Ищущего Логоса, что мы едины и мы вместе определяем сущность связи между видимым и невидимым. “При чем тут поэзия?”- спросит кто-то. Можно привести сколько угодно примеров, но я подберу самый лучший:

Колышет ветер кипариса стан.
Но ветра нет. Так что его колышет?
И всё же ветер кипариса стан
Внезапными порывами колышет.

Моя печаль тесна, как эта клеть, —
Обязана высокая чинара
Пред мнимой бурей гнуться и скрипеть
Лишь потому, что ей она не пара.

Поэт — чинары доблестный двойник!
Он жаждет высоты как муку света,
Но не с алое и улыбкою он сник
Под гнетом вражьего навета.

(Галактион Табидзе – «Снова эфемера». Перевод стихотворения Д. Беридзе и Г. Маргвелашвили с изменениями от переводчика).

Все, что произошло со мной, целиком и полностью вписывается в творение Галактиона. Вершина и стан кипариса здесь – это вершина патриархального мышления и действия, а невидимый ветер – это находящееся рядом с ним и заботящееся о нем материнское начало, которое, если нужно, сломит чинару не могущую молчать и бездействовать, чтобы сбереечь ее стан и жизнь, так как знает, что не улыбкой и алое покроет поэта навет врагов.

Каково же переводить этот Дневник на другой язык?!

Когда дедушка Эпифан скончался, гроб с его телом можно было вынести из нашей квартиры (которая находилась в районе старой Верхней Веры в начале улице Барнова, ныне Абашидзе), только через соседскую квартиру, так как на той винтовой лестнице, по которой мы обычно поднимались к дедушке, невозможно было повернуть гроб.

Сосед, через квартиру которого должны были пронести усыпальницу, был коммунистом-атеистом, не был грузином и хладнокровно отказался дать разрешение на вынос покойного. Атеистов всех категорий, будь то коммунисты, фашисты или либералы, характеризует один парадокс: они не верят в Бога, но одержимы ложными суевериями, как брошенные хозяином где-то на чердаке, полные грязи мешки.

Мне тогда было только 15, и, естественно, меня никто не спрашивал.

Друзья и одноклассники моего отца, воспитанники бывшей 7ой мужской, а ныне 53-ей средней школы, были людьми, с которыми без уважения не смел заговорить на Вере никто: ни вор и ни урка. Темур Баблуани, плотью и кровью истинный сван, гений искусства; мой крестный отец, Бату Кевлишвили, отец всех грузинских регбистов; Мераб (Гижо) Омиадзе (представьте себе, что на Старой Вере вам дают прозвище Гижо (примечание переводчика: от слова “გიჯო” [гижи] – сумасшедший)); Вахо Шарикадзе, Зура Качеишвили, Роман Чичуа, Паата Гудушаури, сухумский Юра (Дзуку) Гулуа и др.

Это была та старая настоящая Вера, живущая по законам мужества, интеллигентная, образованная, которая вернула Тбилиси, а не та, вторая, с переделанными негрузинскими фамилиями, чьи дети позже, в 90 –ых, стали верийскими злодеями.

Авторитета и одного слова каждого из них хватило бы на то, чтобы спокойно «связать» этого напуганного и неадекватного соседа, свесить его с балкона внутреннего двора, как пыльный ковер, и так вынести гроб дедушки Эпифана через его квартиру. Но в дни скорби они не могли позволить себе сделать это.

Они договорились друг с другом, и те, кто были альпинистами- Залико Кикодзе и другие – при помощи карабинов и веревок сделали крепезж на стоящем во дворе дереве и электростолбе и так спустили гроб дедушки Эпифания с его балкона, пока этот озлобленный сосед прятался от взора людей, заполнивших весь двор.

Был сухой, холодный и ветреный осенний день, и посреди него, заполненного этим грузинским благородством, вновь сбылся Галактион, потому что висячий на веревках гроб вдруг качнулся от ветра, и этот звук отозвался во мне как звук выстрела в горах:

Убил в ущелье охотник рыжий
Прекраснорогую ниамери.

И было тихо — а стало тише.
Так слово смолкает в пустом соборе.

Назавтра я видел, что день несветел,
А воздух траурен — без метафор —
Там шли за гробом сквозь ливень и ветер
И сумрак скорбный и взрывы литавр!

А я никому не помог на свете,
Не спас я царственную косулю...
На мне тот ливень оставил плети,
И в детское сердце я принял пулю.

(Галактион Табидзе – «Выстрел в Горах». Перевод стихотворения В. Леоновича)

Человек может молиться, так ни разу и не поняв, и не осознав значения слов своей молитвы, всецело соблюдать правила, и при этом остаться опустошенным – с кем из нас не случилось это?!

Точно так же человек может читать поэзию, но никак не связывать ее шепот с собственной жизнью, и это недопустимо не только для поэта, но и для любого человека.

Недопустимо и то, чтобы он, как маньяк, сошел с ума в поисках символов.

Но, если я Вам не наскучил, прочтите внимательно одно из самых болезненных стихотворений, написанных мною 13 лет назад (хотя безболезненного стихотворения для поэта и не бывает), и скажите, сбылось ли у меня все из этого стихотворения: со своими заледенелыми в сердце из слез и крови сталагмитами, с заснеженным лицом, с хохочущими надо мной бесами, с беззащитным и осторожным ожиданием будущей весны. И если это так, то чего же нам бояться?!

Туман высоту набирает,
Он скалам уже по пояс
Спаситель, от октября я
Теперь так легко не укроюсь.

Угоден ли я тебе Боже?
Ответ мне неведом...но верю,
Что путь мой тобою проложен,
Тобой озарен и отмерен.

В садах мушмула дозрела.
Лес устлан листвою палой.
Осеннее солнце несмело

Ласкает озябшие скалы.

И вот уже небо сквозь слезы
С тревогой взирает на осень:
«Неужто исполнит угрозы,
Затянет последнюю просинь?»

Мой путь! Он так долог, Всевышний.
Туман заглушает все звуки.
Осины стоят то недвижно,
То сучья ломая, как руки.

Листвы золотые развалы
Затмят декабря седины.
Все искры бывшего запала
Развеются. Все до единой.

И я затаюсь, зареюсь,
У смерти в ладонях понежусь.
Забуду, как в детстве зарёю
Вдыхал я весеннюю свежесть.

Тугие, ленивые мысли
Придавят, опутают, сгорбят.
Я стану никем, я причислюсь
К бесплотным видениям скорби.

Мне зябко, мне больно, мне ясно,
Как мало я дал тебе, Боже.
Оглохший, слепой и безгласный
Ищу тебя в каждом прохожем.

Озябнув, поверили руки,
Снежинки теплее. Намного.
Придумали музы-подруги
О солнце безумных эклогу.

Не лучше поддаться, как дети
Зимы колдовским небылицам, –
И, может, смогу на рассвете
Хотя бы на время забыться.

Что толку в молитве утешной?
И мне, как недолгому гостю,

Здесь саван готовится снежный
Под хохот чертей на погосте.

Читая канон поминальный,
В хрустальное слово вникая:
Ничтожная часть океана
Я так же, как он неприкаян.

Забуду про август. Ночлегом
Отныне зима мне послужит,
Засыплет глаза мои снегом
И снегом укроет от стужи.

Стране моей тяжело. Я с нею.
Судьбой воедино мы слиты.
А в сердце уже леденеют
Из крови и слез сталагмиты.

Но чую: зимою немая,
Весной опьяненная солнцем,
Река, все препоны ломая,
Сквозь горы к равнине прорвется.

Мне душу живительной влагой
Омоет и раны залечит.
Приму все бывшее, как благо,
Внимая ее красноречью.

Река восстановит все краски,
Хребет переломит стуже.
Весенним потоком обласкан,
Пойму, что я все еще нужен.

Как в лучшие годы, опять я
Пройдусь по отчизне родимой,
Замру в ее теплых объятьях –
Счастливый, живой, невредамый;

И станет зима мне сестрою,
А смерть не кончиной, но вехой.
Унынье меня не расстроит
Болотным чертям на потеху;

Туман без конца и без края

Развеет в мгновение ветер.
Без страха дождусь ноября я, –
Меня он, как равного, встретит.

И может на этом просторе
Тебе пригожусь я, Всевышний.
Я верю: ты что-то простое,
Волшебное что-то сулишь мне.

Леван Васадзе
Октябрь – Ноябрь 2009 года
Тбилиси-Москва-Тбилиси
Перевод стихотворения Паолы Урушадзе

Один рационалист сказал мне, что в политике нет места поэзии. Политика вне поэзии – это свинопалис, тупик.

Только прочувствованная ценой жизни и крови – поэтическая политика и есть наш выход, как написано в одном из моих стихотворений «хмурая, страшная и натянутая». Поэзия, которая принадлежит не пустотелым и восхваляющим восклицаниями «Джос! Джос!» бездеятельным, невежественным и плачущим, пустым людям, а поэзия, которая принадлежит трудовому человеку, знающему свое дело, не дрожащему от страха при виде страны (примечание переводчика: «ჯჯო-ყბბ» [«кве-кана»] – «страна», буквально: «пашня под ногами») и каждое утро пересматривающего то, что он может сделать в этой стране, человеку, который в поте лица проводит свои дни не потому, что хочет нажиться и затем жить в надежде на нажитое, а потому, что он любит Господа, любит поэзию, стоит на этой пашне «в колее Свече-рогатого Благовестника», (1) и по-другому он не может. У него нет страха ни перед голодом, ни перед пустым амбаром и ни перед чем другим, кроме своей бессовестности и нераскаянности, кроме страха перед жизнью без поэзии.

(1). Цитата из другого стихотворения Левана Васадзе «Вот Уж Век Как...» – примечание переводчика.

Леван Васадзе
15.01.2022
Перевод текста: Меги Коберидзе
Перевод стихотворения Левана Васадзе «Туман высоту набирает...»: Паола Урушадзе

Для меня очень тяжело и неестественно состояние, когда столько людей из-за постигшего меня недуга жалеют меня и по причине кончины моего отца высказывают мне свои соболезнования. Несмотря на мою глубочайшую благодарность всем, во время написания этого «Дневника», как только у меня появляются силы, я всегда стремлюсь выйти за пределы личного и обсуждать проблемы страны, так как считаю, что это очень нужное дело.

И все же смерть отца, мое двухмесячное сильнейшее истощение, по причине которого я не смог написать ни единой строчки, естественно, повлияли на мое решение после вынужденной паузы в первой же главе написать об отце и о моем состоянии. Сейчас я вновь вернусь к вопросам нашего общества.

В моей ситуации, когда все вокруг сотрясается, человеку трудно не задуматься о преходящести всего земного и не испытать скорбь и страх перед будущим, которых у каждого из нас и так достаточно в обычной жизни.

Когда человек размышляет о будущем, у него рождаются вопросы, на которые он по собственному опыту знает, что нет ответов. Но в это время происходит нечто худшее: человек в таком состоянии часто представляет себе только самое плохое и забывает бесчисленные случаи, когда Господь даровал ему гораздо лучшее, чем он сам ожидал или заслуживал.

Таким образом, горестные размышления о будущем не являются божественным действием и, несомненно, представляют собой ловушку от лукавого. Это хорошо знают святые отцы, и поэтому Мать-Церковь называет демона уныния одним из сильнейших, запрещает человеку впадать в отчаяние и нарекает это грехом.

Это величайшая забота и любовь к нам, ибо тем самым церковь напоминает нам о том, что мы сами забыли и о чем уже говорили здесь: в жизни каждого из нас есть много примеров неожиданного подарка, спасения, покоя и радости, и каждый из них является доказательством существования Господа и Его неутомимой заботы о нас.

Быть может, неправильно и то, когда человек совершенно беззаботен, что иногда характеризует беспечных грузин и когда он всю жизнь проводит в веселье и кутежах, но даже заботиться о ком-то я могу только в настоящем и переживания о будущем ничего не смогут изменить и, следовательно, лучше быть тружеником в настоящем, чем застывать в печали о будущем.

В настоящем я могу, по крайней мере на этот раз, вовремя посеять семена, в независимости от того, сколько таких промежутков времени я пропустил в прошлом, вовремя позаботиться о воспитании своего ребенка, вовремя приступить к работе, вовремя поддержать другого человека и подать ему руку помощи.

Эти циклы своевременных действий или, если угодно, ритмов лучше определяет деревня. Город имеет свои, вымышленные ритмы и циклы, неестественные и очень требовательные, а сельские

находятся в непосредственной связи с природой и обязывают и заставляют человека быть их частью.

В течение последних трех столетий человечество, убегая от них и урбанизируясь, оказалось обманутым, особенно наш народ, который по своей сути представляет собой исключительно сельскую культуру.

Невозможность побега от самого себя особенно ужасающие масштабы приобрела в середине прошлого века и привела к тому результату, который так мучает нынче каждого из нас.

Жизнь очень коротка, сиюминутна (прим. переводчика: «წუთისოფელი» [цутисопели] – в переводе: «сиюминутная, брэнная жизнь, земная жизнь», от слов «цути» – «минута» и «сопели» – «деревня») и как только я это понял, сразу переехал жить в деревню.

И, хотя моя задача не касалась только моей семьи, я хотел использовать данные мне средства для создания среды, в которой выросли бы поколения, любящие деревню, и, несмотря на тяжесть и сложность этой задачи, я ни разу не пожалел о сделанном мною шаге. И дай Бог, чтобы я не ошибался в этом: я уже вижу плоды этого шага в лице поколений, воспитанных в нашей школе, хоть пока еще живущих в городе, но очень надеюсь на то, что заряд семейственности, желания быть с землей и работать на ней в них силен.

Единственный способ спасти наш народ заключается в пробуждении в нем желания деурбанизации и, в идеале, в возведении ее в ранг государственной политики. Но и без последнего у каждого из нас есть выбор: страдать от бесперспективности жизни в городе или переехать, или вернуться в деревню и там что-нибудь создавать.

На мой взгляд, выбор прост, ясен и очевиден, и чем раньше мы его сделаем, тем лучше будет для каждого из нас. Таким образом, читая это письмо, человек, разделяющий мое мнение, но не делающий действенный шаг в этом направлении в своей повседневной жизни, не борется на этом пути и, следовательно, может считать, что совершенно напрасно соглашается со мной и зря тратит свое время на чтение данной главы.

На этом пути интересны оба семейных начала: и мужское и женское. Мужское по своей сути, если оно правильно осознает свою сущность, более склонно к сельской жизни, а женское, часто, наоборот. В случае с семьей такие решения невозможны без единогласия. В идеале женщина должна здесь подчиняться мужчине, но, в нашем урбанистическом матриархате, это зачастую довольно сложно. Что же касается молодежи, то нет сомнения, что город для каждого из них, пребывающего в возрасте блудного сына, является гораздо более увлекательной приманкой, чем родной дом в деревне, и почти каждый проходит через эту извилистую стезю, но, если у блудного сына нет отчизны, куда он может вернуться, чтобы спастись от своих грехов, где его ждут, у притчи о блудном сыне, которую Спаситель рассказывает своим апостолам, не может быть счастливого конца.

Таким образом, действия по восстановлению вечной и счастливой Грузии – вместо современной и несчастной Грузии, в которой мы сейчас живем, – зависят от решения каждого из нас: возьмем

ли мы на себя бремя выбора, которое из бремени в случае осуществления обратиться в счастье для каждого из нас, вернем ли мы себе наше бытие, которое характерно для народа – земледельца, Георгианского народа и сможем ли мы соответственно упорядочить свою жизнь.

На этом пути еще с советских времен нас преследует один очень большой миф и мираж: в процессе обсуждения этого вопроса всегда слышится оправдательная сентенция, что государство посредством проведения соответствующей политики должно способствовать этому, т.е. возвращению населения в деревню.

Что может быть лучше, если мы когда-нибудь доживем до этого: это будет бесспорным признаком, того, что мы убили либеральную республику в Грузии и создали национальное государство, но это не главное. И подтверждением этому является то, как в советские времена, когда сельские условия были идеальными (в каждом регионе действовали различные предприятия по приему и переработке всевозможной продукции), грузины, заработавшие деньги именно на этом, стремглав бежали в город и при этом, чем больше денег было заработано человеком тем более «стремглав» он бежал в город. Подтверждает это и то, что и сегодня в нашей стране, несмотря на совершенно антисельскохозяйственную политику, люди других национальностей не покладая рук трудятся в регионах нашей страны, размножаются и занимают все новые и новые грузинские земли. Дай Бог всем блага и достатка.

Таким образом, можно безошибочно сказать, что урбанизация грузинского народа есть результат хищения его смысла, его Логоса, о чем я неоднократно писал и публично говорил.

На мой взгляд, в хищении этого Логоса, в превращении его из земельно-сказочного в урбанистско-адский большую лепту внесла наша женщина. Ее заслуга состоит и в том, что в этом извращенном городском быту, в условиях утраты мужчиной своей функции, ей приходится на себе нести бремя обеспечения семьи. Таким образом, вполне возможно, что в этой тупиковой идеологии у грузинской женщины уже накопилась усталость и понимание того, что, может быть, жить в деревне лучше, чем мучиться в городе.

Наконец, о той свободе, которой, как флагом, размахивает либерально-урбанистская идеология, о свободе, которой, на самом деле, гораздо больше в деревне.

В городе человек рождается в матричной тюрьме и становится управляемой ею частичкой. То, что он считает собственными желаниями и вкусами, на самом деле не что иное, как запрограммированные коды, заложенные в его сознании с детства. Его привязанность к работе, к банкомату, к телефону и прикованность постмодерного человека свободной воли к другим ритуально-сакральным местам, по сути, гораздо сильнее, чем оковы любого вида рабства в истории человечества.

Даже свобода передвижения человека все больше ограничивается городской, антигуманной культурой: будь то пробки, пандемии, маски или что угодно еще. Это еще цветочки.

И запрограммированный *homo urbanicus hedonicus*, заключенный в эти оковы, своей зомбированной «волей» борется с остатками собственной свободы, с семьей, с традицией, с

церковью, когда бьется в истерике и кричит: «Больше НАТО, больше ЕС, больше евроинтеграции в Грузии!»

И даже если бы эти лозунги не являлись пустыми, лишеными смысла и реальной перспективы, в действительности эти лозунги означают большее стремление к отрыву от деурбанизации, от земли, от человечности, большую прикованность и меньшую свободу.

Наш путь, наше будущее в деревне с переносом туда любых современных средств и видов деятельности. Грузия будущего должна быть страной множества уютных, живописных деревень, объединенных в одну ткань, которую украшают и люди разных национальностей и вероисповеданий тоже, ткань, узлом которой является семья, или «комли» (примечание переводчика: „კომლი“ [комли] – община, которая занимается общим домашним хозяйством), или «куамли» (примечание переводчика: „კუამლი“ [квамли] – дым) как сказал бы наш предок.

Дым, который в сумерках струится из очага такой семьи, где родители и дети собираются вокруг семейного очага и, если повезет, чествуют любимых гостей, где вместе с беззаботным смехом детей слышится многоголосное пение утомленных дневным трудом и преданных другу другу супругов, вместе переносающих невзгоды и готовящихся к переходу в вечность, в глубочайшей культуре, которую мы унаследовали от Бога.

Леван Васадзе

26.01.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немоощного”. XLV Глава. Неавторский перевод

В предыдущей главе мы снова беседовали о важности деурбанизации, то есть о возвращении на село.

Мы сказали и обосновали мысль, какой большой ложью является суждение, что самое главное, чтобы экономика и государство способствовали этому процессу, мы привели пример из прошлого столетия, когда все зажиточные жители деревень, заработавшие деньги в деревне, бежали в город. В предыдущей главе мы беседовали о будущей Грузии как о подобной раю, деурбанизированной стране.

Читая такое, человеку, который поработен так называемой «реальностью» и который не обладает действенным идеализмом, то есть способностью действовать в единстве с мечтой о невидимом и божественном, безусловно покажется, что это несбыточная утопия. Но вот, человек, который готов к действиям, соответствующим его мечтаниям, непременно последует за нами в этом видении, ибо это именно видение, а не мечта.

Видение само по себе этимологически означает идею, по-гречески (ιδέα) или Эйдос (εἶδος). То есть человек сначала что-то видит, а потом воплощает в реальность. Таким образом, начиная с платонизма, около двух с половиной тысячелетий назад, и до наших дней, вместив весь космос

философии в один невозможный абзац, мы можем сказать так: человечество разделено на две части – идеалистов и материалистов.

Идеалисты сначала представляют себе идею, а затем стремятся сделать ее своей реальностью, а материалисты, наоборот, видят видимое, существующее и воспринимают его как безальтернативную действительность, реальность, неизбежный удел, и таким образом, совершают не материализацию идеального, как это делают идеалисты, а, наоборот идеализируют материальное.

По этому признаку на две категории возможно разделить не только все человечество, но и отдельные народы. А раз это так, то мы должны сказать, что наш народ несомненно принадлежит к числу идеалистических.

Также может существовать и противоположное мнение, что ни один народ не может быть создан без идеи и что, таким образом, все народы идеалистичны.

Может быть, где-то в начале сотворения народов, то есть у истоков генезиса, так и было.

Но в настоящее время эта искра идеализма настолько утеряна у большинства народов (я не буду называть их, чтобы никого не обидеть), что во многих из них даже стало невозможным распознать эту уникальную идею или логос.

Слава Богу, в нашем случае этого пока не произошло. Конечно, глядя на нашу «реалистическую» элиту, впадаешь в уныние, как и при виде многих других представителей наций с уничтоженной идеей.

Но, достаточно соприкоснуться с сущностью нашего народа, раскрывающейся во время простой супры (1), в приветствии, в песнях и танцах, как сразу же понимаешь, что наш народ еще не утратил своего идеализма.

Что такое Логос и в чем смысл жизни нашего народа, об этом мы не раз говорили и писали и не будем здесь повторяться.

Остановлюсь лишь на этом, упомянутом мной положении пока еще живого идеализма нашего Эри и скажу: раз это так, и картвелы и картвельская цивилизация еще не утратили способности к идеализму, то есть способности видеть невидимое и стремиться к нему, значит, то, о чем мы беседовали в предыдущей главе не должно быть безнадежно несбыточной мечтой.

Быть может, именно поэтому нам так плохо, именно поэтому мы так образцово выпадаем из общего круговорота модерна и постмодерна, что это не наше.

Да, все мы пользуемся и телефоном, и интернетом, но мы не являемся их частичками, их атомами. Мы — часть чего-то иного, и это иное — альтернативная, противоположная модерну и постмодерну реальность, пока невидимая, но более реальная, чем все, что мы видим вокруг себя.

Это потому, что все, что мы видим вокруг себя, скоро исчезнет, а то невидимое, частью которого мы являемся и которое невозможно увидеть, останется навечно.

В стремлении к нему заключается смысл жизни нашего Эри, и самым явным выражением этого стремления является расселение нашего народа в непосредственной близости к земле.

Здесь надо непременно добавить, что подразумевается под словом деревня. Она ни в коем случае не является обособленной от современности ни в техническом, ни в технологическом смысле.

Наоборот, она сочетает в себе, внедряет и использует все современное. Но, в отличие от города, она не меняет и не оскверняет своей сути: деревня предлагает живущим в ней людям больше свободы передвижения, больше пространства, мышления и выбора. В предыдущей главе мы говорили о городе как о растущем антиподе этой свободы.

Но здесь же следует чуть больше сказать о пользе деревни как обители добра для Блага человека: если главная человеческая деятельность в городе — обслуживание и политиканство, и если на самом краю спектра городской деятельности остается только ремесленничество, как рудимент квазипатриархального строя, то в деревне именно ремесленничество является самой «недеревенской» деятельностью, при желании деревня предлагает людям гораздо более благородное занятие – будь то растениеводство, животноводство или рыболовство, с тысячами их разновидностей и вариаций.

При описании цели нашего народа, в одной из публичных бесед с друзьями, после апофатических и катафатических попыток описать эту цель, мы пришли к следующей формулировке: «Цель нашего Эри – вновь заселить Богом данную Грузию верными ей семьями, которые в непосредственной связи с грузинской сказкой полным трудом будут иметь возможность содержать себя, жертвовать на Благо Родины и таким образом готовиться к достойной встрече с Вечностью».

Тем, кто разделяет столь яркую и блистательную цель, с самого начала ясно, что никакая «поддержка государства» или «создание им экономических условий» не имеют значения: конечно, если все это вовремя придет на подмогу будет прекрасно, но и эту подмогу идеалистичный человек и семья примут с осторожностью, опасаясь, чтобы это не превратило его в праздного лодыря и ленивца. И его надежда будет основываться только на том, что говорили о грузинах «золотого века»: это народ, уповающий на Господа и на собственную десницу.

Вхождение в это духовно – мыслительное состояние, наряду с признанием собственной немощности, требует от каждого из нас неустанной борьбы с собственными пороками: через непрерывный труд и молитву, в которой расцветает истинная семейная культура, где мужчина подобен мужчине, женщина – женщине, жена – жене, ребенок – ребенку, где преданность, взаимная поддержка, терпимость к невзгодам и бодрость духа являются такими же естественными человеческими качествами, какими являются для горожан замкнутость, развратность, бессемейственность, тщетный и нескончаемый поиск наслаждения.

Если мы вернемся в унылый мир людей- «реалистов», то сразу же зададимся вопросом, многие ли из нас способны на такой катарсис в мыслях и поступках, какой это процент от всего населения, сможем ли мы изменить мир?!

В этой системе координат человека могут ожидать только уныние, беспомощность и ощущение неизбежности неудачи.

В нашем, идеалистическом или грузинском мире такому мышлению нет места: для любого из нас, кто разделяет это мнение, не важен этот бесов расчет, а важно, чтобы он и его семья лично разделяли это мнение и неустанно стремились к его осуществлению, который, как пример, может воодушевить многих, ибо, как говорил великий святой православия Серафим Саровский: «Спасайся сам и вокруг тебя спасутся тысячи».

(1). Супра – традиционное грузинское застолье с его правилами поведения и тостов.

Леван Васадзе

10.02.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XLVI Глава. Неавторский перевод

На протяжении моей болезни ко мне обратилось множество людей с различными советами. Кроме незаслуженных мною молитв, за которые я глубоко благодарен и остаюсь в вечном долгу перед каждым человеком, я стал адресатом огромного количества советов и наставлений.

Мне высылают неимоверно много рецептов народных мазей и лекарств, иконы и молитвенные тексты на оберег. Я глубоко благодарен всем и стараюсь не оставить без внимания, насколько это возможно, посыл каждого. Ввиду того, что нахожусь под наблюдением научного консилиума и соблюдаю международно признанный протокол этой моей редчайшей и тяжелейшей болезни, то или иное медикаментозное лечение, которое, по моему мнению, достойно внимания, я согласовываю с ними.

Похожий случай повторился некоторое время назад, когда ко мне с очередным предложением и советом обратился опытный грузинский врач, который в настоящее время работает в России и последние несколько лет изучает и использует китайскую традиционную медицину.

Рассуждая о предложенных им лечебных препаратах, я вдруг вспомнил, что самое целебное средство как для души, так и для плоти, милостью Божией, каждое воскресенье я принимаю в виде причастия и не задумываюсь о его значении и целительных свойствах.

Хорошо известно, с каким уважением наш Святейший и Блаженнейший Патриарх относится к врачам и психологам и в целом к ученым и насколько значимой считает их деятельность.

Нашему примитивному разуму это иногда непостижимо: если для души нет большего облегчения, чем исповедь, и если не может быть ничего более целительного, чем причастие, то для чего же нужны человеку, живущему христианской жизнью, психологи и врачи?

Следует также отметить, что со взглядом Святейшего перекликается и опыт святых отцов. Еще со времен Василия Великого и Иоанна Златоуста и до времен Иоанна Кронштадтского, Паисия Святогорца, Иосифа Исихаста и Игнатия Брянчанинова Мать-Церковь не только не отрицает, но и всецело поддерживает врачей и медицину, и зелоты те, кто думают по-другому.

Существует неисчислимое количество писем Святых Отцов к своим прихожанам, в которых они дают духовные наставления и советуют верить врачам.

Что же означает сочетание этих двух? Мать-Церковь очень хорошо осознает наше маловерие и немощность, потому что, объединенная в теле Христовом, под Его предводительством, она состоит из людей, прошедших мирской путь и только потом ставших священнослужителями, которыми, как известно, не рождаются. Какой бы катарсис ни прошел человек на бесконечном пути к Господу, он очень хорошо знает человеческие слабости.

Вот почему, незаслуженно принимая всецелительное и благотворнейшее лекарство – причастие, я должен помнить, что я не достоин его и что мой разум никогда не сможет постичь таинство причащения.

Лечение, назначенное мне врачами, так легко объяснимое и понятное на моем языке, и есть восполнение этого недостатка, а его отрицание – лишь пустая гордыня и душевная слабость.

Другой вопрос, почему святые отцы в некоторых случаях сознательно отказываются обращаться к медицинской помощи.

Почему же Преподобный Гавриил так страдал в последние дни своей жизни от скопления жидкости в брюшной полости? Или почему Его Святейшество годами отказывался лечиться за границей (чему я сам был свидетелем), несмотря на наши многочисленные просьбы?

Такое поведение отцов — тайна, отражение глубочайших отношений каждой из этих великих личностей с Господом, и я не думаю, что это моего ума дело.

Еще один вопрос, который родился у меня в эти месяцы испытаний: почему мы молим Господа исцелить нас или наших близких, оберечь нас от смерти, сохранить нам жизнь и оставить в этом бренном мире?

Ведь, чем больше боли и суетности испытает человек, тем лучше он должен понимать, что, уход из этого мира, полного тягот, поможет ему обрести покой?! Но, нет, мы искренне молим Господа о здравии и долголетию старших в этом земном измерении.

Лучше всего в последние годы это прослеживается на примере нашего Святейшего и Блаженнейшего Патриарха.

Совершенно обессиленный, изможденный различными болезнями, сторбленный и дрожащий, этот великий человек не образно, а в полном смысле слова на своей спине тащит наш непокорный и невнемлющий народ к Господу.

И тем не менее совершенно бесспорно, что лично его ждет гораздо лучшее царствие покоя, мы же не отпускаем его нашими мольбами о его здравии и долголетьи, и он десятилетиями добровольно несет на себе это непосильное бремя.

Так что же здесь происходит? Здесь происходит любовь. Святейшая и блаженнейшая любовь. Чуждая всему порочному. Совешенное самопожертвование человека, для которого лекарство каждого врача, каждый новый день – это, в конечном счете, лишь продление мучений.

Конечно, в Его бытии есть и радость, и человеческая любовь, и красота, и утешение, но то, что в целом жизнь Святейшего полна больших тягот и бесчисленных скорбей, только слепой способен не увидеть. Как же поступить нам, Его детям, честью, достоинством и образом жизни бесконечно отдаленным от Него на этом пути?

По возможности мы должны подражать Ему, также, как Он подражает своим великим предкам и Господу. Нам самим, пожалуй, ничего не остается, как упокоиться в надежде на Господа и под покровительством Святой Богородицы пройти миллионную часть того пути, который уже прошел наш Патриарх.

Многая лета, Ваше Святейшество, простите нас за это и за все, чем мы отягощаем Ваш святой крест.

Леван Васадзе

23.02.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XLVII Глава. Неавторский перевод

После того, как я, по возможности, вернулся к написанию «Дневника Немощного», я несколько раз пытался написать о российско-украинском противостоянии и всякий раз безрезультатно, так как не хочу обидеть ни один из этих народов, которые, по моему убеждению, являются частью одной нации и одной цивилизации, называемой восточными славянами.

То, что там происходит, это трагедия, и я, как патриот своей страны и православный христианин, не хотел писать об этом по упомянутой причине, но горячая фаза этого конфликта сделала невозможным мое молчание.

Итак, я напишу то, что думаю с максимальной осторожностью и заранее прошу прощения у всех, кого обижу.

Скажу сразу, что я не собираюсь принимать ничью сторону и искренне молю Господа, чтобы начавшаяся война закончилась как можно скорее и чтобы как можно меньше русских и украинцев (военных и гражданских лиц) погибло в ней.

В то же время, я хочу пояснить, как я понимаю каждую из сторон.

Двух мнений быть не может, что, если смотреть на вопрос поверхностно, исходя из концепции национальных государств времен Вестфальского мира и международно признанных границ бывших советских республик после распада Советского Союза, Россия сейчас совершает посягательство на суверенитет Украины и как интервент вторгается на ее территорию.

Признанием независимыми государствами Донецкой и Луганской областей суверенной Украины, без согласия на то Киева, Россия грубо нарушает суверенитет и территориальную целостность Украины, также, как это было в 2008 году с Грузией, когда Россия признала Абхазию и т. н. Южную Осетию.

И это одна сторона вопроса.

Другая сторона заключается в том, что до того, как это сделала Россия, американцы впервые в послевоенной Европе, сделали то же самое, когда без согласия Белграда поддержали албанских сепаратистов на древней сербской земле в Косово и признали независимым государством Косово.

Точно так же США и Европа открыто поддержали военный переворот и насильственное свержение легитимной украинской власти в Киеве в 2014 году, за которым последовала гражданская война в стране и разрушение единой Украины.

Причинно-следственные связи здесь совершенно очевидны: если бы не было признания Западом т.н. Косово, не было бы и признания Россией грузинских и украинских сепаратистских областей.

Таким образом, в де-юре нарушении территориальной целостности Грузии и Украины виноват Запад, на действия которого и реагирует Россия.

Что касается недопустимости вторжения одной страны в другую, о чем с такой яростью пишут наши либералы в эти дни, то я не припоминаю, чтобы они подавали голос, когда США и их союзники вторгались, разрушали и сеяли хаос в Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане...

Никакая система международного права не действует, войны идут постоянно, кто как может защищает интересы своей страны и не видеть все это или видеть только один случай из этого калейдоскопа, а на все остальное закрывать глаза и молчать – это проявление кретинизма или подтверждение полной бессовестности.

Теперь что касается пресловутой сентенции о том, что любая суверенная страна должна иметь полную свободу выбора союзников и объединения в разных блоках. Она опирается на вполне конкретный набор международных соглашений и договоров, будь то «Хартия европейской безопасности» (принятая на саммите ОБСЕ в Стамбуле) или другие, в которых также говорится,

что укрепление безопасности одной страны не должно осуществляться за счет ослабления безопасности другой.

Так и здесь можно сказать то же самое: использование вырванных из контекста отдельных фраз и проявление глуховатости к другим фразам из документов, которые, впрочем, мало кто читал, – есть признак того же кретинизма или бессовестности.

В случае российско-украинского конфликта вопрос основополагающий: вступление Украины в НАТО и размещение там натовских ракет сокращает подлетное время до Москвы с 15-20 минут до 4-7 минут и делает бесполезной всю российскую систему противовоздушной обороны, чего Россия, естественно, не допустит не по каким-либо идеологическим, а просто по техническим причинам.

Следовательно, в этом случае происходит «укрепление» безопасности одной страны за счет снижения безопасности другой, то есть нарушаются условия того же пакета документов, о недопустимости нарушения которых голосят наши либералы.

И почему президент Зеленский сегодня, когда Российская армия находится на подступах к Киеву, заговорил о нейтральном статусе Украины? Где он был до сих пор? Неужели он не знал, что для России членство Украины в НАТО – это вопрос даже не идеологический, а просто технический вопрос обеспечения безопасности своей страны?

Когда распадался Советский Союз, НАТО обещала русским, что «ни на дюйм» не будет расширяться на восток, а после этого было осуществлено целых пять волн этого расширения.

Более того, когда Россия была на пике своей слабости, даже саму Россию пытались развалить, в начале 1990-х, когда американские инструкторы заполонили все государственные органы РФ, включая силовые.

Именно в период деятельности этих советников вспыхнули все сепаратистские конфликты на постсоветском пространстве, причем не только в бывших союзных республиках, но и в самой России.

А тот, кто не понимает, что в случае распада России и Грузии, и Украина были бы еще больше раздроблены, не понимает вообще ничего. Понятно, что зомбированному, одурманенному либеральной медиа пропагандой, невежественному человеку трудно осознать все это, но это не значит, что это его неспособность к осознанию что-нибудь меняет в действительности.

По сути, это невежество приводит управляемые государства, такие как наше или Украина, к поеданию псов волками, по поводу которого высказывают «возмущение» глобалисты-либералы, по сути совершенно равнодушно относящиеся к страданиям и нищете украинского и грузинского народа.

Например, офицер американских спецслужб Люк Коффи (Luke Coffey) заявил, что «пора вооружать грузин до зубов», то есть этому деятелю не хватает бойни украинцев с Россией, и

теперь ему нужно перенести огонь на нашу сторону. Это тот самый Люк Коффи, который осмелился в 2018 году в гостинице «Румс» в Тбилиси провести оскорбительную для всех грузин конференцию на тему «Грузия в НАТО без Абхазии и Цхинвали».

На мой взгляд, такие провокаторы не только не должны проводить конференции в Грузии, но и должны быть объявлены нашим государством персонами нон грата.

Теперь, что касается информированности. Любая война ужасна, особенно из-за неизбежных жертв среди гражданского населения. И теперь, телевизионное пространство потихоньку заполнится этими жуткими картинками. Но здесь же следует сказать, что за эти годы никто не показывал нам подобных картин, изображающих жертвы мирного населения Донбасса.

В Москве я хожу в два храма: в грузинский храм Святого Георгия на Большой Грузинской и храм Иверской Божией Матери на Большой Полянке. Последний расположен во дворе детского ожогово-травматологического центра.

Отцы храма ходят в эту больницу после каждой службы и ухаживают за изувеченными детьми.

Все эти годы большую часть палат госпиталя занимают дети, привезенные с Донбасса, которые получили увечья в результате непрерывных обстрелов школ и детских садов городов Донбасса со стороны вооруженных сил Украины.

Я не буду рассказывать о том неопишемом кошмаре и боли, которые годами испытывали эти дети, их родители и отцы этого храма.

Или другой пример: одесская трагедия, когда в 2014 году мирных российских демонстрантов заживо сожгли в здании.

Я видел экспертизу после пожара, подтверждающую, что убийцы поджидали демонстрантов внутри здания, прежде чем поджечь протестующих вместе с зданием.

Например, детальная экспертиза тела беременной уборщицы, которую сначала изнасиловали, затем задушили, а затем, в целях имитации ее гибели от огня облили ее голову керосином и сожгли, в результате чего сгорела только верхняя часть ее тела, а нижняя часть сохранилась и оказалась пригодной для экспертизы. И много других подобных ужасающих фактов только в этом одном здании.

Поэтому, если мы хотим быть объективными, мы должны выслушать обе стороны, понять их позиции и только потом судить.

Наконец, какую позицию, на мой взгляд, должен занять в этом конфликте грузин-патриот. Только миролюбивую и примирительную.

Мы должны понимать, что это по сути одна нация, одна цивилизация, по телу которой проходит глубочайшая рана противостояния западного и восточного христианства.

Она насчитывает века и является величайшей трагедией этой цивилизации. К сожалению, это не первая и, вероятно, не последняя война между русскими и украинцами, хотя, дай бог, чтобы она стала последней.

Встать на одну сторону в этой братоубийственной войне и вступить в войну с другой, на мой взгляд, значит принять участие в этом ужасном подстрекательстве, и ничего хорошего Грузии это не принесет.

Всем тем, кто горланит, о том что нынешний украинский режим является другом Грузии, стоит вспомнить, сколько лет этот режим укрывал кровожадных грузин насильственного режима Саакашвили, которые опередили Украину и подвергли расправе Грузию со стороны России для того, чтобы нажиться на войне и пролить кровь наших героев.

Нравится нам это или не нравится, мы должны хорошо понять, что мы, как и Украина, находимся в зоне столкновения больших силовых полюсов, и, как минимум, нам должно хватить разума на то, чтобы не потерять наши государства и не поставить наши народы на грань уничтожения рукой тех кукольников, которые, находясь за океаном, делают какие-то циничные, воодушевляющие заявления а, по сути, не помогают нам ничем, кроме дорогих кредитов и навязывания чуждых нам псевдоценностей, губящих наше будущее поколение азартными играми, наркотиками и развратом.

Да поможет Бог Украине и установит мир между ней и Россией как можно скорее и ценой как можно меньшего количества жертв.

Леван Васадзе

25.02.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XLVIII Глава. Неавторский перевод

Судя по всему, нам не исчерпать тему текущей российско-украинской трагедии одной главой «Дневника», и поэтому позвольте мне вернуться к ней вновь.

В этот Великий пост очень трудно без переживаний и чувств рассуждать об этой братоубийственной войне. Война – величайшая трагедия, всеобъемлющий ужас, она не щадит ни стариков, ни женщин, ни детей.

Поэтому, в эти дни Великого поста молитвы и мольбы всех христиан должны быть направлены на скорейшее прекращение этой войны, а любая иная позиция является антихристианской и антигуманной.

В то же время эта братоубийственная война происходит в непосредственной близости от нас и оказывает огромное влияние, в том числе на будущее нашего государства и нашего народа,

следовательно, мы обязаны, помимо упомянутой искренней молитвы, внести свою посильную лепту в здравый анализ этого ужасного явления без каких-либо эмоций и истерик.

От того, к каким выводам придет наше общество в процессе этого обсуждения, частично будет зависеть и политика нашего государства, поэтому в эти тяжелые дни рассуждения такого рода – дело необходимое для мыслящей части ЭРИ.

В отличие от предыдущей главы, в которой мы говорили о геополитических измерениях нынешней войны, сегодня коснемся ее возможных идеологических и демографических последствий

До сих пор никто толком не знает, чем закончится эта война, и, если из множества вариантов этого конца взять две крайности, то, наверное, можно сказать просто, что она закончится либо победой России, либо победой Украины.

Вероятно, ни в одной войне, тем более в такой братоубийственной, не существует однозначных победителей, и поэтому, прежде чем продолжить обсуждение, необходимо пояснить, что мы подразумеваем под победой той или иной стороны.

Коротким, лаконичным языком, необходимым для дневника, очень сложно охватить все, и мы хорошо понимаем, что в любом случае часть смыслов все равно останется вне разъяснений .

Но давайте все-таки попробуем:

Победа Украины, вероятно, означает сохранение власти президента Зеленского в Киеве, локализация российской военной машины хотя бы в пределах границ Донбасса и переход конфликта при поддержке Запада в долгосрочный и менее интенсивный режим.

Конечно, можно сказать, что с точки зрения Украины полной победой был бы вывод российских войск из Донбасса и возвращение Крыма в состав Украины военным путем, но это кажется настолько нереальной целью, что обсуждать ее, пожалуй, и не стоит.

А победа России, вероятно, означает реализацию целей, декларированных Россией перед началом войны: то есть, как было сказано, «демилитаризацию и денацификацию» Украины.

На нашем языке это, видимо, должно означать смену нынешнего политического режима Украины в Киеве, и изъятие у ВСУ всего тяжелого, наступательного вооружения: будь то воздушные, подводные, морские или ракетно-артиллерийские виды военной техники.

В предыдущей главе мы говорили о неуместности пустых попыток морального измерения реалий геополитики и войны.

Иными словами, давайте хотя бы в этом “Дневнике” не будем вести бесконечный спор о том, какая империя для нас морально приемлема: западная, которая на стороне Украины, или

евразийская, которая на стороне Донбасса, и попытаемся смоделировать, то есть заранее описать, явления, которые могут развиваться в случае обоих исходов событий.

В случае победы Украины следует ожидать следующих событий:

- усиления поддержки Украины со стороны Запада;
- ослабления власти Владимира Путина в России;
- дестабилизации России, с возможностью дальнейшего распада Федерации и возрождения в ней сепаратистских тенденций при поддержке Запада, подобных тем, что мы уже видели в 90-х годах;
- в этом смысле прежде всего взрыва и хаотизации Кавказа.

В случае победы России, в соответствии с вышеуказанной дефиницией, следует ожидать следующих событий:

- перехода части Украины под контроль России, включая, скорее всего, Донбасс и центральную Украину со столицей в Киеве;
- концентрации поддерживаемой Западом части Украины включая Ивано-Франковск, Галицию и ряда других областей, с центром во Львове;
- перехода российско-западного противостояния в перманентное состояние;
- объединения по инициативе России в той или иной форме остатков трех восточнославянских государств (России, Белоруссии и части Украины) и создания нового единого государства с населением около 180 миллионов человек;
- нанесения предельного ущерба имиджу коллективного Запада (во главе с США) как надежного партнера на примере арабских стран, Афганистана и Украины;
- в результате всего этого, т.н. ускорения формирования многополюсного мира с высокой вероятностью эскалации межполюсных конфликтов и войн за счет нагнетания и обострения ситуации с разной скоростью в индо-пакистанской, китайско-тайваньской, арабо-израильской, курдско-турецкой, армяно-азербайджанской и других традиционных горячих точках.

Как мы видим, к сожалению, ни один из этих двух сценариев не предполагает большей стабильности и безопасности.

В случае развития обоих сценариев наш суверенитет сталкивается со многими дополнительными угрозами, что требует с нашей стороны основательного пересмотра ключевых векторов как внешней, так и внутренней политики (на чем мы не будем здесь останавливаться).

Возвращаясь к двум возможным вариантам последствий упомянутой войны, остановимся в нескольких словах на долгосрочных идеологических и демографических последствиях этих двух сценариев.

Мы рассматриваем здесь демографические последствия одновременно с геополитическими, потому что они находятся в непосредственной связи друг с другом, что мы и попытаемся показать ниже.

В случае победы Украины и как следствие последующей дестабилизации и возможной дезинтеграции Российской Федерации, в соответствующей части региона будет преобладать либеральная идеология, так как именно из ее центров поддерживается Украина.

Усиление этой идеологии, в свою очередь, означает большую урбанизацию частей региона, оказавшихся под ними, большее погружение в потребительскую культуру, и там, где этому не помешают текущие конфликты, возникшие в результате упомянутой ранее дезинтеграции России, дальнейшее ухудшение демографических показателей.

Как показали последние тридцать лет, это связано с тем, что в условиях доминирования либеральной идеологии часть населения активного репродуктивного возраста стремится к эмиграции в поисках лучших доходов и условий быта, а провинции периферии либеральной метрополии опустошаются и остается лишь пожилое, менее трудоспособное население.

Примеры Украины и Грузии свидетельствуют именно об этом: население этих двух стран, которое в случае Украины составляло 50 млн, а в случае Грузии – более 5 млн, сейчас сократилось примерно до 35 млн и 3,7 млн соответственно, а показатели среднего возраста характеризуются признаками значительного «старения».

Основными причинами этого упадка и «старения» являются либеральная идеология и политика, включающие в себя непривязанность человека к традициям и семье и, помимо массовой эмиграции, демографический удар, нанесенный по телу нации посредством трех средств, которые на встречах и презентациях нашего общественного движения Э.Р.И. мы называем «трезубцем (триадой) социального мазохизма» в либеральной идеологии. Это: либерализация наркотиков, азартные игры и пропаганда сексуального разврата.

Примеров обратного не существует. То есть, случая, когда 31 год назад, после краха марксистского полюса, проникшая куда-либо либеральная идеология умножила, омоложила или даже в среднем обогатила какую-нибудь страну, не найти.

Соревнуясь с марксизмом с 1945 по 1991 год, либеральная идеология хоть и не смогла дать примеры умножения и омоложения наций, но, по крайней мере, дала несколько примеров их обогащения: будь то Южная Корея, Западная Германия, Сингапур, Гонконг или другие страны.

Став же монополистом, она и на это «махнула рукой», и ни одно государство, с 1991 года находящееся под ее управлением, не может похвастаться ни обогащением, ни тем более ростом населения и его омоложением, ни страны Прибалтики, ни страны Центральной и Восточной

Европы, Аравийского полуострова и Латинской Америки и ни страны Африканского континента.

Конечно, есть индивидуальные и номинальные исключения, такие как, например, ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения, рост показателей которого наблюдается в ряде стран Центральной и Восточной Европы. Но если мы углубимся в причины этого роста, то очень скоро обнаружим, что на рост этих показателей почти всегда оказывали влияние губительные для народа тенденции, такие, как сокращение численности населения (депопуляция), катастрофический рост личного долга на душу населения, не говоря уже о наркомании, алкоголизме, азартных играх и разврате среди молодежи в тех же странах.

Поощряя действие этого «трезубца» (триады), либеральная идеология завоевывает сердца молодых людей, обещает «освободить» их от семейных и религиозных корней, которые, дескать, мешают им. Именно поэтому молодому человеку, находящемуся на гормональном пике, очень сложно не поддаваться этой пропаганде и следовать советам старших, которые предупреждают его об опасности.

Ну а тот взрослый, который этого не делает и все равно занимается либеральной пропагандой, как мы не раз говорили, — бессовестный человек, который на собственном опыте знает, к чему может привести либеральный образ жизни и побуждаемый подсознательной мстостью, желает, чтобы как можно больше молодых людей совершили те же ошибки.

Этим поведением такой взрослый человек похож на сатану, который завидует людям, живущим надеждой приближения к свету, и этой своей завистью стремится погубить как можно больше людей.

Несомненно, там, где побеждает либерализм, снижаются показатели стабильности семьи, растет статистика разводов, а также количество самоубийств и случаев педофилии.

В результате всего этого, вне зависимости от экономических показателей, в такой стране снижается среди населения ощущение счастья и покоя, статистические показатели которых очень трудно измерить (хотя существуют соответствующие международные индексы, методика которых вызывает у нас большие сомнения).

Так, например, известно, что на душу населения в самых богатых странах мира, таких как Норвегия, Швеция, Япония, Финляндия, самые высокие показатели самоубийств и алкоголизма.

А в тех же США, в т. н. стране-лидере свободного мира, в действительности, в процентном отношении к общей численности населения, самое большое количество заключенных, самые высокие показатели грабежей и насилия в мире и самое большое количество бездомных и наркоманов, живьем гниющих на улицах.

Это потому, что городской, т.е. урбанизированный быт либеральной идеологии является предпосылкой всего этого.

Эта идеология поощряет в жизни человека, в основном, потребительские цели, а значит, сколько бы денег ни было у человека, бездна между его возможностями и желаниями неуклонно растет, и именно под этим материалистическим бременем дробится его психика и формируется депрессивное состояние.

В городской парадигме человек предпочитает свой эгоизм человеческим отношениям, семейному теплу, заботе о других, и в результате этого он остается один перед лицом собственных экзистенциальных страхов и независимо от того, какими сбережениями он владеет и какой сетью социальной защиты застрахован, он не может избежать этого одиночества и ему становится все хуже и хуже.

Таким образом, в случае победы Украины, т.е. Запада, в локальном русско- украинском конфликте следует ожидать усиления в нашем регионе либерально-глобалистской, урбанистической идеологии с описанными выше идеологическими и демографическими последствиями.

Что же ждет наш регион в идеологическом и демографическом плане в случае, если Россия победит в этом конфликте с описанными выше геополитическими последствиями?

Здесь есть два варианта:

1. Если Россия будет продолжать то, что она делала последние тридцать лет, то есть если она тоже просто будет пытаться построить либеральную республику, тогда никакой разницы ни в идеологическом, ни в демографическом плане для региона здесь нет.

Если в посланиях президента России и его окружения основными декларируемыми целями их деятельности остается «рост благосостояния граждан», если Россия пытается построить антизападную либеральную республику по той же идеологической модели, где главными являются придуманные французскими революционерами так называемые «права человека», а главными целями живущих в ней людей являются цели жителей платоновского «Свинополиса», упомянутые в предыдущих главах, тогда, даже если Россия чудесным образом и добьется этих целей в условиях противостояния с Западом, наш регион ничего иного не ждет ни в идеологическом, ни, следовательно, в демографическом плане.

Это означает, что большинство стран региона, попавших в «демографическую зиму», за исключением исламских стран, таких как Азербайджан и пяти «станов» Средней Азии, в численном отношении будут продолжать снижаться по спирали, независимо от экономических результатов. В таком случае большинство из них уже в 21 веке перешагнет необратимую грань демографической гибели нации, к которой они уже очень близки.

2. Во втором случае, если Россия по тем или иным причинам выберет альтернативную либеральной республике государственно-идеологическую модель, нашему региону может быть предоставлена перспектива противоположного развития и в демографическом плане. Пока мы не видим никаких признаков или предпосылок для этого.

Необходимость разработки и восстановления этой альтернативной идеологии очень трудно объяснить человеку, живущему в либеральном постмодернизме (где бы он ни жил), человеку, который считает, что все его проблемы проистекают из экономической несостоятельности и что единственный путь решения каждой из этих проблем – это большая «свобода и экономическая перспектива».

Прежде чем мы перейдем к описанию грубых очертаний этой альтернативной идеологии, скажем в нескольких словах, почему у России должно появиться желание разработки альтернативной либерально-республиканской государственной идеологии.

Здесь тоже есть два варианта: осознанный или вынужденный :

Осознанный – если российская власть узрит, что у нее нет перспективы построения либеральной альтернативы в процессе постоянной борьбы с либерально-идеологическим центром. И, несмотря на то, что вроде понять это проще простого, последние 30 лет в случае с Россией говорят об обратном.

И вынужденный – если либерально-глобалистская система сама выкинет Россию из собственного русла наложением так называемых запретных санкций, то у России не останется иного выбора, кроме как создать альтернативную систему.

Пока рано обсуждать эту вторую перспективу по той простой причине, что принятый пакет санкций наносит такой же ущерб западноевропейской экономике, как и России, и материалистическая Европа, наложившая на Россию эти санкции, сама сделает все возможное для их последующего упразднения, так как в противном случае попросту не сможет отопить зимой дома, а потеря гигантского российского рынка добавит несколько миллионов безработных ее же населению.

Но, если США смогут заставить Европу построить антироссийский железный занавес, который в данном случае, как это ни парадоксально, строится по инициативе противоположной стороны, тогда можно говорить о варианте, когда Россия будет вынуждена создать постлиберальную государственную модель.

Естественно, что в таком случае в этой неоевразийской империи можно говорить только об империи традиционалистского типа, отличающейся от западно-либеральной империи. В случае такого развития идеологические основы этой империи будут базироваться не на индивидуализме или поощрении прав человека, а на обязательствах человека перед семьей и страной.

Парадоксально, но частичная изоляция от мировой потребительской, урбанистической системы, может дать воссоединившейся части России-Белоруссии-Малороссии толчок к развитию такой государственной идеологии, так как в ее основе должно быть создание «одноэтажной» сельской, то есть руральной страны, для которой у России есть все ресурсы.

И именно в случае приобретения и развития такого импульса (что вовсе не исключает развитие каких-либо современных технологий) может открыться новая демографическая перспектива и для населения современной Украины.

Это потому, что если «великоросы» уже давно обладают урбанистически-имперским логосом и предстают некими гоплитами империи, то т.н. «малоросы» или украинцы гораздо комфортнее и успешнее чувствуют себя в руральном пространстве, о чем свидетельствует и то, что очень важную часть сел современного юга России составляют, по сути, села этих «малоросов».

В какой-то степени то же самое можно сказать и о белорусах, которые также смогли сохранить более сильную и здоровую деревню, чем «великоросы», и с этой точки зрения, их население обладает более высоким потенциалом демографического реверса.

Таким образом, в случае развития событий по данному вектору, мы увидим объединение этих трех ветвей восточнославянской цивилизации в одно государство с последующим демографическим приростом, если, конечно, как мы уже говорили, эта неоимперия станет местом зарождения альтернативной идеологии, признаков чего пока не наблюдается. Понятно, что Россия – это антизапад, но «про-что» есть Россия последние 30 лет после конца марксизма, этот вопрос остается без ответа.

Сможет ли Россия пойти на такой гигантский идеологический шаг, даже в условиях принуждения, — это один вопрос, и другой, не менее важный, — сумеет ли Россия избежать угрозы тщетной попытки возродить марксизм.

На российском антилиберальном, или патриотическом крыле, кроме многих других трещин, главная трещина, конечно же, проходит по «красным» и «белым», но я не буду вас здесь утруждать описанием этого тектонического разлома.

Отметим лишь, что, по нашим наблюдениям, т.н. «белое» или теистско-традиционалистское крыло моложе и растет быстрее «красного», что дает ощутимую надежду на то, что они смогут избежать упомянутого марксистского реваншизма.

Однако, если верить мнению ведущего мыслителя современной России, который в личной беседе, обозначил современный русский логос, как некое «стремление к равноправию не смотря на справедливость», это должно означать, что этот же логос все же сохраняет опасность красного реванша в той или иной форме.

Время покажет, по какому пути пойдет Россия, если она сохранится и не распадется. Но, очевидно, и геополитически, и идеологически, что жизнь, которой мы жили последние тридцать лет, подошла к концу.

Таким образом, люди моего поколения и старше меня могут сказать, что мы уже прожили две жизни: первую – в биполярной системе, внутри советского полюса, вторую – в однополярной системе, на болотистой периферии либерального полюса, и вот сейчас начинается третья жизнь, полная опасностей и возможностей, в том числе и для нашего народа, и для нашего государства.

Как мы воспользуемся этими возможностями и как избежим опасностей, будет зависеть от нас. Да поможет нам Бог на этом пути, и не только нам, жителям Грузии, но и народам всего нашего региона.

Дай Бог мира между русскими и украинцами как можно скорее и с наименьшими жертвами. Да укрепит и защитит Господь всех пострадавших от этой войны!

Леван Васадзе

09.03.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. XLIX Глава. Неавторский перевод

Различное содержание и стиль глав этого «Дневника» не случайны. В борьбе с двумя тяжелейшими болезнями изменения, происходящие в моем разуме и ощущениях, выходили за все возможные рамки, особенно в первые месяцы этой битвы, когда искусственно введенные в организм яды боролись с ядами заболевания.

Приподнятые, иногда даже поэтические настроения сменялись самыми тяжелыми философскими наблюдениями за бытием, легкое — сменялось тяжким, внешнее — внутренним.

Я поставил себе цель постараться, чтобы эти записи были хоть чем-нибудь полезны другим и всегда стараюсь учитывать, насколько то или иное мое суждение хоть в чем-нибудь поможет читателю.

Но человек- существо неодинокое, он задуман как часть «чего-то». Так вот, иногда я стараюсь писать так, чтобы это было полезно не только для личности, но и для этого «чего-то», частью которого и является эта личность.

Это «что-то» — прежде всего семья и народ, ЭРИ и в этом смысле то, что «служит» человеку в его личных целях, может противоречить его семейным и общественным целям.

Если бы это было не так, не существовало бы ни семейной верности, ни самопожертвования Родине, против которых так бездарно борется либерализм и за которые он с криками и воплями хватается, когда ему прижмут хвост.

Так, например, он годами методично разрушает идентичность, государственные границы и интересы какой-либо страны и народа, но, стоит кому-то нарушить границы этой страны или народа, вопреки его замыслу, он тут же впадает в истерику по поводу неприкосновенности этих границ.

То есть по его санкции и разрешению нарушение границ и разрушение Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Туниса, Сирии и других стран не является фактом нарушения

неприкосновенности границ этих государств, будто там не были убиты миллионы мирных жителей включая женщин и детей.

По этому поводу ни один из наших соотечественников, одурманенный либеральной машиной, не станет «вывешивать» флаг этих стран на своем профиле в Facebook и не будет осуждать нарушение прав убитых там людей.

Но, достаточно, чтобы в Украине произошло что-то, вопреки его интересам и планам, и наши граждане, одержимые пропагандой той же машины, будут соревноваться друг с другом, кто больше жалеет несчастную Украину.

Также безжалостно и даже более жестоко, чем фашизм или марксизм, либерализм уничтожает и свободу личности.

Он проникает к детям в школы и детские сады и путем введения обязательных программ полностью поражает их сознание, учит различным крайним формам разврата как норме, тем самым прямо нарушает свободу человека, так как искусственно направляет его сознание на противоестественный и самоубийственный образ жизни, который с медицинской и психологической точки зрения сулит личности только разрушение.

Вызванная таким образом жизни крайняя депрессивность, наркомания, пьянство и суицид уже ни для кого не являются секретом. Человеку достаточно иметь чуточку мозгов, чтобы просмотреть статистику этих показателей в развитых странах и сравнить ее со статистикой т.н. развивающихся стран.

И здесь то же самое: оказывается, все это весьма гуманно.

Но достаточно кому-то высказаться против внедрения уродливых норм этой насильственной идеологии в свою страну, как его тут же уничтожают, обливают грязью, высмеивают, травят и убивают.

Любой грузинский бессовестный журналист прекрасно знает, что творится в среде его работодателей, где не существует свободы и где жестоко относятся к любому, кто придерживается мнения, отличного от либеральной доктрины.

Вот все это и меняется сейчас в российско-украинской войне. То, что либерально-глобалистская жандармерия больше не может препятствовать появлению альтернативных полюсов, мы увидели это еще в аэропорту Кабула, на примере брошенных американских сторонников, сорвавшихся с шасси самолета (об этом мы ранее уже упоминали в «Дневнике»).

Несчастливая Украина — это тоже тело, упавшее с того же шасси, сначала ложно подстреканное, а затем брошенное либералами-глобалистами. Свидетелями того же самого стали мы и в 2008 году на собственном примере.

Самая большая ошибка, которую наш народ и государство могут совершить в этой новой реальности, — это следовать пустому морализму и очередной волне либеральных призывов.

Пример попытки лавирования и балансирования, который правительство Грузии подает в дни нынешней страшной войны, хоть и прагматичный и правильный, но, к сожалению, не вполне достаточный для новой реальности.

В этой ситуации мы не сможем сохранить и защитить нашу государственность и жизненные интересы нашего народа, если не ускорим демонтаж либеральной республики в Грузии и не начнем строительства народного государства.

Первым шагом к этому должны стать совершенно бескомпромиссные, недвусмысленные и бесстрашные заявления об этих изменениях со стороны первых лиц страны.

Грузия должна стать первой страной, которая приравняет либерализм к фашизму и марксизму-коммунизму как неприемлемой, запрещенной, чуждой нам тоталитарной идеологии и все три объявит идеологиями-нон-грата.

В стеклянном нефункциональном здании бывшего парламента вблизи Кутаиси должен быть построен первый в мире музей тоталитаризма, где будет представлен документальный материал всех трех токсичных идеологий.

На верхних этажах и в залах здания должна быть открыта международная экспозиция, демонстрирующая сказочные обещания этих трех идеологий человечеству: это прославленная либерализмом свобода, прославленное марксизмом равенство и прославленные фашизмом чистота нации и супрематизм.

А в нижних, подвальных частях здания должно быть выставлено истинное лицо всех этих трех ужасных идеологий: начиная от жестокости французских революционеров и заканчивая разворачивающимися и сегодня парадными первертов и извращений, коммунистической тюремной системой и фашистскими концлагерями и изображениями и указанием количества людей, уничтоженных этими тремя идеологиями, в том числе невинных младенцев, погибших в результате абортов.

И идеологическая структура музея, и формат подачи материалов на разных языках должны позволить посетителю в течение 2-3 часового визита с небольшими перерывами увидеть задокументированное, реальное лицо этих трех страшных идеологий эпохи модерна и сделать собственные выводы о них.

Кроме этого, перед музеем должен быть восстановлен монумент памяти героям, погибшим в Великой Отечественной войне, взорванный режимом Саакашвили. В создании монумента должны принять участие как грузинские скульпторы, так и группа скульпторов, отобранная в результате международного конкурса.

Музей должен быть построен по самым высоким стандартам современных требований и в соответствии с традиционным мировоззрением нашего народа.

Он станет одним из мощных символов нового государства и привлечет множество посетителей со всего мира.

Его главной привлекательностью будет состоять в смелости представить либерализм в сочетании с марксизмом и фашизмом, на что до сих пор не решался никто.

Наше государство может реализовать такой проект быстро и недорого, потому что здание уже стоит. Это придаст совсем другую геополитическую и геокультурную особенность нашей стране.

Символы имеют огромное значение, и, создавая такую символику, Грузия первой выйдет из идеологического тупика, в который ее затащили как периферию умирающей западной цивилизации, и обретет беспрецедентную выгоду от этого идеологического обновления.

Конечно, против такого замысла восстанут обитающие в нашей стране бесы, в том числе и их зарубежные покровители, но на этом пути у нашей страны появится много союзников, которые осознают общечеловеческое значение проекта и его соответствие народным интересам всех тех стран, которые не желают покорно катиться по глобалистско- либеральным рельсам.

Более того, подобные страны с удовольствием примут участие в создании комплекса такого типа.

Кто-то может подумать, что помимо ряда западных стран против такого проекта выступит и коммунистический Китай, но на самом деле современный коммунистический Китай является коммунистическим лишь номинально, так как широко практикует частную собственность и все больше склоняется от марксизма к конфуцианству, и это не будет для него преградой.

Кто-то скажет, что сейчас война и не время заниматься всем этим. Но нет, именно сейчас самое время, именно сейчас в период напряженной ситуации декларирование четкой антилиберальной политики со стороны нашей страны и реализация крупного международного проекта в рамках этой декларации – необходимый шаг на пути строительства национального государства, который наша страна должна сделать для того, чтобы обрести мир и не быть втянутой в круговорот агонии регионального либерализма, перешедшего в стадию тления.

Леван Васадзе

15.03.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. I Глава. Неавторский перевод

Наша вера учит нас, что лучшее человеческое состояние — добровольное исполнение воли Господней. Эта величайшая добродетель может быть достигнута человеком при полном отрицании собственной воли и знания и исполнении воли Божьей. Для нас это недостижимая высота.

Одержимые своеволием, мы постоянно находимся в плену некоего «я хочу» и иногда, если это «я хочу» случайно совпадает с волей Господа, мы своим себялюбием и высокомерием все губим.

События последних нескольких месяцев, как будто обезволили меня, приковали к месту и ясно показали, насколько я беспомощен перед волей Всевышнего.

Даже если предположить, что эта болезнь поразила меня сама собой, то и в этом случае ясно видна полная неспособность человека изменить что-либо в доле, предопределенной ему Господом.

И та удивительная поддержка, и то удивительное лечение, даже полное страданий, которые я получал все это время, только умаляют и смиряют человека перед необъятным Промыслом Господним.

Как будто вся моя жизнь была посвящена действенному мышлению и борьбе, и как будто на пике этой борьбы и действия кто-то нажал на кнопку задержки, отключил звук и сделал так, чтобы я из колбы наблюдал за окружающей меня жизнью.

Тела и события еще двигались, кто-то даже подходил к колбе, пытался заглянуть туда и прищуриваясь, приглушенно звал меня: «Леван, как ты там, как? Все хорошо?» Но внутри этой колбы я не мог ничего сделать, кроме как молча лицезреть происходящее.

Иногда в этой колбе я чувствовал боль, порой нестерпимую, но и там я ничего не мог сделать: ни переместиться, ни что-либо облегчить.

Я был подобен Гомункулусу Гете, который вместе с Фаустом и Мефистофелем носиться по просторам античной Эллады в светящейся колбе, и никак не может выбрать время и место собственного рождения.

Хотя нет, у Гомункулуса в поэме все же есть возможность выбрать хоть что-нибудь, у меня же, думаю, не было даже ничего подобного. Впрочем этой возможности у меня нет и сейчас. Пройдя третий месяц без химии и потихоньку избавляясь от боли, я по-прежнему полностью прикован к одному месту и ограничен в движениях и все еще нахожусь в начале длинного пути и опять непривычно беспомощно наблюдаю за палитрой событий, разворачивающихся вокруг моего сферического стекла.

На выпуклости этого стекла переменчивость дня и ночи, света и тьмы смешалась теперь с отблесками войны и взрывов, оплакиванием раненых, проклятиями, слезами и кровью.

Теперь колба качается на волнах войны, и ее опасное дыхание пронизывает все: твою страну, твою семью, твой Эри, твою колбу.

Иногда совсем близко к стеклу колбы подбегают вопящие и злостно перебранивающиеся люди, и их пронзительный вопль проникает сквозь стекло колбы: «Что же нам делать, что? Как ты думаешь, Леван? Что скажешь?» Барабанят в стекло так, что кажется, оно треснет и разлетится вдребезги.

Фосфорическое свечение белков амилоидного яда, осевших на внутренней стенке моего сердца, выходит из тела, зажигает меня, как лампаду внутри колбы и я еще больше становлюсь похожим на Гомункулуса, и, несмотря на иллюзорную действенность этого света, в моих конечностях остается ощущение полного истощения и беспомощности.

«Что делать?! Довериться Его воле и не совершать глупостей,» – говорю спокойно.

«Что ты сказал? Мы не слышим, повтори!» – кричат, стуча по стеклу.

И ты пытаешься подать голос и кричишь им в ответ: «Что делать?! Быть спокойными, не надо в страхе войны уничтожать друг друга, не то война вспомнит и о нас, вспомнит запах и вкус нашей крови и обязательно придет к нам по нашей же вине!» – стараюсь докричаться до них.

«Что, что он сказал? Я не понял. А вы понимаете, люди? На чьей он стороне?» О колбу бьются тела перебранивающихся людей, и на стекле остаются следы крови, а колбу раскачивают волны войны.

И ты, застывший от собственной беспомощности и обремененный печалью о неизбежном будущем, тщетно пытаешься сделать хоть что-то, чтобы унять тревогу.

И в то же время удивляешься: ни война не представляет собой полное зло в данном случае и ни мир не является полным благом. Эти два понятия вне тех двух, возведены в другую степень значимости и охватывают все.

И в войне есть зло и добро, так как и в мире, на волнах которых покачивается твоя треснувшая колба.

И ты чувствуешь и понимаешь, что никогда не был способен что-либо сделать, все это было прелестью, ты всегда был в этой колбе со дня твоего рождения, просто, Господь пожелал, чтобы ты увидел это вновь.

У колбы нет ни парусов, ни весел в буре этой войны. И в отличие от Гомункулуса, она не подчиняется твоей воле телепатически. Просто она вброшена в материю, как и колба любого другого человека, и существует в Надежде на Всевышнего.

Эта Надежда — нечто удивительное, объемлющее и обволакивающее все колбы, это то, что оберегает их от разрушения до определенного времени.

В конце концов, все равно все разбиваются.

При разбивании духи испаряются из колбы и исчезают.

Безответным остается вопрос, что же такое свободная воля человеческого бытия в колбе.

Как будто она есть и в то же время, будто ее нет.

Во всяком случае тот, кто больше всего кичится в колбе и и кричит, что он сам все решает и всем управляет, выглядит самым нелепым и смешным. И, хотя совершенно очевидно, что эта воля, этот заряд существует внутри каждой колбы, она настолько ничтожна и беззащитна по сравнению с морем войны, что смешно даже говорить о ней, как о чем-то примечательном.

Так что я, конечно, совершенно свободен, но в колбе, в море, где единственной возможностью спасения и добродетели является осознание своей беспомощности и искренняя и неустанная молитва: «Господи, помилуй нас! Боже, спаси мою Родину! Господи, благослови мою семью на многая лета! Боже, помоги всем нуждающимся в этом море войны, за которым сияет солнце твоей правды!»

Леван Васадзе

20.03.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. LI Глава. Неавторский перевод

Во время написания этого «Дневника» я не раз говорил, что его основная цель быть полезным читателям, особенно, тем кто болеет. Поэтому в этой главе позвольте мне обобщить и подытожить тот опыт, который я приобрел за эти месяцы, и рассказать о тех приемах, которые в моем случае оказались пригодными.

Я не зря использовал здесь слово «прием».

Учитывая, что никакого опыта у меня не было, да и подобной литературы я не читал, я просто полагался в этой борьбе на свою внутреннюю созерцательность и общий жизненный опыт.

И хотя я не знаю (и никто не знает), чем завершится любая борьба (в том числе и моя) с такими тяжелыми, двумя заболеваниями, но то, что я сумел дойти до сегодняшнего дня, возможно, помимо милости Божьей и молитв стольких добрых людей, отчасти результат также некой попытки внутренней упорядоченности и борьбы.

Это не значит, что эти приемы или техники будут одинаково полезны для всех, но, по крайней мере, думаю, что вреда они не причинят никому.

Так к каким же приемам я прибегал в эти трудные месяцы болезни?

Первым было и остается подчинение воле Господа.

Если человек не исполняет волю Господа, ему всегда очень тяжело, потому что он пытается следовать своей собственной воле, и это особенно остро ощущается в данном положении.

То есть, желание исцеления в любом случае – сама по себе мысль кощунственная, ибо она не признает такого развития событий, когда это, к сожалению, может не быть волей Господней, подразумевающей иного пути спасения.

Но упование на волю Всевышнего и, готовность сказать, Господи, я то сделаю все возможное для своего выздоровления, буду слушаться врачей, не поленюсь принимать лекарства и не буду пренебрегать никакими медицинскими вмешательствами, но, да будет воля Твоя, – освобождает больного от напряжения, от бессмысленной траты сил и, в действительности, делает его гораздо сильнее в этой борьбе.

Кажется, это не так уж и трудно понять, но на самом деле, когда дело касается вашей жизни, это очень сложно осуществить человеку, обладающему силой воли. Более того, можно даже сказать, что это невозможно, и поэтому необходимо в этом состоянии молить Господа о том, чтобы он дал нам силу следовать Его воле.

Другой вопрос – это отношение к будущему.

В первую очередь, следует не думать о будущем и замкнуться в настоящем. В процессе любого тяжелого заболевания, если человек думает о будущем, тревога может его просто извести и убить, следовательно, это совершенно недопустимо.

Даже в обычных обстоятельствах человека часто терзает тревога о будущем, а при тяжелой болезни это бремя может стать совершенно непосильным.

Поэтому как бы отсекай будущее и стараться жить настоящим и благодарить Господа за все, что он ниспошлет тебе, всегда благотворно, особенно в борьбе со смертельным недугом.

Третье – это отношение к текущему времени бодрствования.

Во время тяжелой болезни образ жизни человека резко меняется, он становится прикованным к постели, запирается дома, отдаляется от привычного образа жизни, теряет прежний ритм и скорость течения.

В этом состоянии часы бодрствования человека нуждаются в установлении новых обязательных норм, которые человек будет заставлять себя соблюдать, помимо удовлетворения своих естественных потребностей.

В моем случае это были различные умственные и ремесленные упражнения, которые я до сих пор заставляю себя выполнять ежедневно.

Даже находясь в тяжелейшем положении, я старался не пропускать установленное время урока нового языка с преподавателем, обучался дополнительным ремеслам, по мере своих возможностей тренировался, принимал участие во встречах и собраниях, связанных не только с семейными делами, но и с процессом строительства нашего общественного движения.

Все это, как бы ни было порой тяжело, давало и дает мне возможность забыть о своей болезни и вместо нескончаемой боли и печали направить свой разум на нечто другое, тем более, если это предполагает заботу о других. Если бы не это, думаю, мне было бы намного сложнее.

Здесь очень важно определить степень того, насколько вы должны принуждать себя заниматься теми или иными делами. Нельзя, конечно, делать это до изнеможения, но в то же время нельзя позволить себе подчиниться боли и печали и дать им возможность поработить себя. Давайте скажем так: иногда боль от этого принуждения предпочтительнее той боли, которая забывается из-за этой.

Так что, будь то изучение иностранного языка, резьба по дереву, тренировки или уже вдобавок к этому всему прогулки по улице, участие в деловых и общественных беседах, чтение и писание – во всем этом я искал ту степень нагрузки, которая одновременно могла беспокоить, напрягать меня, но в то же время, делать так, чтобы это мучение было не более того, которое я чувствовал из-за болезни.

Венцом всего этого было по возможности пребывание в состоянии продолжительной и глубокой молитвы.

И здесь мне нечем похвастаться, я просто знаю, что молитва – это главное утешение и источник силы.

Поэтому я старался и стараюсь читать и слушать молитвы, стоять или сидеть пред иконами, молиться о других и советую делать это всем.

Возможно, более духовные люди, чем я, только этим могут исцеляться и исцелять других, но, я благодарю Бога за то, что он хоть немного приобщил меня к этому океану главного человеческого делания, и никогда не смогу выразить, что это значит для меня.

В заключение, я хотел бы сказать несколько слов о благодати благодарности.

Как только я благодарю Господа за Его милость и ласку, я сразу же чувствую себя лучше, а если могу выразить благодарность и за тех людей, которые поддержали меня, то вообще забываю любые печали.

Неблагодарность вгоняет меня в уныние и печаль, и поэтому, вспоминая сколько раз я бывал счастлив и незаслуженно обласкан Богом, я становлюсь похожим на человека, а, как только забываю все это, меня гложет нечеловеческое состояние и, если бы ни безграничная милость Господня, я даже не знаю, что могло бы мне помочь.

Каждый сам должен отмерить и извлечь отсюда полезное для себя, но, я искренне старался на нескольких страницах уместить то, что показалось мне бесконечностью за эти месяцы.

Леван Васадзе

28.03.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немошного”. ЛII Глава. Неавторский перевод

Морозным утром я разбудил мальчиков. Старшие кивнули мне и перевернулись в своих постелях, это означало, что я должен оставить их в покое и они сами выйдут, если опять не заснут.

Младших я с лаской приподнял за руки на кроватях, и они осовело глядели на меня, пока не вспомнили зачем я их бужу. Потом я поднялся в молельню, и во время молитвы мой разум блуждал, думая о святой воде и просфоре.

Младшие уже сидели на кухне, а старших еще не было видно.

Мы вышли на улицу, там нас с нетерпением ждал Дима, а в багажнике пикапа из угла в угол метался Бруно. Честер тоже высунул из дома свою морду английского бульдога, но поняв, что с нами делать ему нечего, вернулся к размышлениям и хлопотам о еде.

Вскоре подросли и старшие.

Собрав провиант и проверив оружие, мы тронулись в путь.

Мы ехали на двух машинах: Дима сидел за рулем пикапа, я рядом, а Илико – на заднем сидении. За нами на RAV4 следовали трое старших: Шио-Ираклий за рулем, Гиоргий рядом на переднем сидении, а Николоз – на заднем.

В конце нашей улицы, звук шин по брусчатке сменился асфальтовым, и мы, миновав Белый Храм и поворот на Кикети, свернули налево и выехали на трассу.

Уже рассвело. Дорога, ведущая с Триалетской гряды гор на плато Джавахети, почти пуста, пока вы не доедете до Манглиси. Пантиани, повороты на Цвери, Гвеви, Алгети и Тонети, сам Орбети и поворот на Дидгори, все застыло в безмолвии, в то время, как неподалеку за горами, утопая в собственных ядах, праздно спит безработный Тбилиси, переполненный бесцельной и неподвижной жизнью.

Престол господствующего Матриархата, тщетно мечтающего об онанистическом и неосуществимом слиянии с Мировым Матриархатом, переполненный оскопленным мужским началом, растолстевший от неудовлетворенности, перешедший в стадию самопожирания с женскими отклонениями, urbanization at its best – вновь приближающаяся смерть великой

грузинской культуры, только на этот раз не от сабли османов или монголов, или кого-нибудь еще, а от постыдного, липкого, слащавого, лживовго обещания вступления куда-то и счастливой жизни там.

Опрокинутое над Джавахети небо было похоже на бездну обрушившегося купола лазури, в которой плавали белющие лебеди. Запах машин и ружей в пути не подпускал до нас благоухания окружающей природы, и мы с Димой тихо беседовали об охоте, собаках, ружьях и почему-то о лягушках, а Илико, замерев, слушал нас.

Под Цалкой мы свернули с дороги на восток, надо было опробовать новое место с нашим местным другом – сваном. Дорога была разрушена, и в шуме вибраций было трудно расслышать друг друга.

Наш друг уже ждал нас на дороге. Мы вышли из машин, поприветствовали друг друга, он спокойно улыбнулся сыновьям, и мы последовали за ним. Вскоре разрушенная дорога растворилась в заброшенной деревне, и мы продолжили путь по травяной колее. Через десять минут мы были на месте.

Был сезон куропатки, и мы должны были обойти как можно больше хвойных вспольев. Из перелеска в перелесок по полю мы шли цепочкой, других охотников вообще не было видно.

При ходьбе мысли мои вновь обратились к Матриархату оставленного позади гигантского города. Я думал о том, как вопит и осуждает он все мужское, в том числе и охоту на дичь отца с сыновьями, и как он нежит и лелеет утомленного им мужчину, который и не замечает, как начинает уступать и как теряют смысл все эти его уступки. Чем сильнее Матриархат оскопляет мужчину, тем неудовлетвореннее и жирнее становится он сам, тем больше он крамольничает и тем больше кастрирует все вокруг себя.

Не могущая быть Солнцем Луна, отвернувшаяся от Зевса Гера, рожденные в непослушании, наделенные нечеловеческой силой, уродливые – гекатонхейры и титаны. Материя, оторванная от идеи, прородитель многого, но, уродливого, вождедеющего все большего и большего и не способного создать ничего возвышенного без Духа, без Гелиоса, без Эйдоса.

Ее застойное существование, плоские стеклянные экраны, со сточенными женоподобными обглодками, оставшимися от мужчин и жуткими «Женозаврами», постмодернистская апокалиптическая реальность Кали-Юги, без иллюзии обновления в Манвантаре, ожидающая единственного и истинного обновления.

В одном из межгорий, сзади очень быстро взлетла, меж деревьев одна, слева от меня. Никуша среагировал и не промахнулся. Потом, увидев движение раненной птицы по земле, он тихонько попросил меня: «Пап, может, ты присмотришь!» Я прочитал в его взгляде бездонную жалость и раскаяние. Инициация при становлении мужчиной, благо соприкосновения с первозданной природой, на которую орет напичканный бургерами и карпаччо Матриархат: «Не будьте вы такими жестокими!», как будто телятина, застрявшая у него в зубах, растет на деревьях – глухость

несчастливого существа с отмороженным мозгом, разчеловеченная в поисках гуманизма безмозглая плоть.

Одной добычи для такой длинной дороги было слишком мало, да и кто охотится в нашей обездиченой Грузии ради спорта, что же мы скажем на кухне?! И мы нырнули за нашим другом в дебри непроходимой чащи.

Этот величественный сван излучает удивительную силу и выносливость, удивительную стойкость и надежду. Он не подвел и сам пополнил нашу скудную добычу еще двумя, а затем настойчиво просил нас забрать добытое, мы отказывались, но он настоял на своем.

Добравшись до машин, мы немного перекусили хлебом, луком, колбасой и помидорами, и запили все это чуток коньяком «Сараджишвили». Особо нам ничего и не хотелось из-за скудной охоты. Хотя и это лучше валяния в постели, насколько теплый, душистый сосновый аромат лучше вялого пробуждения города.

Возвращались довольными, глотнув немного свободы. Нино и дочери ждали нас дома, похвастаться особо было нечем. Лишь немного курицы к обеду...

Я выглянул в окно. В Москве светает. Вчера и здесь март вильнул хвостом и заснежил весь город.

Многие писали об охоте и рыбалке, от Руставели до Тургенева или Хемингуэя, как же хорошо порой все это вспомнить.

На нелегком пути избавления от лекарств после химии я излишне осмелел по части освобождения от успокоительных средств и плоть моя не справилась и нейропатический синдром обморожения ступней разбудил меня в три часа ночи, заставил метаться в постели, снять ненавистную маску аппарата «сипап» и наконец встать пред иконами. После выполнения правила лед в ступнях не исчез, и разум вернул меня в Тriaлети и его историям, туда, где сердце чаёт любимых...

Леван Васадзе

29.03.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. III Глава. Неавторский перевод

В последние месяцы мое внимание привлекли распространенные через социальные сети истории детей, которых усыновили или удочерили обманным путем.

Моя супруга следит за этими историями и иногда рассказывает мне их. Когда я слышу все это, сердце мое разрывается.

Оказывается, с советских времен и по настоящее время у нас глубоко укоренилась практика похищения детей у родителей и усыновления и удочерения их другими людьми.

Одна и, пожалуй, самая большая вина лежит на врачах родильных домов, которые десятилетиями лгали тысячам родителей, что их младенцы погибли при родах.

Это мог быть единственный ребенок или один из близнецов. Оказывается, несчастным родителям говорили, что тело их младенца захоронили на кладбище, принадлежащем родильному дому, на самом же деле ни одному из родильных домов никакое кладбище никогда не принадлежало.

Потом украденного у родителей ребенка в обмен на определенную сумму отдавали на усыновление стоящим в очереди желающим.

Эта практика была у нас настолько массовой, что речь идет о тысячах и десятках тысяч изуродованных жизней.

Некоторые из этих людей сейчас находят друг друга, а некоторые, наверное, не сомневаются, что являются жертвами подобного варварства. В Facebook есть группа «Ищу», где вы найдете много похожих историй.

И вот что примечательно: имена и фамилии врачей-гинекологов этих родильных домов всем известны, но ни один из них ни разу не был наказан ни законом, ни народом.

Вторая группа людей, занимающихся этим страшным делом – это родственники украденных детей.

Нино рассказала мне, как узнала ужасную историю женщины, у которой в Кизики умер сын, после чего она отняла у своей вдовствующей невестки двух детей, то есть собственных внуков, и продала их желающим.

На деньги, полученные от продажи внуков, эта бесчеловечная тварь открыла лавку у забора собственного дома, в которую однажды, когда она сидела и торговала, врезался трайлер и раздавил эту злосчастную насмерть.

У матери, лишенной детей, случилось помутнение рассудка, она ходила из деревни в деревню и умоляла людей, чтобы ей помогли найти украденных детей. В одну зимнюю ночь ее, в 29 летнем возрасте, нашли замерзшей в одном из заброшенных зданий.

И, все это рассказывают односельчане, которые знали о случившемся, знали, что убитая горем мать говорила правду.

Оказывается, подобных историй было много и посредством социальных сетей они все больше и больше предаются огласке.

Добавьте к этому массовую практику убийства детей путем абортов и фашизм ювенальной юстиции, который является органичной частью либеральной республики, согласно которой зачастую озлобленным и жестоким соцработникам выдают премии в соответствии с тем , скольких детей они отнимут у родителей, и вы получите прямое объяснение, почему наша страна находится в таком плачевном положении.

О каком хваленном христианстве, о каком кавказском мужестве и традициях может идти речь, если мы находимся в состоянии такого разврата?!

Не говоря уже о том, что у либерального телевидения есть деньги и время на все, в том числе и на подстрекательство людей к противостоянию друг другу в любой ситуации, на все, кроме разоблачения и огласки столь ужасных фактов.

По моему мнению, этот плач нашего греха достигает небес и, по сравнению с ним, страдания, пережитые мной за последние месяцы, ничто.

Если, как сказал гений, счастье всего мира не стоит слезы невинного ребёнка, то какие шансы на какое-либо счастье есть у нас, как у народа, если мы так глухи к слезам стольких детей и родителей?!

Это значит, что мы, как народ и государство, не сможем двигаться вперед, пока не исправим все это вместе.

На мой взгляд, те врачи-гинекологи, в период деятельности которых осуществлялись и осуществляются похищения и продажа младенцев должны быть заключены в тюрьму на длительный срок, они должны занять место тех людей, которым наш несправедливый суд недавно вынес приговор по делу 5 июля. К ним должны присоединиться все те журналисты, которые пропагандируют антитрадиционную идеологию, разжигают ненависть, повсеместно распространяют клевету и оскорбления.

Всех иностранных дипломатов, которые вмешаются в свершение этой справедливости и выразят какое-либо возмущение или протест, следует, дав пинка, в срочном порядке выслать из страны, а со стороны нашего Министерства иностранных дел их странам должно быть дано предупреждение, чтобы таких «дипломатов» в нашу страну больше не допускали.

Если же вышеупомянутых врачей-гинекологов уже нет в живых, их имена как имена позорных людей должны быть обнародованы, их следует осудить задним числом и хотя бы де-юре приговорить к лишению свободы.

Необходимо создать парламентскую комиссию по расследованию дел социальных работников ювенальной юстиции и строго наказать их за то, что они рушат семьи и отбирают детей у родителей.

Закон о ювенальной юстиции должен быть отменен, а все неправительственные организации, которые его поддерживают, должны быть закрыты.

Любое финансирование, которое такие организации получают из-за границы, должно быть изъято и передано социально незащищенным семьям.

Там, где люди знают о том, что детей крадут и продают, и видят, что по каким-то причинам государство бездействует, эти преступники должны быть наказаны народным судом, подобно тому как сейчас поступают с мародерами, когда их привязывают к позорным столбам.

Будет лучше, если мы, как прихожане, будем послушаться Мать-церковь и, каяться в этом общенародном грехе – например, если она призовет нас к очередной, совместной, всенародной молитве покаяния или параклису.

И в завершение, мы должны превратить Грузию в бастион семейных ценностей, где люди любой национальности и вероисповедания, при полном уважении к нашим традициям, будут иметь возможность свято хранить и воспитывать семью.

И это не несбыточная мечта. Мы действуем ради нее и милостью Господа переносим все испытания, предательства и невзгоды, которые выпадают на нашу долю из-за этого действия.

Леван Васадзе

08.04.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. LIV Глава. Неавторский перевод

После того, как я заболел, вчера у меня была первая публичная беседа – не по Интернету, а с глазу на глаз.

На Родину я пока еще не вернулся, поэтому беседа прошла в кругу русских православных друзей в Москве, которых я хорошо знаю.

Сначала на собрании в храме прочитали Акафист Пресвятой Богородице, а затем в расположенном там же зале священник замечательно говорил о книге Апокалипсиса, то есть о книге Откровения Иоанна Богослова. В настоящее время он является одним из самых выдающихся проповедников в России.

Я не был уверен, что после такого важного разговора кому-то будет интересно мое повествование, но, поскольку это были друзья, которых я не видел больше года и которые молились за мое здравие, я все же осмелился побеседовать с ними.

Чтобы не утомлять людей, я вкратце рассказал, что мне довелось перенести, а затем в нескольких словах поделился наблюдениями и «приемами» борьбы с недугом, о которых писал в одной из предыдущих глав.

Вполне привыкший к публичным беседам, я удивлялся тому, что почему-то волновался – быть может, потому, что говорил о себе, а не о чем-то другом, что для меня непривычно.

Друзья выслушали меня с удивительным состраданием и вниманием, а затем на небольшом фуршете, на котором подавали вино из нашего семейного погреба, многие подходили и обращались ко мне с наилучшими пожеланиями. И я снова думал, как же нам и России удалось дойти до такого конфликта на государственном уровне и что же может помочь в сложившейся ситуации?!

Страшная русско-украинская война, которой я посвятил несколько предыдущих глав, опасна еще и тем, что может еще больше углубить конфронтацию с Россией, столь опасную и вредную для нашей страны. О недопустимости этого многие говорили и писали в эти дни, и в этой главе я не хочу вас больше беспокоить этим.

Для меня совершенно очевидно, что если это – не дай Бог – все-таки произойдет, то будет это не воля народа, а ухищрения тех сил, которых устраивает усугубление конфликта с Россией. Будем молиться, чтобы этого не случилось и чтобы российско-украинская война как можно скорее закончилась.

В хаосе этой войны и бедствий по-прежнему бросается в глаза то, что и в мирное время является закономерностью, просто менее остро ощутимой: неверующих и нечестивцев на передовой в управлении земными делами гораздо больше, чем верующих и доброжелательных.

То, что мы находимся в руках лукавого мира сего составляет неотъемлемую часть нашего религиозного знания, и поэтому для христианина ни в одном веке не было удивительным угнетение намерений его совести, ощущение гоненья и бессилия.

То же самое происходит и на фронте российско-грузинских отношений: доброжелателей никто не слушает, злые же ошалело лают с обеих сторон.

И характерной чертой круга моих вчерашних добрых собеседников является именно это: они даже не знают, чем их Родина обидела мою Родину, но хорошо знают, чем обидели их мы. Эти познания у них из злостных СМИ, и, когда они встечаются с такими единоверующими людьми, как я, они не могут понять, почему же созданный СМИ образ так не соответствует их восприятию меня как человека, придерживающегося их морали и находящегося в постоянном поиске как и они.

Я живу в этом много лет и не раз чувствовал себя совершенно бессильным: преодолеть это море противоположных впечатлений и принести какую-то пользу и своей Родине, и ихней, несмотря на многочисленные препятствия, встречающиеся с обеих сторон.

Для меня очевидно, что человек настолько мал и бессилён перед этим морем, что не в силах сделать что-либо пред ним, как парусная лодка.

Но, если Господу будет угодно, можно сделать так, чтобы попутный ветер наполнил парус этой лодки и с миром привел ее к причалу, где ее ждут такие же лодки.

Этот причал называется стороной братства во Всевышнем, где нет ни Элина, ни Римлянина, ни Иудея, и право быть там, наверное, пока не заслужил ни я и ни многие, подобные мне.

Леван Васадзе

13.04.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немощного”. LV Глава. Неавторский перевод

Вернулся на родину.

По определенным соображениям я предпочел перелету поездку на машине, и это тоже оказалось испытанием для моего ослабленного тела.

Мы выехали из Москвы в Великий Четверг, в девять часов вечера, с моим водителем и одним другом-осетином и до Владикавказа ехали мы без остановок.

Водитель и мой друг-осетин чередовались, и в Великую Пятницу в четыре часа дня мы уже были во Владикавказе.

И это состояние было непривычным для моего изнеможенного тела.

Я даже не могу сказать, спал я или бодрствовал, ощущал ли боль, или мне это просто казалось.

Предписанные мне врачами лекарства я по мере возможности принимал, а во время заправки горючим заставлял себя выходить из машины.

Выходя из машины, меня покачивало, и мне было стыдно перед моим другом и водителем.

На юге России стало светать, и, начиная с Ростова, природа все больше и больше становилась похожей на грузинскую. Иногда я беседовал с другом и с Димой, иногда дремал и слышал их разговор.

Начиная от Ростова и далее до границы Грузии стояла бесконечная, редкой длины очередь грузовых трайлеров; половина из них была предназначена для Армении. Когда я спросил друга, кто создает этот затор на дороге: наши или ваши, он ответил, что скорее всего это российская сторона.

По пути нам встречались колонны военной техники со знаком «Z», которые направлялись на войну на Украину.

Всюду, куда падал взгляд, земля была вспахана и возделана, ни одна пядь не была заброшена. Друг сказал мне, что в последние годы сельское хозяйство стало процветать, и люди вернулись к земле. Везде суетились люди, работали трактора, грузовики, тягачи.

Мы остановились у друга во Владикавказе. Это удивительный человек, с которым я познакомился в Гудаури и который в эти дни проявил необыкновенную заботу по отношению ко мне. Я его не просил, просто, когда, собирался ехать, позвонил, чтобы узнать его мнение. Он оказался в Москве и ни в какую не отпустил меня одного и даже хотел отвезти меня на своей машине.

Вечером он накрыл стол и попросил меня, чтобы я был тамадой. Какой был из меня, уполовиненного, тамада, да еще и в Великую Пятницу, но отказать я не мог. Ночью я спал, как убитый, в отведенной для меня спальне.

Утром, попрощавшись с другом, в сопровождении мохевца из Коби, работавшего у него, я пересек границу и так оказался в моем любимом Дарьяльском монастыре у дорогого мне отца Иосифа. Там я встретился с Димой и Ваню, видеть которых я был безмерно рад.

Ничего не происходит случайно.

Чуть более полвека назад именно на месте Дарьяльского монастыря на студенческой альпиниаде познакомились друг с другом мои отец с матерью.

После свадьбы сюда же, в ущелье Хде, отец-студент отправился со своей женой в свадебное путешествие.

Спустя годы по благословию нашего великого патриарха (которое, основывалось на видении его деда), а, быть может, и величайшего мохевца всех времен, Илии II, здесь был построен монастырь, и мы с родными и друзьями в течение нескольких лет ездили и работали на строительстве. Отцы с сыновьями – весь день строили храм, жены с дочерьми – готовили нам пищу, и были мы там, как в раю.

И вот, спустя годы я, почти усопший и погребенный, оказался в этом святом для меня месте, чтобы встретить Светлое Христово Воскресение.

Когда я вошел в храм, мое сердце замерло при виде снятого с креста Спасителя, и я тайком прослезился, зажигая свечи.

Это были слезы по Спасителю и по всем любимым, особенно по отцу, который ушел из жизни, из-за переживаний о моей болезни, и с которым я так и не смог попрощаться.

Отец Иосиф, беседа со мной во время трапезы, отметил, как много любви для меня в этом месте, иначе что бы меня остановило на пути к восьми детям, с которыми я не виделся почти год.

Он дал нам благословение на отдых и сказал, что Пасхальная служба начнется в одиннадцать часов вечера.

Я никак не мог заснуть, а потом понял, что не было смысла заставлять себя это делать, перестал прислушиваться к боли и находился в своей комнате до наступления ночи в состоянии полусна-полубодрствования.

К началу службы мы вернулись в храм, народ уже собрался. Меня облачили в стихарь, и игумен дал мне благословение на то, чтобы, устав, я смог бы сесть на отведенный мне стул.

Во время Крестного Хода, когда, обойдя храм трижды вместе со Спасителем, мы стояли у западных ворот, украшенных тимпаном (1), и когда раздалось мое любимое сванское „ქრისტე ზღბდგა“ – «Христос Воскресе», слезы снова навернулись на глаза, и я уже не стал им противиться.

Во время службы мне пришлось пару раз присесть на стул, но было стыдно, и Господь дал мне силы снова встать.

Во время исповеди я снова порадовался личности отца Иосифа.

Во время причастия мохевцы и мы, их гости, молча стояли в очереди, везде пребывала тихая радость.

В жертвенник заглянул мой брат, воин и горец, Леван Кирикашвили, мы шепотом поздравили друг друга и я переживал, чтобы он не волновался при виде моей худобы и слабости.

Святой отец не оставил меня на проповедь и благословил, чтобы я шел отдыхать. Был уже четвертый час. Войдя в комнату, я тяжело заснул и проснулся в девять.

Во время трапезы мы после поста отведали Чакапули, приготовленное нашим другом, и сказали друг другу несколько радостных тостов.

Батюшка благословил меня, и мы тронулись в путь.

В Степанцминда меня встретил мой второй брат, Тимур Кирикашвили. Мы были очень рады видеть друг друга, он рассказал мне о своих воспитанниках, которых он обучает борьбе и бытию мужчинами, обрадовал меня, сказав, что идет такая смена, которая мне понравится.

Мы поднялись на Гергети, и я был рад, что так или иначе смог пешком преодолеть крутой подъем, ведущий к храму.

Храм был пуст, и я успел помолиться, прежде чем гид-грузин нарушил царящий в храме покой с вошедшими вместе с ним туристами из Украины, которым стал громко рассказывать, как русские белили наши грузинские фрески.

Голос этого нецерковного поведения снова напомнил мне о братоубийственной войне, и я до Тбилиси ехал в печали.

Повсюду виднелись следы огромного мартовского снега – стены снежных тоннелей, прорубленных на Крестовом Перевале и везде журчащие на апрельском солнце ручейки.

Приехав в Тбилиси, я навестил свою бабушку (Бубу), княгиню Мариам Юлиановну Абашизде, которой в этом году исполнится 102 года и которая целый год делала вид, что не замечала моего отсутствия, как будто не помнила меня. Буба спала, и я не стал больше ждать, мама уже была в Кикети.

В Кикети с секунды моего выхода из машины до моего отхода ко сну прошли самые счастливые минуты или часы моей жизни.

Дети плакали, я не успевал прижимать их к сердцу, мы молча сидели и обнимали друг друга. Были моя сестра, зять, племянник, родители Нино, ее брат с женой и детьми, почти вся семья.

Все пространство преобразилось, прониклось удивительным ароматом Благодарности и Благодати, больше не было смерти, все озарилось покровительством Воскресшего Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Келаптари (2), который горел на столе, сделанное нашими руками гвино (3) из нашего семейного погреба, которое наливали мне сыновья, Триалетская Чаша (4), подаренная мне Его Святейшеством, сказавшим мне, чтобы куда бы я не поехал, всегда брал ее с собой и пил из нее, Чакапули, приготовленный сыновьями, Анна и Мариам, не слезавшие с моих колен, тосты, в которых дети рассказывали мне о своих снах, слезах, надеждах, глаза Нино и одновременная нестерпимая радость и нестерпимая тоска по отцу, ощущение перенесенной невыносимой тяжести, где-то мелькающие, как тени, лица моих убийц, и лазурь и золото пространств текущих вод, единственное Оправдание Бытия, достигаемое только путем сильнейших мучений, одинокого претерпевания великой несправедливости и огромного испытания, Силой, данной тебе Господом, без которой ты знаешь, что не смог бы вынести и сотой доли того, что Он помог тебе перенести.

Отголоски тени недуга, оставшегося в кости и напоминающего о себе глухой болью, удрученной и подавленной несравненной Поэзией Семьи.

Сама Поэзия, обнаженная до крайних, пронзительных звуков, как не зависящая ни от чего Песнь, Вечная Радость, вершина всего самого Прекрасного и Изысканного, всего самого Нежного и самого Непокосимого, что когда-либо видел человек.

Я все еще там. Как я выйду из этого состояния, чего пожелает Господь для моей Родины, для моей семьи и для меня, недостойного, это пусть скажет Он. Ему же Слава и Благодарение, во веки веков, Аминь.

(1). Тимпан – название барельефного украшения дверей храма из бронзы или меди.

(2). Келаптари – большая, суточная, медовая свеча.

(3). Гвино (произносимое с мягким «г») – первичное грузинское название от которого пошло индоевропейское название Vīno, ныне более относящееся к традиционным винам, делаемым в Квеври, в глиняных сосудах, зарытых в землю, по технологии, датируемой всемирной археологией в Грузии давностью в 8 000 лет.

(4). Точный слепок археологического артефакта, чаши, принадлежащей Триалетской Культуре, датируемой 17 веком до н.э., найденной на Триалетской гряде, где находится Кикети.

Леван Васадзе

30.04.2022

Перевод: Меги Коберидзе

Леван Васадзе – “Дневник Немого”. Послесловие

В наше время закончить любое дело, само по себе, ценное явление.

Это потому, что в эпоху дробления мышления и падения духовности, чрезвычайно трудно довести до конца любое начатое дело: не существует ни обозначений, ни правил этого самого окончания. Возможно это и потому, что человечество вновь застыло в очередном ожидании всеобщего конца.

Так и этот дневник. Он часть нашего ЭРИ и вообще часть нынешнего состояния нашего человечества и мне, как его писателю, будет очень трудно объяснить почему я заканчиваю его здесь.

Может потому, что дожил до сегодняшнего дня и вернулся к моей любимой семье на Родину. Может потому, что пришла весна и с Воскресением Христа вновь зародилась надежда на Обновление.

Или может потому, что и других дел великое множество, будь то забота о моей большой семье, о воспитании детей в нашей школе, строительство «ЭРИ», издание книги писем, издание книги теле-обращений, издание нового сборника стихотворений, окончание начатого 20 лет назад романа «IMMIGRANT», написание новых рассказов, или то что главное для меня – написание новых стихотворений, или просто чтение, чтение и чтение, не говоря уже о болезненном, неуклонном и робото-подобном труде по восстановлению моих сил, в котором возможно мне поможет мое прошлое регбиста, как это уже раз было после 9-го Апреля, вот уже 33 года назад.

Так или иначе, этот дневник вновь обновил во мне и дал вновь обнять культуру писания дневников, и, хотя «Дневник Немошного» завершается, возможно начнется какой-то другой дневник, не обещаю, как получится.

Для меня неведомой тайной останется все, что произошло со мной с прошлогоднего Гиоргоба, когда я несмотря на собственное нежелание и нежелание каждого члена нашей семьи вошел-таки в ненавистную мне политику и вплоть до Гиоргоба на прошлой неделе, но я надеюсь, что некоторые главы этого дневника помогут хоть кому-то в жизни, в нужде, в немоши, в мышлении, в действии.

Наверное, способность к благодарности суть главное человеческое качество, благодарности не только к Создателю, ни и к ближнему, и для меня совершенно очевидно, что я должен благодарить великое множество людей, как близких, так и совершенно мне незнакомых, и мирян, и монахов, за их искреннюю молитву за меня, которая спасла меня от двух одновременных и почти не излечимых болезней, что поразило и обрадовало моих докторов.

Невозможно знать, что нас ожидает в будущем, кроме одного, смерти, или Гардацвалеба – преобразования, как мы картвелы называем ее. Живя с ней так близко целый год, надеюсь я хоть немного научился уму-разуму и молю Господа, дабы он дал мне способность не растерять эти уроки в шуме обновленной жизни.

Ничто не исцелит моего сердца, разбитого потерей моего любимого и несравненного отца, который погиб из-за моей болезни не вынеся переживаний, и забота о ком и была в свое время единственной мотивацией моего становления деловым человеком, и которого я даже не смог похоронить своими руками, и которого я навесил сразу по прибытию в Тбилиси, еще до того, как встретился с Нино и с удивительно повзрослевшими моими детьми со следами огромной тревоги в их глазах. И когда я думаю, что если бы не этот мой шаг, отец мог бы еще жить, не то, что этот дневник писать, мне не хочется вообще ничего.

Должен признаться, что несмотря на мое искреннее нежелание верить, что приключившееся со мной не случайно, вынужден сдаться многим фактам, не только медицинским, но и социально-политическим, которые свидетельствуют о том, что, к сожалению, видимо версия моего радиационного облучения, или отравления наиболее вероятна.

Полагаю, и это естественно для нашего гнилого времени: в эпоху невиданного коварства и лживости, даже враг вроде бы эфемерен и не существует. Как я писал в одном стихотворении, не жалуется нас более Господь видимыми врагами и кольчуга-носными братьями. Ведь ныне все «цивилизованно и не насильственно», а на самом деле тот, кто больше всех вопит «нет насилию» на самом деле и есть главный насильник, как слуга материи и враг эйдоса.

Все это, естественно, даже в статусе не официальной и не доказанной версии, накладывает свой отпечаток впредь, как на мой образ жизни, так и на мое мышление:

По образу жизни, видимо я должен быть гораздо более осторожен, чем доселе, в первую очередь ради своих детей.

А с точки зрения мышления, если все так, я должен еще раз признать, что видимо, к сожалению, зла на этом свете гораздо больше и оно гораздо более настоящее, чем как это часто кажется такому идеалисту как я.

Странно, но несмотря на это, все произошедшее не вызывает никаких изменений в основных направлениях моего поведения: не делает меня ни на йоту более компромиссным в деле защиты идеологии нашего ЭРИ и не возбуждает в моем сердце никакой жажды мщения: прости их, Господи, ибо не ведают, что творят!

В то же время, война, начатая на Украине все изменила и по своей геополитической значимости сравнялась с развалом Советского Союза.

Какая участь ждет нашу Родину в это новое время и как она сможет себя сохранить в этот век, который обещает нам больше разрухи и несчастья чем даже 20-ый, покажет время.

Мы же призваны не поддаваться страху и унынию и без устали трудиться и молиться для мира, созидания и достойной встречи с вечностью.

Все дни, или годы, которые мне остались, я собираюсь делать только это и возлагаю свое незыблемое упование на Сердцевидца Создателя.

Почему-то, при написании последних строк этого дневника, у меня перед глазами стоит угрюмый и любимый образ незнакомого мне Воина, который несколько насмешливо и с сочувствием улыбается, слушая человека, чрезмерно тревожащегося за будущее, Воина, который спокойно проверяет знакомую как пять пальцев свою кольчугу, со сладким напевом точит свой меч, тепло гладит своего коня и с Вечным Покоем готовится к следующей брани.

Я не знаю, как зовут того Воина, кто он по происхождению или вероисповеданию, или может даже знаю, но хочу, как ребенок, чтобы Его Благодать задела и меня, чтобы я был похож на Него, чтобы я был Им.

Леван Васадзе
10.05.2022